АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР

Ак Р
5732

Проф. Г. Д. САНЖЕЕВ

ГРАММАТИКА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

EB_1941_AKS_362

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР

Ак Р
5732

Проф. Г. Д. САНЖЕЕВ

ГРАММАТИКА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

EB_1941_AKS_362

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Акад. Наук СССР
Отд. Физ.-Мат.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
АКАДЕМИКА
БОРИСА ЯКОВЛЕВИЧА
ВЛАДИМИРЦОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа, являющаяся как бы продолжением вышедшей в 1938 г. „Грамматики бурят-монгольского языка" Н. Н. Поппе, посвящена преимущественно разбору частей речи и синтаксиса бурят-монгольского языка. В книге Н. Н. Поппе достаточно подробно излагаются вопросы фонетики, склонение имен, спряжение глаголов и словообразование. Поэтому в настоящей работе эти вопросы освещаются лишь конспективно.

Грамматика Н. Н. Поппе по существу представляет собою сравнительную грамматику бурят-монгольского литературного языка и живых бурят-монгольских говоров. В этой книге Н. Н. Поппе трактует, главным образом, вопросы сравнительной фонетики, орфографии (на латинизированной основе) литературного языка и, особенно детально, морфологии (словообразование и словоизменение). Эти замечания мы делаем для того, чтобы читателю было ясно содержание двух одноименных работ.

Последняя часть настоящей работы, начиная с главы „О составе предложения", представляет собой некоторую переработку нашей книги „Синтаксис бурят-монгольского языка", изданной в Улан-Удэ в 1940 году.

В заключение отметим, что в ряде примеров нами допущены в силу необходимости некоторые синтаксические и стилистические погрешности в русских переводах. Это сделано для того, чтобы сохранить своеобразие бурят-монгольского предложения.

Г. Санжеев

14/I 1941 г.

КРАТКИЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ГЛАСНЫЕ

Долгота и кратность гласных. Ударение

В количественном отношении все гласные бурят-монгольского языка могут быть краткими [неполного образования], нормальными, долгими и сверхдолгими. Обычно в диалектологических работах краткие гласные обозначаются знаком ˅, который ставится над соответствующим буквенным обозначением.

Примеры:

хара̀	'черный'	*олòң*	'много'
таха̀	'подкова'	*òндо̆р*	'высокий'
энэ̆	'этот'	*улўт*	'народ'

Эти краткие гласные при их артикуляции образуют своего рода „шов" и акустически производят приблизительно такое же впечатление, как и безударные гласные непервых слогов в русском языке [например, в слове „национальный"].

Краткие гласные встречаются только в непервых слогах, в которых так называемые нормальные гласные никогда не встречаются [см. выше те же примеры]. Иначе говоря, краткие гласные являются лишь комбинаторными вариантами соответствующих нормальных гласных и не выступают в качестве особых фонем, отличных по своему значению от нормальных гласных. Так как только-что сказанное не знает никаких исключений, то ради простоты изложения мы объединяем в дальнейшем и нормальные и краткие гласные под общим названием „кратких гласных" и особо не отмечаем в нашей транскрипции собственно краткие гласные неполного образования.

Примеры:

энэ (вместо *энэ̆*)	'этот'
таха (вместо *тахӑ*)	'подкова'
олоң (вместо *оло̆ң*)	'много'

Нормальные гласные полного образования с акустической стороны напоминают соответствующие безударные гласные первого слога в русском языке, например, в словах типа „самовар". Эти нормальные гласные вместе с краткими гласными неполного образования, как уже сказано выше, являются лишь реализивами одних и тех же кратких фонем вообще, противопоставленных долгим фонемам, которые, в свою очередь, реализуются как просто долгие и сверхдолгие (в зависимости от места в слове).

Долгие гласные бурят-монгольского языка акустически производят впечатление русского гласного в ударном слоге, например, в словах типа „серый". На самом же деле эти долгие гласные отличаются от русского ударного гласного своей немного более протяжной артикуляцией.

Долгие гласные в транскрипциях принято обозначать знаком ¯, который ставится над соответствующим буквенным обозначением.

Примеры:

јаба̄	'пошел'	*эмэ̄л*	'седло'
оро̄	'вошел'	*э̄м*	'плечо'
дӯң	'песня'	*хӯ*	'все'

Долгие гласные встречаются либо в односложных словах, либо в последнем слоге многосложных слов. Сверхдолгие гласные представляют собою комбинаторные варианты соответствующих долгих гласных в тех случаях, когда последние при словообразовании или словоизменении оказываются в непоследнем слоге. Иначе говоря, сказанное означает, что:

1) сверхдолгий гласный не встречается в односложном слове и в последнем слоге, в которых мы имеем долгий или краткий гласный;

2) долгий гласный всегда становится сверхдолгим, если он при словоизменении или словообразовании оказывается в непоследнем слоге.

Примеры:

дӯң	'песня'	*дӯ̂ла*	'пой
э̄м	'плечо'	*эмдэ*	'на плечо'
со̄	'насквозь'	*со̂лохо*	'проткнуть
да̄	'подними!'	*да̂ба*	'поднял'
газа̄	'во дворе'	*газа̂гӯр*	'по двору'

3) сверхдолгие гласные не представляют собой особые фонемы, отличные от долгих гласных, комбинаторными вариантами которых они (сверхдолгие гласные) и являются.

Сверхдолгие гласные характерны тем, что они произносятся более протяжно, нежели обычно долгие гласные, и акустически производят впечатление русского ударного гласного при эмфатическом произношении последнего. Сравни эмфатическое произношение таких русских слов, как „что..., как..." (при удивлении и т. д).

В транскрипциях, как видно из приведенных выше примеров, сверхдолгота гласных обозначается знаком ^, который ставится над соответствующим буквенным обозначением, например: *да̂ба* 'поднял'. Но мы в дальнейшем изложении сверхдолготу особо не отмечаем, так как сверхдолгие гласные являются, как уже сказано, комбинаторными вариантами обычно долгих гласных во вполне определенной позиции. Следовательно, как сверхдолгие гласные, так и обычно долгие, одинаково изображаются знаком ¯.

Примеры:

дӯ̂ла (вместо *дӯ̀ла*)	'пой!'
ха̄ба (вместо *ха̂ба*)	'закрыл'
со̄лдо (вместо *со̀лдо*)	'в доме'

Таким образом, в бурят-монгольском языке имеются долгие гласные фонемы (физиологически: долгие и сверхдолгие) и краткие гласные фонемы (физиологически: „нормальные" и краткие неполного образования). Что долгие и краткие гласные в бурят-монгольском языке противо-

поставлены друг другу, как отдельные фонемы, легко видеть из ниже следующих примеров:

дара	'дави'	*дāра*	'мерзни'
ула	'подошва'	*улā*	'подвода'
хана	'стена'	*хāна*	'где?'
эм	'лекарство'	*ēм*	'плечо'
дэрэ	'изголовье'	*дēрэ*	'наверху'
оро	'входи'	*орō*	'вошел'
ула	'подошва'	*ӯла*	'гора'
хо̀хо̀	'синий'	*хṑхо̀*	'гнать'
носо	'гори'	*носō*	'жги; горел'

Наше изложение бурят-монгольской фонетики мы начали с описания количественной стороны гласных для того, чтобы читатель в дальнейшем имел в виду, что не являющиеся самостоятельными фонемами краткие гласные неполного образования и сверхдолгие гласные, ради простоты нашей транскрипции, нами особо не отмечаются.

Укажем в заключение, что в бурят-монгольском литературном языке долгие фонемы обозначаются удвоенным написанием соответствующих букв.

Примеры:

улаан (т. е. *улāң*)	'красный'
долоон (т. е. *долōң*)	'семь'
уула (т. е. *ӯла*)	'гора'
ээм (т. е. *ēм*)	'плечо'

Об обозначении долгих гласных после палатализованных согласных будет сказано дальше.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что русское ударение в словах, заимствованных бурят-монгольским языком, отражается как долгота, которая, однако, в письме не обозначается.

Примеры:

трāктар (пишется: *трактор*)	'трактор'
совēт (пишется: *совет*)	'совет'
удāрнік (пишется: *ударник*)	'ударник'

В самом бурят-монгольском языке долгие гласные образовались, главным образом, из сочетания „гласный + γ или g + гласный", из которого сначала выпал согласный γ или g, а затем оставшиеся два гласных слились в один долгий, например:

ulaγan	*ула'ан*	*улāң*	'красный'
bögere	*бө̀'эрэ*	*бṑрэ*	'почка'
xaraγul	*хара'ул*	*харӯл*	'караул'

В связи со сказанным следует указать, что иногда в одном и том же слове один и тот же гласный первого слога, в зависимости от грамматической функции данного слова, может быть то нормальным, то кратким, или — то сверхдолгим, то долгим. Об этом смотри ниже на стр. 44 (относительно слов *дэ̀рэ* 'на' и *доро̀* 'под').

Несколько слов об ударении, с которым смешивают иногда долготу гласных.

Ударение (экспираторное), которое совершенно не зависит от долготы гласных, всегда покоится на первом слоге, но акустически оно почти совсем не ощущается и ни в какой степени не влияет на значение слов,

как в русском языке. Помимо экспираторного ударения в бурят-монгольском языке наблюдается также музыкальное ударение на последнем слоге. Поэтому некоторые полагают, что в этом языке на последний слог падает и экспираторное ударение. Ударение в бурят-монгольском языке имеет лишь то значение, что оно в потоке слов во фразе определяет границу между этими словами. Иначе говоря, по наличию ударения, падающего всегда на первый слог, можно „установить", что во фразе „началось" новое слово.

Задние гласные

В бурят-монгольском языке имеются следующие гласные заднего ряда: *а, ā, о, ō, у, ȳ*.

Знаком *а* мы обозначаем low-back-wide,[1] при артикуляции которого язык более отодвинут назад, нежели при „нормальном" русском *а*, а губы имеют щелинное отверстие.

Примеры:

аха	'старший брат',	*алак*	'пегий'
ара	'зад',	*анда*	'друг'

Вариантом этого *а* является *ȧ*, гласный среднего ряда, появляющийся под влиянием следующего гласного *і* и в письме обозначаемый знаком *а*, ибо он не является самостоятельной фонемой.

Примеры:

ȧмің	(в письме	*амин*)	'жизнь'
хȧрі	(в письме	*хари*)	'чужой'

Знаком *ā* обозначается low-back-narrow, в качественном отношении ничем не отличающийся от предыдущего краткого *а*

Примеры:

дāха	'поднимать'	*хāха*	'закрыть'
улā	'подвода'	*сāшā*	'дальше'

Знаком *ā̈* обозначается low-front-narrow. Этот гласный по сингармонизму относится к заднему ряду, хотя по своей артикуляции он является гласным либо переднего ряда, либо — среднего. Обычно этот гласный всегда долгий и встречается в последнем слоге.

Примеры:

танā̈	'ваш'	*далā̈*	'море'
манā̈	'наш'	*бāбā̈*	'отец'

При наращении соответствующих суффиксов или окончаний этот гласный становится дифтонгом *ȧі*, в письме обозначаемым как *ай* (поэтому и *ā̈* везде обозначается в письме в виде *ай*), например:

далā̈	'море'	*далȧіда*	'в море'
танā̈	'ваш'	*танȧіда*	'у вас'

[1] Wide означает краткий, narrow — долгий (об остальных наименованиях см. в таблице гласных — ниже).

Соответственно в письме:

далай	'далайда'
танай	'танайда' [1]

Знаком *о* обозначается mid-back-wide, при произношении которого губы почти никакой роли не играют (не выдаются и не напрягаются), хотя и образуют слегка округленное отверстие.

Примеры:

олоң	'много'	*олдобо*	'нашелся'
одоң	'звезда'	*ошобо*	'отправился'

Знаком *ō* передается тот же гласный, но долгий.

Примеры:

олōт	'найдя'	*тōлō*	'сосчитал'
долōң	'семь'	*ōлбор*	'палка'

Знаком *ӯ* передается high-back-wide-round, *ӯ*—high-back-narrow-round. При артикуляции этого звука губы имеют слегка округленное отверстие, и по своему характеру этот звук менее узкий и более задний, нежели русский *у* (даже в таких словах, как „ухо"). А. Д. Руднев считал, что этому звуку более всего близок шведский *о* в словах *bo* 'жилье' *sol* 'солнце'.[2]

Н. Н. Поппе определяет этот же звук как high-mid более заднего ряда.[3]

Примеры:

ула	'подошва'	*ӯла*	'гора'
уһаң	'вода'	*јабӯл*	'отправь!'

Передние гласные

В бурят-монгольском языке имеются следующие передние гласные: *ӓ̄, ə, e, i, ȯ, ẏ, ə̄, ī, ō, ӯ*.

Называя эти звуки „передними", мы допускаем некоторую неточность, так как они в качественном отношении по большей части являются звуками скорее среднего ряда. Н. Н. Поппе совершенно правильно определяет эти звуки как звуки „более переднего ряда".[4] Подробнее об этом см. в разделе о сингармонизме гласных.

Относительно звука *ӓ̄*, по сингармонизму гласных, относящегося к заднему ряду, выше уже говорилось в связи с характеристикой гласного *а*.

Знаком *ə* отмечается high-mid-out-back wide, при артикуляции которого губы образуют щелинное отверстие. Этот звук более задний, нежели русский *э*, и акустически иногда производит впечатление русского безударного *ы*.

Примеры:

энэ	'этот'	*эсэгэ*	'отец'
эндэ	'здесь'	*эм*	'лекарство'

В письме этот звук передается знаком *э*, так что транскрипция приведенных слов полностью совпадает с обозначением их в литературном

[1] О передаче в письме долгой фонемы удвоенным написанием соответствующей буквы говорилось уже выше.

[2] А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. § 9. Петроград, 1913—1914.

[3] Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка, Л. 1938, стр. 14.

[4] Там же, стр. 14.

языке. Но надо иметь в виду, что этим же знаком в письме иногда обозначается другой звук, а именно очень узкий *е*, акустически воспринимаемый то как *і*, то как *э*.

Примеры:

эли (т. е. *элі*) 'явный'
жэл (т. е. *жіл*) 'год'

Звук *е* в бурят-монгольском языке не является самостоятельной фонемой и исторически чаще всего восходит к *і* в положении перед или после палатализованных и шипящих согласных в словах переднего ряда.

Знаком э̄ (у Руднева и Поппе — *ē*) обозначается mid-front-narrow, также более задний, нежели русский *е*, но сходный с последним после палатализованных согласных.

э̄м	'плечо'	*хэ̄э̄*	'когда'
гэртэ̄	'дома'	*нэ̀хэ*	'открыть'
дэ̄рэ	'наверху'	*мо̀ртэ̄*	'с конем'

В письме этот звук по морфологическому принципу обозначается совершенно различно:

а) в окончании совместного падежа в словах переднего ряда в виде *эй*.

Примеры:

хэнтэй (т. е. *хэнтэ̄*) 'с кем?'
гэртэй (т. е. *гэртэ̄*) 'с юртою'
үхэртэй (т. е. *ӱхэртэ̄*) 'с быком'
үдэртэй (т. е. *ӧдӧртэ̄*) 'с днем'

б) в окончании того же падежа в словах, имеющих в основе только гласный *о*, в виде — *ой*.

Примеры:

моритой (т. е. *мо̀ртэ̄*) 'с конем'
соолтой (т. е. *солтэ̄*) 'с домом'
одотой (т. е. *одотэ̄*) 'со звездою'

Впрочем, в последнем случае э̄ по диалектам чередуется с дифтонгом *ӧї* и представляет тот звук, который А. Д. Рудневым и Н. Н. Поппе отмечается в виде *ӧ̄* (т. е. тоже mid-front-narrow), а пишущим эти строки — в виде *ē*.[1] Несомненно все же, что звук э̄ в словах *дэ̄рэ* — 'наверху' и *орэ̄* — 'поздно' в качественном отношении не является одним и тем же звуком;

в) в окончании родительного падежа после слов переднего ряда с конечным согласным в виде *эй*, например:

гэрэй (т. е. *гэрэ̄*) 'юрты'
дэгэлэй (т. е. *дэгэлэ̄*) 'шубы'
үбэ̀нэнэй (т. е. *ӧбӧ̀нӧнэ̄*) 'сена'

г) в конце некоторых слов переднего ряда, которые в родительном падеже принимают окончание *н*, в виде *эй*, например:

бээлэй (т. е. *бэ̄лэ̄*) 'рукавицы'
үгэй (т. е. *ӱгэ̄ ~ ӱгї*) 'нет'

---

[1] А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, § 5; Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Ленинград, 1930, стр. 6; Н. Н. Поппе. Аларский говор, Л., 1930, стр. 38.

д) во всех остальных случаях, т. е. главным образом в основе слова в виде *ээ*, например:

ээм (т. е. *э̄м*)	'плечо'
дээрээ (т. е. *дэ̄рэ̄*)	'у себя наверху'
эмээлдээ (т. е. *эмэ̄лдэ̄*)	'к своему седлу'

Знаком *i* обозначается hig-front, при артикуляции которого губы имеют щелинное отверстие; встречается лишь после палатализованных согласных и в начале слова.

Примеры:

харі	'чужой',	*мінī*	'мой'
інак	'милый',	*шінэ*	'новый'

Знаком *ī* обозначается долгий гласный, в качественном отношении выступающий то в виде заднего долгого (после непалатализованных согласных), то в виде переднего долгого (после палатализованных согласных и в начале слова). В первом случае *ī* напоминает собой русский ударный *ы* (поэтому в письме обозначается в виде *ы*), а во втором случае — русский ударный и в словах типа „хитрый" (в письме обозначается в виде удвоенного *ии*).

Примеры:

харīң	(в письме	*харын*)	'черного' (род. пад.)
харīң	(„ „	*хариин*)	'чужого' (род. пад.)
īмэ	(„ „	*иимэ*)	'такой' (как этот)
тīмэ	(„ „	*тиимэ*)	'такой' (как тот)
артэ̄лīң	(„ „	*артелиин*)	'артели' (род. пад.)

Особенностью звуков *i* и *ī* является то, что они (особенно *ī*), будучи звуками переднего ряда, по сингармонизму гласных являются нейтральными, т. е. могут встречаться в одном слове как с задними гласными, так и с передними.

Примеры:

hургӯлīң	'школы' (род. пад.)
эхīң	'матери' (род. пад.)
інак	'милый'
шінэ	'новый'

Знаком *ȯ* обозначается mid-out-back-wide, при артикуляции которого губы имеют слегка округленное отверстие. Этот звук в бурят-монгольском языке (в большинстве диалектов) не является самостоятельной фонемой и чередуется с *ӯ*, почему в письме на ряду с последним обозначается в виде *γ* в первом слоге и *э* в непервых слогах.

Примеры:

ȯдȯр (~ *ӯдӯр*, в письме *γдэр*)	'день'
ȯндȯр (~ *ӯндӯр*, в письме *γндэр*)	'высокий
ȯргȯхȯ (~ *ӯргэхэ*, в письме *γргэхэ*)	'поднять'

Знаком *ō* обозначается тот же звук, но долгий.

Примеры:

ōрō	'сам'	*hōргō*	'обратно'
бōрō	'почки',	*ōхōң*	'жир'

Знаком *ụ* обозначается high-out-back-wide-round, при артикуляции которого губы имеют слегка округленное отверстие. Этот звук вместе с вышеописанным *ọ* составляет в большинстве диалектов одну фонему и в письме изображается в виде *γ*.

Примеры:

ụгэ	'слово'	*хụ̄бụ̄н*	'мальчик'
ụргэхэ	'пугаться'	*хụ̄рхэ*	'достичь'

Знаком *ụ̄* обозначается high-mixed-narrow-round.

Примеры:

ụ̄дэң	'дверь'	*эндụ̄*	'ошибочный'
ụ̄лэң	'туча'	*ụ̄зụ̄р*	'острие'

Дифтонги

В бурят-монгольском языке имеются следующие дифтонги: *ặĭ*, *ọ̆ĭ*, *ụ̆ĭ*, *ụ̈ĭ*, которые в письме обозначаются в виде *ай*, *ой*, *уй*, *үй*. Кроме того, в литературном языке „имеется" дифтонг *эй*, представляющий собою в определенных положениях лишь орфографический облик долгого *э̄*, но такого, который исторически получился действительно из дифтонга *ei*.

Примеры:

бээлэй (т. е. *бэ̄лэ̄* ← *) *begelei*)	'рукавицы'
үгей (т. е. *ụгэ̄* ~ *ụгī* ← *) *ügei*)	'нет'

Такое обозначение долгого *э̄* (иногда *ī*) в виде дифтонга *эй* оправдывается, конечно, не историческими соображениями, а — морфологическими: слова с таким конечным долгим *э̄* в родительном падеже принимают окончание *н*, тогда как при прочих долгих гласных в том же падеже наращивается окончание *гэ̄* (в письме *гэй*).

Примеры:

	бэ̄лэ̄ (в письме *бээлэй*)	'рукавицы'
	бэ̄лэ̄н (в письме *бээлэйн*)	'рукавиц'
Но:	*дụ̄* (в письме *дүү*)	'младший'
	дụ̄гэ̄ (в письме *дүүгэй*)	'младшего'

В дифтонге различается слоговой элемент и неслоговой: так, например, в дифтонге *ặĭ...* слоговым элементом является *ạ*, а неслоговым — *ĭ...* Дифтонги *ặĭ* и *ọ̆ĭ* произносятся не как *ặĭ* и *ọ̆ĭ*: неслоговым элементом их является в сущности не *ĭ*, но обычно *ẹ̆*, т. е. неслоговой узкий (закрытый) *е*. Лишь в *ụ̈ĭ* и *ụ̆ĭ* мы имеем явно различимый на слух неслоговой *ĭ*."[1]

Примеры:

ạ̈ĭл	'айл'	*ọ̈ĭ*	'лес'
ặĭха	'бояться'	*ọ̈ĭлгохо*	'понять'
дạ̈ĭң	'война'	*ụ̈ĭлаха*	'плакать'
hạ̈ĭң	'хорошо'	*ụ̈ĭлэ*	'деяние'
хụ̆ĭтэң	'холод'	*тụ̈ĭмэр*	'пожар'

Все эти дифтонги, кроме *ụ̈ĭ*, по сингармонизму гласных относятся к заднему ряду.

[1] Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 33 (цитируем в нашей транскрипции).

* * *

В заключение этого раздела даем следующую таблицу гласных (со включением дифтонгов) бурят-монгольского языка:

Участие		Задние (back)	Средние (out-back)	Передние (front)
губ	языка			
Нелабиализованные	Узкие (high)	—	[ī ~ ы]	ī, i
	Полуузкие (high-mid)	—	ɜ	ɜ̄, [e]
	Средние (mid)	o, ō	[ȯ], ō, ȯĭ	[ə̄]
	Широкие (low)	a, ā	ȧĭ, [ȧ]	[ā, var. ȧĭ]
Лабиализованные	Полуузкие (high-mid)	y, ȳ	ẏ, y, ȳĭ	ẏi [~ ȳ]

Примечание: В квадратные скобки взяты звуки, не являющиеся фонемами.

Сингармонизм гласных

Обычно закон сингармонизма формулируется таким образом: гласные заднего ряда не могут находиться в одном слове с гласными переднего ряда. Исходя из этого понимания закона сингармонизма, А. Д. Руднев[1] пришел к выводу, что в монгольских языках вообще не существует гармонии гласных. В самом деле, если взять такое бурят-монгольское слово, как *манā* 'наш', то в нем находим гласные и заднего (*a*) и переднего (*ā*) ряда. Но так как в бурят-монгольском языке все же не наблюдается хаотическое расположение гласных в слове, Н. Н. Поппе[2] предложил более гибкую, вернее — точную формулировку: „Закон сингармонизма гласных есть закон, регулирующий вокализм слова". Не входя в подробный разбор этой формулировки, с которой мы полностью соглашаемся, укажем, что с точки зрения данной формулировки сингармонизма гласные бурят-монгольского языка распадаются на:

а) задние — *a, ȧ, ȧĭ* (~ *ā*), *y, ȳ, yĭ, o, ō, ȯĭ, ɜ̄* (~ *ȯĭ*);

б) передние — *ɜ, ɜ̄* (не ~ *ȯĭ*), *ȯ, ȱ, ẏ, ȳ, ẏĭ*;

в) нейтральные — *i, ī*.

Изложенное означает, что любой из гласных первой группы (*a, ā* и т. д.) не может находиться в одном слове вместе с любым гласным второй группы (*ɜ, ɜ̄* и т. д.), — гласные *i* и *ī* могут находиться в одном слове с любым гласным обеих первых групп. Деление гласных по принципу сингармонизма, частично независящего от физиологического деления их на приведенные три группы, заставило Н. Н. Поппе ввести выражения „трактуемые как задние, передние и нейтральные".[3]

---

[1] Руднев. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911. (Положения к диссертации, № 17).

[2] Н. Н. Поппе. Аларский говор. Л., 1930, ч. I, стр. 60.

[3] Там же, стр. 64.

Как мы видим, деление гласных по сингармонизму не совпадает с их делением по физиологическому принципу (см. выше таблицу гласных). Это объясняется в частности тем, что гласные *ā* (~ *аї*), *ої* и *ə̄* (~ *ої*) исторически восходят к задним гласным.

Сказанным, однако, не исчерпываются явления закона сингармонизма в бурят-монгольском языке: деление гласных на задние и передние (не только по физиологическому принципу!) дополняется явлением губного притяжения. Суть последнего сводится к тому, что, во-первых, после *а, ā, у, ӯ, уї, аї, э, ə̄, ү, ӯ, үї* первого слога в следующем слоге не могут следовать *о, ȯ, ої, ȯ, ō* и, во-вторых, после последних в следующем слоге не могут следовать *а, ā, аї, э, ə̄* (не ~ *ої*), *ү, у*, но после этих *о, ō, ȯ, ō, ȯї* в следующем же слоге могут следовать *ӯ, ӯ, уї, үї*. Сказанное все же не означает, что гласные *а, ā, аї, э, ə̄* не могут находиться в одном слове с гласными *о, ō, ȯї, ȯ, ō*: эти гласные могут находиться в одном слове с первыми, если между ними, т. е. *о, ȯ, ої, ȯ. ō* первого слога и *а ā, аї, э, ə̄* третьего слога имеются во втором слоге *ӯ, уї, ӯ, үї*, например: *орӯлāт* — 'введя', *мȯргӯлхэ* — 'заставить бодаться'.

Кроме того, гласные *у* и *ү* встречаются почти исключительно только в первом слоге и, следовательно, в письме обозначаются только в этом слоге. Если они иногда встречаются в следующих слогах, то заменяются знаками *а* и *э*.

Таким образом, закон сингармонизма гласных в бурят-монгольском языке может быть сведен к следующей таблице:

<table>
<tr><th rowspan="2"></th><th rowspan="2">Если имеется в первом слоге:</th><th colspan="2">то встречается в слогах</th></tr>
<tr><th>втором:</th><th>третьем:</th></tr>
<tr><td>1.</td><td>а, ā, аї, у, ӯ, уї</td><td colspan="2">а, ā, аї, ӯ, уї (~ ї), ā</td></tr>
<tr><td>2.</td><td>э, ə̄, ү, ӯ, үї, е</td><td colspan="2">э, ə̄, ӯ, үї, е</td></tr>
<tr><td rowspan="2">3.</td><td rowspan="2">о, ō, ȯї</td><td colspan="2">о, ō, ȯї, ə̄ (~ ȯї)*</td></tr>
<tr><td>ӯ</td><td>а, ā, аї, ӯ, уї</td></tr>
<tr><td rowspan="2">4.</td><td rowspan="2">ȯ, ō</td><td colspan="2">ȯ, ō, ə̄*</td></tr>
<tr><td>ӯ, үї</td><td>ə, ə̄, ӯ, үї, е</td></tr>
<tr><td colspan="4">* Только дифтонгического происхождения.</td></tr>
</table>

В этой таблице отсутствуют *ї* и *ї*, ибо они могут встречаться в слове с любым гласным и в любом слоге слова.

Поскольку гласные *ȯ* и *ү* в бурят-монгольском языке являются вариантами одной и той же фонемы, в орфографии сингармонизм передних гласных оформляется несколько иначе, нежели в нашей таблице.

В новейших заимствованных словах сингармонизм гласных, конечно, не имеет места.

Примеры к таблице:

1.	*аха*	'брат'	*агӯ*	'великий'
	ахада	'брату'	*аӣлаі*	'айла' (род. пад.)
	ахатаі	'с братом'	*харгуі*	'дорога'
	ахāр	'братом'	*дāрӯл*	'заморозь!'
	ула	'подошва'	*ӯла*	'гора'
	улā	'подвода'	*уӣлаха*	'плакать'
	аӣгāт	'боясь'	*һаӣ ӯр*	'сито'
2.	*эмнэ*	'лечи!'	*бӯдӯң*	'толстый'
	эрӯл	'здоровый'	*ӭмдэ*	'на плечо'
	эдэндэ	'им'	*ӭмдӭ*	'на свое плечо'
	эрје	'берег'	*ӯдэң*	'дверь'
	ӯхэр	'бык'	*ӯдӭрӭ*	'своей дверью'
	ӯхэр	'мертвец'	*уӣлэ*	'деяние'
3.	*олоң*	'много'	*орӯлха*	'ввести'
	олōр	'помногу'	*орӯлāт*	'введя'
	орōӣ (~орӭ)	'поздно'	*тōлӯлāт*	'заставив сосчитать'
	одō	'теперь'	*тōлōт*	'сосчитав'
	хошӯтаі	'с рылом'	*орӯлһаі*	'пусть введет!'
4.	*ӧндӧр*	'высоко'	*ӧргӯлӭт*	'заставив поднять'
	ӧргōт	'подняв'		
	бӧрӧ	'почки'	*дӧрōт*	'сгорев'
	бӧрӧрӧ	'почкою своею'	*ӧрӧ*	'сам'

5. На *і*: *ӥнак* 'милый'
ӥхӥрӧ 'пила'
бӥрӯ 'теленок двух лет'
хорӥң 'двадцать'
ӥшӥнэ 'новый'
ӥшӥрӯл 'заставь нести'

В заключение несколько дополнений к орфографии передних гласных. Как уже сказано, в письме краткие гласные *ӧ* и *ӯ* обозначаются в первом слоге одним знаком *γ*, а в остальных слогах (в которых, кстати сказать, звук *ӯ* почти никогда не встречается) — знаком э.

Примеры:

γндэр (т. е. *ӧндӧр*)	'высоко'
γргэхэ (т. е. *ӯргэхэ*)	'пугаться'
γргэхэ (т. е. *өргөхө*)	'поднять'

Так появляются „орфографические омонимы" (см. последние два примера).

После *γ* и *γй* первого слога в дальнейших слогах из долгих гласных пишется только *өө* (и *ёө* — после палатализованных согласных).

Примеры:

γрөөһэн (т. е. *гӧрōһōң*)	'зверь'
γһөө (т. е. *ӯһō*)	'свои волосы'
γхэрөө (т. е. *ӯхэрӭ ~ ӯхӧрӧ*)	'своего быка'
хγдэлмэрёө (т. е. *хӧдӧлмӧрӧ*)	'свою работу'
γйлөө (т. е. *ӯӣлӭ*)	'свое деяние'

Из этого правила исключение составляют только два слова:

гүзээн (т. е. *гӱзӭ̄н*) 'живот'
үеэлэ (т. е. *ӱӣ̄лэ*) 'кузен'

После слогов с долгим *үү* (*ӱ̄*) в следующих слогах пишется из долгих гласных лишь *ээ* (*э̄*).

Примеры:

хүүеэн (т. е. *хӱ̄ӣ̄н*) 'шум'
үүдээр (т. е. *ӱ̄дэ̄р*) 'дверью'
дүүдээ (т. е. *дӱ̄дэ̄*) 'своему брату'

СОГЛАСНЫЕ

Звонкие

Губо-губной слабый смычный *б* артикулируется с постепенным разжатием губ, кроме начала слов, где этот звук является абсолютно взрывным. Поэтому этот *б* в положении между двумя гласными и после плавных приближается иногда к билабиальному слабому спиранту *w*; в конце слога (перед глухим) и в конце слова этот согласный артикулируется глухо, т. е. реализуется в виде *п*. Ради простоты мы в нашей транскрипции билабиальный слабый спирант *w* обозначаем в виде того же *б*.

Примеры:

гурбаң	'три'	*бараха*	'кончить'
дэлбэ	'вдребезги'	*абага*	'дядя'
[*нэптэ*	'насквозь']	*бӑбӑ*	'батюшка'
[*элдэп*	'разный']	*бага*	'мало'

Губо-зубной *в*, являющийся в бурят-монгольском языке самостоятельной фонемой лишь в заимствованных словах, артикулируется то в виде билабиального слабого спиранта (с щелинным раствором) *w*, то в виде — смычного *в* (в произношении лиц, владеющих русским языком); ради простоты оба эти варианта мы обозначаем в виде *в* (но билабиальный слабый спирант *w* обозначаем в виде *б* лишь в незаимствованных словах).

Примеры:

ва̀на	'Ваня' (собст. имя)	*рівол̄уца*	'революция'
вагӑң	'вагон'	*вӑжд̀ї*	'вождь'

Звук *г* является по характеру то слабым смычным, то слабым спирантом *ɣ* (преимущественно в положении между двумя гласными или после плавных *л* и *р*). Этот согласный по месту его образования можно трактовать как среднеязычный, реализуемый то как велярно-заднеязычный, то как переднеязычный, что зависит от характера гласных (задних или передних) данного слова. Таким образом, *г* имеет четыре разных варианта, но так как последние не образуют особых фонем, мы в нашей транскрипции обозначаем их одним знаком — *г*. В конце слога (перед согласным) „г" артикулируется глухо в виде *г̣* или *к*, что в своей транскрипции мы не обозначаем, а в конце слова в виде смычного *к*.

Примеры:

гутаха	'портиться'	*баɣтаха*	'вместиться'
годоһоң	'обувь'	[*хэрэк*	'дело']
бага	'мало'	*гэр*	'юрта'
һамагаң	'жена'	*өбөгөң*	'старик'

Переднеязычный *д*, являющийся слабым смычным, напоминает русский *д* и в положении перед согласными (кроме *л* и *р*) артикулируется в виде глухого *д̥*, что в нашей транскрипции также не отмечается. В конце слова произносится как *т̄*.

Примеры:

далаң	'семьдесят'	*го̄род̥то*	'в городе'
ходо	'всегда'	*ӯд̥тэр*	'быстро'
алда̄	'ошибка'	[*го̄рот*	'город']

Из всего вышеизложенного видно, что звонкие смычные *д — б — г* в конце слога и слова становятся глухими *т — п — к*, которые в письме, конечно, обозначаются в виде *д — б — г*.

Примеры:

лаб (т. е. *лап*)	'верно'
абтаха (т. е. *аптаха*)	'быть взятым'
хэрэг (т. е. *хэрэк*)	'дело'
агта (т. е. *акта*)	'лошадь'
арад (т. е. *арат*)	'народ'
удха (т. е. *утха*)	'смысл'

Иными словами, в бурят-монгольском литературном языке в конце слова (а иногда и слога) никогда не встречаются глухие *т — п — к*; по морфологическим соображениям обозначаемые как звонкие *д — б — г*.

Альвеолярные слабые проточные *ж* и *з* акустически почти абсолютно совпадают с русскими *ж* и *з* и встречаются только в положении перед гласными (в ином положении встречаются только, конечно, в заимствованных словах).

Примеры:

жіл	'год'	*зо̄рі*	'имущество'
жаргал	'счастье'	*хэнзэ*	'молодой'
хажӯ	'бок'	*хазаха*	'кусать'
багаж	'багаж'	*колхо̄з*	'колхоз'

Знаком *j* обозначается среднеязычный слабый спирант, встречающийся только в положении перед гласными и соответствующий русскому *j* в словах типа 'яма' (*jа́ма*), 'ёлка' (*jо́лка*). В письме обозначается так же, как и в русском литературном языке.

Примеры:

jahaң	'кость'	*долjоң*	'волна'
jамар	'какой?'	*бурjаха*	'бурлить'

В алфавите для этого звука нет особого знака, поэтому для его обозначения применяется тот же способ, что и в русском алфавите, т. е. *j* обозначается в сочетании с гласными:

а	как	*я*	*а̄*	как	*яа*
э, е	„	*е*	*э̄*	„	*еэ*
о	„	*ё*	*о̄*	„	*ёо*
у, ӯ	„	*ю*	*ӯ, ӱ̄*	„	*юу*

Библиотека Акад. Наук СССР Отд. Особ. Фонд

EB_1941_AKS_362

Примеры:

ямаан (т. е. *jамāң*)	'коза'
ехэ (т. е. *jехэ*)	'большой'
ёһо (т. е. *joһo*)	'обычай'
юһэн (т. е. *jўһэң*)	'девять'
хаяад (т. е. *хajāт*)	'бросив'
үеэлэ (т. е. *ўjēлэ*)	'кузен'
оёод (т. е. *ojōт*)	'сшив'
хоюулан (т. е. *хojўлаң*)	'вдвоем'

В общем написание гласных в сочетании с *j* построено так же, как и после палатализованных согласных (см. ниже).

Переднеязычный боковой *л* акустически напоминает русский *л* в словах типа 'лапа, кол'.

Примеры:

лаб	'точно'	*һ̄ўл*	'хвост'
далā̈	'море'	*сōлдо*	'в доме'

Альвеолярный дрожащий *р*, встречающийся в начале слова только в заимствованных словах, напоминает русский *р* в словах типа „аркан, роща" и в конце слова артикулируется с глухим заключением. Иногда чередуется со звуком *л* (во избежание в одном слове двух *р* или, наоборот, двух *л*).

Примеры:

арга	'способ'	*тэрэ*	'тот'
хара	'черный'	*аршўл ~ аршўр*	'тряпка'
гэр	'юрта'		
эрэ	'мужчина'	*эрje*	'берег'

Глухие

Гортанный спирант *h*, встречающийся только перед гласным, является иногда комбинаторно звонким (чаще всего перед долгим гласным) и напоминает немецкий *h* (не будучи вполне идентичным) в словах типа "haben — иметь".

Примеры:

һара	'месяц'	*һāха*	'доить'
ўнэһэн	'пепел'	*һ̄ўл*	'хвост'

Среднеязычный (комбинаторно то более задний, то более передний, близкий к русскому *к*) смычный *к* в собственно бурят-монгольских словах, не представляя особую фонему, является лишь комбинаторным вариантом звонкого *г* (в конце слова и, отчасти, слога — см. выше абзац о *г*). Перед гласным встречается только в заимствованных словах (преимущественно у лиц, усвоивших русские слова в русском же произношении).

Примеры:

jабак	'пусть идет'	*худак*	'колодец'
алак	'пегий'	*кіно̄*	'кино'
акта	'лошадь'	*колхо̄з*	'колхоз'

Губо-губной сильный смычный *п* в собственно бурят-монгольских словах представляет собой комбинаторный вариант звонкого *б* (см. выше абзац о *б*) и является особой фонемой лишь в заимствованных словах.

Примеры:

абāп	'я взял'	*аптā*	'взят'
пāрті	'партия'	*пēшін*	'печь'
пōлко	'полк'	*пірō*	'перо'

Альвеолярные спиранты *с* и *ш* в акустическом отношении напоминают соответствующие русские звуки в словах типа 'сахар, шаг'; никогда не встречаются в конце слова (исключая заимствований).

Примеры:

сагāң	'белый'	*шара*	'желтый'
аса	'вилы'	*сāшā*	'дальше'
эосō	'внутри'	*гашӯң*	'горько'

Переднеязычный сильный смычный *т* напоминает русский *т* в слове 'там' и в конце слова является вариантом звонкого *д* (см. выше соответствующий абзац).

Примеры:

татāт	'стянув'	*тō*	'количество'
тэндэ	'там'	*тӯхэ*	'история'

Губо-губной сильный спирант *ф* встречается лишь в заимствованных словах типа *фāбрік* 'фабрика', *фōрмо* 'форма' и т. д.; этот звук является губо-зубным лишь в произношении лиц, усвоивших русское произношение.

Сильный спирант *х* является то велярно-заднеязычным, то среднеязычным (в зависимости от задних и передних гласных), в первом случае этот звук является более задним, нежели в русском „уход", а во втором — приближается к русскому *х* в слове „хитрый".

Примеры:

хана	стена	*хэрэк*	дело
ухāң	ум	*ӳхэр*	бык
хӯ	все	*хэндэ*	кому

Аффрикаты *ч* и *ц* встречаются лишь в заимствованных словах и иногда в говорах переходят в *ш* и *с*.

Примеры:

Цэрэң (иногда *Сэрэң*)	'Церен' (собств. имя)
цēнтэр (иногда *сēнтэр*)	'центр'
Чімім (иногда *Шімім*)	'Чимид' (собств. имя)
Чітэ (иногда *Шетэ*)	'Чита'

Носовые

Губо-губной *м* артикулируется, так же как и в русском языке, в словах „мама, море, мыло".

Примеры:

модōр	'деревом'	*мӯ*	'плохо'
мэндэ	'здоровый'	*эм*	'лекарство'
эмнэхэ	'лечить'	*амāр*	'устно'

Переднеязычный *н*, напоминающий русский *н* (в слове „ананас"), никогда не встречается в конце слова и перед согласными *г*, *к*, *х*, в како-

вом положении он всегда переходит в заднеязычный *ң*, напоминающий немецкий *ng* без слышимого *g* ('singen — петь').

Примеры:

нараң	'солнце'	*мөңхө*	'вечно'
моңгол	'монгол'	*эңхэ*	'мирный'
мiңган	'тысяча'	*манā*	'наш'
эндэ	'здесь'	*нэрэ*	'имя'

В письме заднеязычный *ң*, как не являющийся самостоятельной фонемой и представляющий собой лишь комбинаторный вариант переднеязычного *н*, обозначается знаком *н*.

Примеры:

анха (т. е. *аңха*)	'в начале'
монгол (т. е. *моңгол*)	'монгол'
манан (т. е. *манаң*)	'туман'
ан (т. е. *аң*)	'зверь'

Палатализация согласных

В бурят-монгольском языке ряды палатализованных и непалатализованных согласных образуют самостоятельные фонемы так же, как и в русском языке ('конь' — 'кон', 'был' — 'быль' и т. д.).

Примеры:

харiң	'чужого'	*харīң*	'черного'
долōң	'облизывая'	*долōң*	'семь'
нӯр	'лицо'	*нӯр*	'озеро'
ӱлэхэ	'дуть'	*ӱлэхэ*	'оставить'
алā	'игривый'	*алā*	'убил'

Палатализация согласных в письме отмечается так же, как и в русской орфографии (за некоторыми исключениями). Во-первых, краткие гласные после палатализованных согласных обозначаются соответственно в виде *я, е, ё, и, ю*.

Примеры:

мяхан (т. е. *махаң*)	'мясо'
тулихэ (т. е. *тӱлэхэ*)	'жечь'
хёрхо (т. е. *хорхо*)	'находчивый'
зарим (т. е. *зарiм*)	'некоторый'
нюрган (т. е. *нургаң*)	'спина'
нюдэн (т. е. *нӱдэң*)	'глаз'

Знак *е* после непалатализованных согласных употребляется лишь в заимствованных из русского языка словах.

Примеры:

стахановец	'стахановец'
федераци	'федерация'
электричество	'электричество'

Во-вторых, долгие гласные после тех же палатализованных согласных обозначаются соответственно в виде *яа, еэ, ёо, ии, юу*.

Примеры:

няаха (т. е. *нàха*)	'приклеить'
үнеэн (т. е. *ӱнэ̄ӈ*)	'корова'
долёохо (т. е. *долṑхо*)	'облизывать'
нюур (т. е. *нӱ̄р*)	'лицо'
хариин (т. е. *харī̀ӈ*)	'чужого'

Если написать в виде *'яя* и т. д., то возможно неверное чтение, например, слово *нàха* — 'приклеить', написанное в виде *няяха*, было бы прочитано как *нàjаха*.

В-третьих, палатализация согласного в конце слога и слова обозначается знаком 'ь'.

Примеры:

ахань (т. е. *ахàн*)	'его брат'
сэдьхэл (т. е. *сэдхэл*)	'мысль'
альбом (т. е. *албṑм*)	'альбом'

Мягкий знак *ь* служит, кроме того, разъединительным знаком, например, '*барьер*' (т. е. *барjёр*) — 'барьер'.

В заключение даем следующую краткую таблицу согласных:

По характеру		По органу				
		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Гортанные
Шумные	Аффрикаты (глухие)	—	[ц, ч]	—	—	—
	Смычные глухие	[п]	т	[к]	—	—
	Смычные звонкие	б	д, (г)	г	(г)	—
	Проточные глухие	[ф]	с, ш	х	(х)	h
	Проточные звонкие	[в], (w)	з, ж	j	(ɣ)	(h)
Плавные	Боковой (звонкий)	—	л	—	—	—
	Дрожащий (звонкий)	—	р	—	—	—
	Носовые	м	н	—	(ӈ)	—

Примечание: В квадратные скобки включены звуки, являющиеся фонемами лишь в заимствованных словах или комбинаторными вариантами других фонем (в незаимствованных словах), в круглые же скобки — звуки, являющиеся лишь вариантами соответствующих фонем.

МОРФОЛОГИЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Все авторы лингвистических трудов по тюркским, манчжуро-эвенкийским (тунгусским) и монгольским языкам были более или менее единодушны между собой лишь в признании следующих частей речи в указанных языках:

а) имя существительное,
б) имя прилагательное,
в) имя числительное,
г) местоимение,
д) глагол.

Что же касается остальных частей речи, то единодушия между лингвистами мы уже не находим. Большинство монголистов (А. Бобровников, А. Руднев, Н. Н. Поппе, Г. Санжеев и другие) и часть тюркологов (Ж. Дени) и эвенкологов (Захаров) допускают наличие частиц.[1]

Не всеми одинаково признаются следующие части речи:

а) послелог,
б) наречие,
в) междометие (включая подражательные слова),
г) союз.

Некоторые авторы из числа западно-европейских исследователей (Ж. Дени и другие), по примеру тюркских и монгольских грамматиков и Аристотеля,[2] группируют вышеперечисленные части речи на: а) имена склоняемые, б) глаголы (спрягаемые) и в) частицы (неизменяемые). Не все находят возможным расчленять эти три части речи на более частные, как это делает Ж. Дени,[3] у которого мы находим следующую таблицу частей речи в турецком языке:

1. Имя
   - Изменяемые: { существительное; местоимение;
   - Неизменяемые: { прилагательное; наречие.
2. Глагол.[4]
3. Частицы.

---

[1] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849; А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, вып. I, Петроград, 1913—1914; Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка. Ленинград. 1938; Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков. Москва. 1934; J. Deni. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921; И. Захаров. Грамматика манчжурского языка. СПб. 1879; А. Попов. Грамматика калмыцкого языка, Казань, 1848.

[2] Античные теории языка и стиля. 1936, стр. 63.

[3] Deni, Grammaire de la langue turque, Paris, 1921, стр. 143.

[4] Ср. схему Н. Н. Поппе в его „Грамматике письменно-монгольского языка", 1937, стр. 51.

МОРФОЛОГИЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Все авторы лингвистических трудов по тюркским, манчжуро-эвенкийским (тунгусским) и монгольским языкам были более или менее единодушны между собой лишь в признании следующих частей речи в указанных языках:

а) имя существительное,
б) имя прилагательное,
в) имя числительное,
г) местоимение,
д) глагол.

Что же касается остальных частей речи, то единодушия между лингвистами мы уже не находим. Большинство монголистов (А. Бобровников, А. Руднев, Н. Н. Поппе, Г. Санжеев и другие) и часть тюркологов (Ж. Дени) и эвенкологов (Захаров) допускают наличие частиц.[1]

Не всеми одинаково признаются следующие части речи:

а) послелог,
б) наречие,
в) междометие (включая подражательные слова),
г) союз.

Некоторые авторы из числа западно-европейских исследователей (Ж. Дени и другие), по примеру тюркских и монгольских грамматиков и Аристотеля,[2] группируют вышеперечисленные части речи на: а) имена склоняемые, б) глаголы (спрягаемые) и в) частицы (неизменяемые). Не все находят возможным расчленять эти три части речи на более частные, как это делает Ж. Дени,[3] у которого мы находим следующую таблицу частей речи в турецком языке:

1. Имя
   - Изменяемые: существительное; местоимение;
   - Неизменяемые: прилагательное; наречие.
2. Глагол.[4]
3. Частицы.

---

[1] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849; А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, вып. I, Петроград, 1913—1914; Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка. Ленинград. 1938; Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков. Москва. 1934; J. Deni. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921; И. Захаров. Грамматика манчжурского языка. СПб. 1879; А. Попов. Грамматика калмыцкого языка, Казань, 1848.

[2] Античные теории языка и стиля. 1936, стр. 63.

[3] Deni, Grammaire de la langue turque, Paris, 1921, стр. 143.

[4] Ср. схему Н. Н. Поппе в его „Грамматике письменно-монгольского языка", 1937, стр. 51.

меется, что наличие формальных показателей существительного и прилагательного (фактора закрепления их функции „как той или иной части",— согласно Н. Я. Марру) в общем обязательно; и поэтому не совсем правы те, которые говорят, что „отказывать прилагательным в существовании как общей категории на основании того, что например... на одну и ту же букву может оканчиваться, по значению, и существительное и прилагательное... и т. д.— очевидно еще нельзя".[1]

Совершенно ясно, что наличие или отсутствие формальных показателей говорит о наличии или отсутствии определенной формы с определенным содержанием. Здесь мы имеем не существительное и прилагательное, а нечто другое, именно: предметное и качественное имена (раскрытие этих терминов, вводимых нами вслед за А. Бобровниковым вместо „существительных" и „прилагательных", и составит отчасти предмет следующей главы нашей книги). Коль скоро в монгольских языках деление речи на части построено совершенно иначе, нежели в индоевропейских языках, то тем самым перед нами встает необходимость найти этому своеобразию соответствующее терминологическое выражение. Дело, стало быть, вовсе не в простой замене одних терминов другими, более или менее синонимными, а в том, что мы, стоя на платформе историзма, должны учитывать стадиальность, историческую преемственность в развитии данного языка и необходимость найти последнему его место в едином глоттогоническом процессе. Беспечное отношение к лингвистической терминологии, как правильно отмечает акад. И. И. Мещанинов, приводит к тому, что „ослабляется точность определения языковой структуры, и лингвистический анализ невольно замыкается лишь в формальную сторону, неправильно к тому же излагаемую" (подчеркнуто нами.— *Г. С.*).[2] А „точность определения языковой структуры" и есть историзм в науке о языке. Но эту „точность" невозможно выразить без адэкватной терминологии. Например, в разных монографиях по не-индоевропейским языкам некоторые авторы говорили и писали об именительном или ином падеже, тогда как на деле оказывалось совершенно другое. Так, например, прямой падеж в палеоазиатских языках называли абсолютным и даже именительным. Давалось, следовательно, неверное освещение. Проистекало все это из-за того, как правильно отмечено акад. И. И. Мещаниновым,[3] что „не задаваясь вопросами стадиальной периодизации, языковеды слишком легко относятся к языковой терминологии". А раз так, то никакие оговорки насчет специфичности того или иного явления в том или ином языке, отличающемся от индо-европейских языков, ни в какой степени не облагораживают самый подход к этим явлениям, порочный в своей исходной точке. Что при определении категорий частей речи в том или ином языке необходимо учитывать синтаксические моменты, бесспорно, как и бесспорно то, что необходимо учитывать достижения старой лингвистики в той мере, в какой они являются положительными. Но таким путем можно лишь установить то или иное количество частей речи в данном языке, предмете исследования того или иного лингвиста; однако качество найденных частей речи не может быть понято до конца, если не подходить к языку исторически и не учитывать его стадиальность. Антиисторизм привел, например, американского лингвиста Э. Сепира[4] к выводу, что „никакая логическая схема частей речи,— их число, характер и разграничение—

[1] А. Боровков. О частях речи в языках тюркской системы. Революция и письменность. Сборник № 2. М., 1936, стр. 94 и след.
[2] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 286.
[3] Там же, стр. 286.
[4] Э. Сепир. Язык. М. 1934, стр. 93.

не представляет ни малейшего интереса для лингвиста. У каждого языка своя схема". Для подлинной лингвистической науки разнообразие языков должно быть благодатным обстоятельством, что было отмечено еще К. Марксом:[1] „... хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие" (разрядка наша).

В дальнейшем мы попытаемся доказать наличие в бурят-монгольском языке (как и во всех остальных монгольских языках) следующих частей речи:

а) предметное имя,
б) качественное имя,
в) числительное,
г) местоимение,
д) глагол,
е) наречие,
ж) послелог,
з) частицы,
и) междометие.

Наша задача — показать существование в бурят-монгольском языке указанных девяти частей речи и критически рассмотреть существующие определения частей речи в бурят-монгольском и халха-монгольском языках: эти определения можно свести к следующей таблице:[2]

Руднев (1914 г.)	Поппе (1940 г.)	Бобровников (1849 г.)
существительное	предметное имя	предметное имя
прилагательное	качественное имя	качественное имя
местоимение	местоимение	местоимение
числительное	числительное	числительное
глагол	глагол	глагол
наречие или частицы	наречие	частицы
	послелог	относительное имя
	союз	
	междометие	
	частицы	

Что же касается авторов грамматик и учебников на монгольских языках, изданных в разное время в Улан-Удэ и Улан-Баторе, то они по большей части копировали классификацию частей речи в русском языке. Некоторые из них откровенно переводили русские учебники (например, „Морфологию" А. Б. Шапиро), вместо примеров из русской литературы, вставляя свои. Эти авторы в основном устанавливают следующие части речи:

1) bodosün nere (имя предмета),
2) temdegün nere (имя признака или качества),
3) tölögenü nere (местоимение),
4) toγayin nere (числительное),
5) üile üge (глагол),
6) sula üge (пустое слово).[3]

[1] К. Маркс. К критике политической экономии, соч., т. XII, ч. I, М. 1933, стр. 175.
[2] А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор; А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка и статья Н. Н. Поппе. О частях речи в монгольском языке. Л., 1940.
[3] Термин этот имеет китайское происхождение.

Под названием „пустое слово“ объединялись те части речи, которые нами определяются как а) наречия, б) послелоги, в) частицы, г) междометия.

Следует заметить, что на июльской лингвистической конференции 1936 года в г. Улан-Удэ были приняты следующие части речи:

1) юумэнэй нэрэ	имя предмета,
2) тэмдэгэй нэрэ	имя признака или качества,
3) түлөөнэй нэрэ	местоимение,
4) тоогын нэрэ	числительное,
5) нүхэсэл нэрэ	служебные имена (в основном соответствует русским наречиям и предлогам),
6) үйлэ үгэ	глагол,
7) hула үгэ	частицы,
8) аянгалhан үгэ	междометие.

Почти все монголисты определяемые ими части речи группировали в три отдела: а) глагол — спрягаемое слово, б) имя — склоняемое слово, в) наречие — неизменяемое или частично изменяемое слово (вместо „наречия“ употребляли иногда слово „частица“).

До сих пор монголисты теоретически не обосновали свою классификацию частей речи: в первую очередь обращалось внимание на склоняемость, спрягаемость и неизменяемость слов, в зависимости от этого и выделяли имя, глагол и частицы (или наречия). Поскольку дальнейшее уточнение внутри имен и частиц представляло большую трудность, делили их (имена) на существительное, прилагательное и т. д., по существу исходя из того, как они переводятся на русский язык.

Лишь в более новых работах Н. Н. Поппе подходит к определению частей речи в бурят-монгольском языке, обратив внимание на сочетаемость и несочетаемость тех или иных имен с усилительными словами типа *маша* ‘очень’ и т. д.; несколько раньше (1934 г.) пишущий эти строки обратил внимание на ряд синтаксических особенностей, которые при отсутствии формальных показателей все же дают основание резко разграничить предметные и качественные имена в особые части речи. Но все же проблема в целом до сих пор оставалась неразработанной.

ПРЕДМЕТНЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ИМЕНА

То, что мы называем предметными именами, почти всеми лингвистами называлось существительным; исключение представляет только А. Бобровников,[1] у которого мы с 1934 г. заимствуем термин „предметное имя“. Лингвисты, как известно, находили в монгольских и тюркских языках имена существительные и прилагательные, или же отказывались проводить различие между различными категориями внутри имен вообще (поскольку дело касается „существительных“ и „прилагательных“, по нашей терминологии: предметных и качественных имен). К ним примыкают авторы, писавшие грамматику монгольского языка на этом же языке; эти авторы, несомненно, следовали в этом отношении китайским грамматикам (поскольку речь идет о так называемых „пустых словах“, по-китайски *сюй-цзы*), хотя в основном монгольские грамматисты следовали тибетским и, стало быть, индийским (санскритским) лингвистическим традициям, о чем наглядно свидетельствует так называемое „Джирүкенү толта“ (классическая грамматика монгольского языка).

[1] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 56.

Монгольские предметные имена в основном соответствуют существительным в индоевропейских языках (английском — в особенности). Но различие между существительными (например, русскими) и предметными именами в основном сводится к тому, что существительные не могут выражать атрибуты, атрибутивность, тогда как предметные имена — могут. Например, „железная дорога": по бурят-монгольски *тумэр зам* (буквально: „железо-дорога"). В тех языках, где есть существительное, предметная атрибутивность выражается либо прилагательным, образованным от существительного („железная" от „железа"), либо существительным с каким-либо предлогом (сравни французское „chemin de fer", буквально: „дорога из железа"). Наоборот, в языках, где имеется предметное имя, предметная атрибутивность выражается этим предметным именем, как то мы имеем в монгольских и тюркских языках; при этом нет никакой необходимости „превращать" предметные имена в другую часть речи или прибегать к служебным словам (предлогам и т. д.). И в английском языке, как известно, некоторые существительные могут выражать предметную атрибутивность (а в немецком языке — в сложных словах типа „Eisenbahn — железная дорога", буквально: „железодорога"), т. е. как бы являться в то же самое время и прилагательными (так некоторые грамматики и объясняют это).

Далее, в языках, имеющих предметные и качественные имена, качества и признаки предметов не абстрагированы от последних и представляются неотделимо заложенными в этих предметах. Поэтому в этих языках мы не находим таких слов, которые соответствовали бы русским существительным, образованным от прилагательных. Таким образом, категория существительности и прилагательности в языке является продуктом более поздней стадии развития языка — мышления, той стадии, когда качество предмета начало абстрагироваться от самого предмета.

Академик Н. Я. Марр восстановил чрезвычайно плодотворную для лингвистики мысль о том, что возникновение частей речи исторически обусловлено и имеет место лишь на определенной ступени развития языка.[1]

Если мы принимаем тезис о категории предметных имен, отличных от существительных и предшествующих им, то отпадает необходимость в формулировке: „существительное выполняет в таких-то случаях функции прилагательного"; формулировка эта, знакомая нам по множеству грамматик тюркских и монгольских языков, столь несостоятельна, что о ней можно и не распространяться.

Весьма распространенным в лингвистике является утверждение о том, что в монгольских языках (как и в тюркских) не существует формального различия между „существительным" (а на самом деле — предметным) и „прилагательным" (качественным) именами. Это ошибочное утверждение неизбежно вытекает из допущения категорий существительности и прилагательности в монгольских языках. Действительно, русское „железо" и образованное от него прилагательное „железный" по бурят-монгольски одинаково передаются как *тумэр* (соответствует русскому прилагательному только в позиции определения). Но как только мы становимся на почву признания категорий предметных и качественных имен, так сразу же нам становится легко уловить в большинстве случаев формальное различие между этими именами, совпадающими с русскими существительными и прилагательными лишь в определенных синтаксических позициях. Итак, предметные и качественные имена имеют свои оформления, и акад. Н. Я. Марр был прав, когда говорил, что „о последовательности возникновения частей речи по существу можно говорить кон-

[1] Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 125.

кретно, когда у них появляется оформление, закрепляющее их функцию как той или иной части речи.[1]

Особенность оформления предметных и качественных имен в монгольских языках ныне омертвлена (частично). Наша мысль будет более понятна, если мы ее поясним на примерах. Если, например, в русском языке от любого почти существительного путем суффиксации можно образовать прилагательное и, наоборот, от последнего — существительное, то в монгольских языках такая возможность в большинстве случаев отсутствует (за исключением относительных слов типа — *моритo* 'имеющий коня', *мяхалаг* 'мясистый', но не 'мясной'. Например: от русского „ум" образуется „умный", от „труба — трубный", *„река* — речной" и т. д. В бурят-монгольском языке от *гол* 'река' можно образовать лишь *голдохи* 'речной' в смысле 'находящийся на реке или у реки', *голтой* 'живой', 'имеющий жизнь', точнее — 'венозные и артериальные кровеносные сосуды').

Что касается суффиксов, имеющихся в основных предметных и качественных именах, то достаточно указать лишь некоторые из них. Как уже говорилось, при помощи этих суффиксов нельзя ныне произвольно образовывать от предметных имен качественные, а от качественных — предметные имена; иначе говоря, эти суффиксы в некоторой части уже омертвели.

Некоторая часть предметных имен имеет суффикс *han*.[2]

Примеры:

загаһан	— *загa* + *han*	'рыба'
саһан	— *са* + *han*	'снег'
годоһон	— *годо* + *hon*	'обувь'
шуһан	— *шу* + *han*	'кровь'
нэрэһэн	— *нэрэ* + *hэн*	'голубица'
шүү-һэн	— *шүү* + *hэн*	'сок'
хөөһэн	— *хөө* + *hэн*	'пена'

При помощи суффикса *мжа* образуются предметные имена от глаголов.

Примеры:

бүтөөмжэ	'достижение'
нэхэмжэ	'взыскание'
үлэмжэ	'излишек'

Суффикс *лан* образует предметные имена как от глаголов, так и от предметных же имен.

Примеры:

зоболон	'мука, страдание'
таряалан	'земледелие'

Есть достаточное количество других суффиксов, при помощи которых образуются предметные имена, например, *бари*, *лта*, *лга*, *л* и т. д. Об этих суффиксах подробно говорится в упомянутых выше работах А. Бобровникова и Н. Н. Поппе.[3] Поэтому мы здесь ограничимся лишь вышеприведенными примерами. Во всяком случае совершенно ясно, что

---

[1] Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 126.

[2] Все суффиксы и окончания нами даются в огласовке заднего ряда, так как полагаем, что читателю известна зависимость огласовки в суффиксах и окончаниях от вокализма того слова, к которому они наращиваются.

[3] N. Poppe. Nominalstammbildungssuffixe im Mongolischen, Keleti Czemle, XX, Budapest, 1927, стр. 89—126.

предметные имена безусловно оформлены иначе, чем качественные; и это оформление с полной убедительностью свидетельствует о наличии особой формальной категории предметных имен, для различения и определения которых существуют, кроме того, и синтаксические показатели.

Особенностью некоторых суффиксов образования предметных имен является то, что они на данной стадии развития монгольских языков оказываются лишь показателями предметных имен. В этом отношении весьма характерен суффикс *һан*, при помощи которого ныне совершенно невозможно образовывать новые предметные имена от слов, принадлежащих к другим частям речи. С другой стороны, если от предметных имен с суффиксом *һан* отсечь этот суффикс, то в большинстве случаев значимого слова не получим: останется только некий корень, в отдельности нечего не обозначающий. Например, *зага* от *загаһан*, *са* от *саһан*, *годо* от *годоһон* и т. п. (см. выше переводы этих примеров и другие примеры) в отдельности ничего не обозначают. Но если мы обратимся к монгольскому письменному языку, то в нем найдем *ilaγa* 'муха', которому соответствует бурят-монгольское (аларское) *ялааһан* (*ялаа+һан*); в последнем случае *ялаа* отдельно от *һан* ничего не выражает, тогда как в монгольском языке его эквивалент *ilaγa* обозначает ту же муху. Однако такие случаи представляют редкое исключение. Сравни также халхаское *дэл* и бурят-монгольское *дэлһэн* 'грива'.

Только некоторые слова с этим суффиксом оказываются в корне значимыми ныне словами (глаголами).

Примеры:

хөөһэн	'пена'	*хөө*	'пениться'
шγγһэн	'сок'	*шγγ*	'процеживать'

Особенностью других суффиксов, например *лан*, является то, что они образуют предметное имя как от предметных же имен, так и от глаголов.

Примеры:

зобо	'страдай'
зоболон	'мучение'
таряа	'хлеб'
таряалан	'земледелие'
дугуй	'круг'
дугуйлан	'кружок'
хада	'коси'
хадалан	'покос, жатва'

Другие суффиксы образуют предметные имена только от глаголов, например: *л*, *лта*, *лга* (*мэдэ* 'знай', *мэдэл* 'знание'; *зори* 'стремись', *зорилто* 'задача', *бари* 'строй', *барилга* 'строительство'); некоторые — от предметных имен, например: *шан* (*мал* 'скот', *малшан* 'скотовод', 'пастух'; *зугаа* 'разговор', 'пир', *зугаашан* 'пирующие' и т. д.).

Было бы ошибочным считать, что все предметные имена имеют такое окончание или суффикс, по которому можно было бы сразу различить предметные имена от качественных. Есть бесчисленное количество случаев, когда только по окончаниям невозможно отличить предметные имена от глаголов и качественных имен. Это замечание относится к той категории слов, в которых основа совпадает с „первоначальным" корнем: *мал* 'скот', *гал* 'огонь', *γхэр* 'бык', *хада* 'гора', 'скала', *гол* 'река' и т. д. Лицо, не владеющее бурят-монгольским языком, не сумеет признать эти слова предметными именами, ибо и глаголы в основе имеют такие же звуковые окончания, например: *хада* значит и 'гора' и 'коси' (в данном

случае мы отвлекаемся от того, что в старо-монгольском языке различается *хада* 'скала' от *хаду* 'коси'); *гар* 'рука' и 'выходи' (по Марру, как известно, глаголы происходят от слов „рука" или „нога", в особенности те, которые выражают движение).

Есть в монгольских языках такие явления, как совпадение в основе и глагола и имени.

Примеры:

алха	'шаг'	*алха+ха*	'шагать'
адха	'горсть'	*адха+ха*	'схватить'
арга	'средство'	*арга+ха*	'ухищряться'
тэгүс	'полный'	*тэгүс+хэ*	'исполнить'
бүтэн	'цельный'	*бүтэ+хэ*	'совершиться'
шинжэ	'признак'	*шинжэ+хэ*	'расследовать'

Если мы станем от глаголов или имен (в особенности от первых) отсекать омертвелые суффиксы (т. е. не имеющие применения, но некогда так же употреблявшиеся, как нынешние живые суффиксы типа *ла: уһала* 'поить'), то не трудно будет оказаться перед такой картиной, которая изображает нам пройденную монгольскими языками стадию развития, когда не было деления слов на имена и глаголы. Пережитками, рудиментарными остатками от указанной стадии развития и являются приведенные только-что примеры, количество которых можно бы увеличить. Об этом же говорят такие явления, как возможность образования предметного имени при помощи одного и того же суффикса *лан* как от глагола: *заболон* 'мука', так и от имени: *таряалан* 'земледелие'. В отношении громадного количества глаголов можно установить, точнее — без особого труда показать, что в основе их лежит предметное или качественное имя; иначе говоря, отыменных глаголов в монгольских языках гораздо больше, чем отглагольных имен (мы разумеем такие имена и глаголы, отглагольность и отыменность которых вскрывается лишь путем анализа, хотя совершенно легкого и наглядного по своей доступности).

Следует указать, что имена с приведенными выше суффиксами не могут быть качественными именами, имеющими свои особые суффиксы о чем речь — ниже.

Пример с *ялаahан* 'муха', которому в монгольском языке соответствует *ilaγa*, показывает, что в истории развития монгольских языков была такая стадия, когда почти все нынешние имена не имели таких суффиксов, как *han, мжа, лта* и т. д., но, тем не менее являлись значимыми словами. Отсюда не трудно будет умозаключить что появление частей речи было связано с появлением и возникновением такого грамматического приема, как суффиксация.[1] Была, значит, такая стадия, когда не было деления речи на части, не было и суффиксации, т. е. приблизительно нечто такое, что мы видим ныне в китайском языке.

Что предметные имена составляют в речи особую категорию, отличную от качественных имен, можно доказать и синтаксически. Прежде всего следует указать, что предметные и качественные имена, находясь перед глаголом, выполняют различные функции: имя предметное перед глаголом может быть либо подлежащим, либо дополнением прямого объекта (если глагол активен), что определяется характером и глагола и самого имени (мы имеем в виду такого рода случаи, когда имя, как говорят, не оформлено каким-либо косвенным падежом).

---

[1] А эти суффиксы также были тогда значимыми словами. Ср. Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 126.

Примеры:

Ногоон ургаба	'Выросла трава'
Дагва мал тууба	'Дагва погнал скот'
Ахамнь ном уншана	'Мой брат читает книгу'
Ямар загаһа бариба эдэшнь?	'Какую рыбу они поймали?'
Тэндэ бидэ модо зөөгөөбди	'Там мы возим лес'

Имена же качественные перед глаголами без падежного оформления могут быть в основном только такими обстоятельствами, которые выражают то или иное качество действия, и потому синтаксически соответствуют русским обстоятельствам образа действия.

Примеры:

Манай нүхэр һайн ябана	'Наш товарищ живет хорошо'
Түргэн ябаха гэбэл энэ морёор ябаха хэрэгтэй	'Если нужно ехать быстро, то надо ехать на этом коне'

Для того чтобы качественное имя выражало прямое дополнение (объект действия), необходимо оформить его в винительном падеже:

һайниие шэлэжэ абабав	'Я выбрал себе лучшее или хорошее',
Утыйе хараба	'Увидел длинного'

Для того чтобы качественное имя выражало подлежащее, необходимо „снабдить" его притяжанием:[1]

һайниинь ерэбэ.	'Лучший (из них) пришел'
Муумнь ябаба.	'Плохой (мой) ушел'

Вообще говоря, такие обороты употребляются в живой речи при соответствующей обстановке, когда можно понять, о чем ('о каком хорошем? о каком плохом?') идет речь; поэтому можно услышать в диалоге *„эй, муу ерэбэ* 'ого, плохой прибыл'", при отсутствии надлежащей обстановки эту фразу понять только в виде „ого, плохо (не в порядке) прибыл". Аналогичные примеры нами в литературе и фольклоре не обнаружены, хотя они в живой речи довольно часты.

Качественное имя может быть подлежащим без оформления (притяжения) только в том случае, если оно является собственным именем:

Хара ерэбэ	'Хара прибыл'
Бата бэшиэбэ	'Написал Бата'

Все же основное различие предметного имени от качественного заключается в том, что оно перед глаголом не может выражать качество действия, тогда как качественное имя выражает в этом случае только качество действия. Такие выражения как *хүйтэн болбо* 'стало холодно' ('сделался холод'), *халуун байна* 'жарко' ('жара стоит'), *дулаан болжо байна* 'становится тепло', обнаруживают в своем составе качественные имена; так как они отвечают на вопрос *ямар* 'какой'? — 'как'? Очевидно, руководствоваться тем, как то или иное слово переводится на русский язык, нельзя.

Н. Н. Поппе в своем докладе на лингвистической конференции в июле 1936 года[2] указывает на то, что предметные имена не могут сочетаться с усилительными словами типа *эгээ* 'самый', *маша* 'очень' и т. д. Это обстоятельство для Н. Н. Поппе представляет по его словам „большую ценность в данном вопросе". Действительно, усилитель-

[1] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, стр. 62—53.
[2] См. Материалы лингвистической конференции", в. II. стеклографир. Л. 1936.

ные слова не все могут сочетаться с предметными и существительными именами почти во всех языках, о чем в лингвистической литературе уже указывалось, например А. М. Пешковским. Но, помимо собственно усилительных слов, как отмечает Н. Н. Поппе, существуют такие усилительные „слова", которые употребляются только с данным качественным именем, например, *хаб* только с *хара: хаб-хара* 'чернейший', *саб* с *сагаан*: *саб сагаан* 'пребелый' и т. д (аналогичные явления имеются и в тюркских языках). Таких усилительных „слов" (удвоение первого слога качественного имени с некоторыми фонетическими изменениями), предметные имена не образуют.

Итак, категория предметных имен в бурят-монгольском языке существует как особая, отличная от качественных имен, группа слов. Эта категория выделяется от прочих частей речи как своим оформлением (особые суффиксы), так и синтаксическими особенностями. Конечно, наибольшую ценность представляют синтаксические особенности предметных имен.

По содержанию предметные имена — это такие слова, которые выражают предметы, вещи, как конкретные, так и отвлеченные. Различные группы внутри этих имен в литературе уже освещались, поэтому здесь нет надобности останавливаться на них, тем более, что это завлекло бы нас очень далеко в сторону. Некоторые предметные имена, образованные от глагола при помощи суффикса *лга*, выражают различные понятия, например, *бодолго* означало 'размышление и политика' (до замены интернациональным *политика*), *байгулга* 'организация' (в двояком значении: 'организация работы и партийная организация' — с соответствующими определениями), *ороло* 'вхождение' (кое-где) и 'доход', *хаалга* 'ворота' и (редко) 'закрытие'. Иными словами, отглагольные предметные имена с суффиксом *лга* выражают 1) процессые понятия, 2) предмет действия. То же самое при суффиксе *бари*: *таабари* 'загадка', *тээбэри* 'груз'. Далее качественные имена изолировано никогда не образуют таких предметных имен, которые обозначали бы понятие абстрагированных или „опредмеченных" качеств типа русского „чернота" или „красота".[1] В бурят-монгольском языке мало таких слов, которые выражали бы качество в абстрагированном от предмета виде: качество, следовательно, мыслится неотделимым от предмета. Качество мыслится либо в предмете, либо в действии, — вот почему перед глаголом б е з п р и т я ж е н и я подлежащим не может быть качественное имя. Отмеченные обстоятельства представляют значительные трудности для бурят-монгольских переводчиков.

Отметим, что некоторые отглагольные предметные имена (преимущественно с суффиксом *лга*) как бы сохраняют свой глагольный характер. Это выражается в том, что такие имена обладают способностью управлять винительным падежом, например:

Политико-массова ҳүдэлмэриие һайжаруулга (Y, № 3041) 'улучшение политико-массовой работы'.

Аналогичные примеры встречаются и в калмыцком языке, притом со словами, имеющими тот же суффикс (лһн).

Вслед за А. Бобровниковым, качественными именами мы называем такие слова, которые почти всеми тюркологами и монголистами неверно определялись как прилагательное. Прилагательное, как известно, есть имя, в котором „изображаются признаки, заложенные в природе предмета".[2]

Согласно школьному определению, прилагательное — это часть речи, обозначающая признак предмета; при этом под признаком понимается

---

[1] Г. Д. С а н ж е е в, назв. соч. стр. 64.
[2] П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 76.

размер предмета („большой дом, широкий двор"), материал из которого сделан предмет („медный кран"), качество предмета („плотная материя"), принадлежность предмета („отцовская шуба") и т. п., словом все то, что отвечает на вопросы: „какой?" или „чей?"

На самом деле, едва ли обо всех признаках можно сказать, что они заложены в природе самого предмета („отцовская шуба" и т. п.). Если мы сравним с прилагательным (русского языка) качественное имя (монгольских, тюркских и тунгусских языков), то увидим, что последнее обозначает лишь размер и качество предмета, что же касается материала, из которого сделан предмет, и принадлежности, то первое свойство выражается предметным именем в именительном падеже, а второе — родительным падежом любого имени. Итак, качественное имя выражает признак и качество предмета или качество предмета вообще. Однако, если различие между качественным и прилагательным именами сводилось бы только к изложенному, то не было бы никакой необходимости вводить особую грамматическую категорию имени качества, отличного от имени прилагательного. Особенность качественного имени заключается в том, что оно выражает качество не только предмета, но и действия, тогда как прилагательные выражают только качество (в широком смысле этого слова) предмета. Этим и объясняется столь частая формулировка у тюркологов и монголистов, гласящая о том, что прилагательные выполняют функцию наречия. Так, например, Ж. Дени пишет, что „presque touts les adjectifs peuvent être employés comme adverbes de manière" (почти все прилагательные могут употребляться как наречия образа (действия).[1]

Они не подозревают возможности обратной перестановки их положения: почти все наречия образа действия могут употребляться как прилагательные.

Таким образом, в монгольских языках есть такая часть речи, которая выражает не только качество или признак предмета, но также качество или образ действия. Это и служит основанием называть такую часть речи группой качественных имен, а не прилагательных. Категория качественных имен исторически предшествует категориям имен прилагательных и наречий (точно так же, как категория предметных имен предшествует категории имен существительных).

Качественное имя, выражая признак или качество предмета, всегда стоит впереди своего определяемого, с которым не согласуется ни в падеже и ни в числе.

Примеры:

һайхан гэр	'красивый дом'
хүхэ галһаа	'от синего огонька'
муу хүүндэ	'плохому человеку'
боро морёор	'на серой лошади'
һэрүүхэн үдэр	'в прохладный день'
үндэр хада	'высокая гора'

Качественное имя, выражая признак или качество действия, всегда стоит впереди глагольного или отглагольного слова.

Примеры:

Үбэһөө түргэн дуудаад орожо ерэбэ 'Быстро кончили свой сенокос и прибыли (домой)'

[1] Deny. Grammaire de la langue turque, Paris 1921, стр. 238.

EB_1941_AKS_362

Эхэдээ сэхэ хэлэхэеэ эүрхэ алдаһан янзатай	'У него такой вид, что как будто ему не хочется открыто сказать о чем-то своей матери'
һайн ябаад ерээрэй.	'Счастливого пути (буквально: хорошо отправившись, приезжайте)'!
Мэргэн буудаl	'Стреляй меткоl'

При сопротивлении словаря некоторые качественные имена, выражая качество действия, употребляются в форме орудного падежа.

Примеры:

Шангаар сохи	'Ударь посильнее!'
Түргөөр гэшхэжэ түреэгээ хахалбаш.	'Шагая неосторожно, как бы ты не изодрал свои голенища'
Баяшуул бидэниие муугаараа даража байгаа.	'Богачи всячески' (буквально: 'всем тем, что было у них худого' или: своим худым) нас угнетали'

Особенность качественного имени в орудном падеже тем и отличается от предметного имени, находящегося в том же падеже, что оно выражает качество действия так же, как и находясь в именительном падеже. Поэтому в большинстве случаев употребление качественного имени в орудном падеже является либо произвольным, либо лишь стилистической необходимостью. Так, например, как в живой речи, так и в литературе (старой и современной), качественное имя *түргэн* 'быстро' — перед глаголами употребляется то в форме орудного падежа, то без падежного оформления. Что же касается предметного имени в орудном падеже, то оно выражает что угодно, только не качество действия.[1]

Однако употребление качественного имени в орудном падеже необходимо тогда, когда оно, выражая качество действия, удалено от управляющего им глагола другими словами. Необходимо это потому, что в данном случае качественное имя оказалось непосредственно не перед глаголом, а перед каким-нибудь именем, например предметным (качественное имя перед предметным именем выражает качество предмета, а не действия).

Примеры:

Түргөөр хүн ерэбэ.	'Быстро прибывает человек'
Аалихаар нэгэ хүнэй хоолойгоо заһаха абяан дуулдаба	'Послышалось, как один человек тихо кашлянул'

Если в этих фразах качественные имена *түргэн* и *аалихан* оставить в именительном падеже, то они окажутся определениями к именам *хүн* 'человек' и *нэгэ хүнэй* 'одного человека', в соответствии с чем приведенные фразы следует перевести: 1) 'Прибывает быстрый (т. е. быстроногий) человек, 2) 'Послышалось, как кашлянул один тихий человек'.

Для того чтобы качественное имя в именительном падеже выражало качество действия (а не предмета), находясь вдали от „своего" глагола, необходимы особые условия: в таких случаях отношение качественного имени к глаголу, а не к имени (перед которым оно стоит), устанавливается или схватывается путем логического анализа; в живой же речи к тому же действует такой фактор, как пауза после качественного имени. Например: *Ехэ түргэн энэ колхоз шанга шадалдай болбо* 'Этот колхоз очень быстро стал зажиточным'.

[1] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, стр. 100—103.

В данном примере после *түргэн* подразумевается пауза. Без нее фраза получила бы иной смысл: „Стал зажиточным этот очень „быстрый" колхоз".

Из изложенного вытекает, что качественное имя в предложении выступает в позиции определения (находясь перед предметным именем) и дополнения или обстоятельства образа действия (в общем находясь перед глаголом). Качественное имя может быть и сказуемым, находясь в конце предложения:

Халаһынь халаг, моримнь алаг. 'Как жаль, что конь мой — пегий' (поговорка)

Ябаха газарнай холо гээшэ даа 'До того места, куда мы поедем, далеко'

Во всех приведенных выше случаях качественное имя неизменно выражает качество предмета или действия. Теперь же рассмотрим те случаи, когда качественное имя выражает „предметность" или заменяет предметное имя.

Качественное имя может „стать" предметным именем тогда, когда оно употребляется как собственное имя, например: *Бата* 'Бата' (а не 'крепкий'), *Хара* 'Хара' (а не 'черный'), *Түргэн* 'Тургэн' (а не 'быстрый').

Качественные слова только в косвенных падежах имеют значение „предметного" имени.

Примеры:

Баярааа бу һайрха (поговорка), 'Не хвались своим богатством'
Хурдаарааа хура гархагүйш (тоже). 'Своей быстротою от дождя не уйдешь' (т. е. 'Как ни будешь спешить'...)

Однако „предметность" качественного имени весьма относительна, и скорее представление о ней („предметности") вызывается переводом на русский язык. На самом же деле, „качественность" качественных имен продолжает чаще всего оставаться неизменной, соответствуя приблизительно таким русским оборотам, как „нехорошее ты сделал", в которых опущены соответствующие определяемые. Как известно, качественное имя с притяжением выражает либо один из предметов, обладающих данным качеством, либо иногда самое качество.

Примеры:

Энэ хүнэй муудань хүржэ байна. 'Упоминает (доходит) о „некудышности" этого человека'

Энээнэй һайхайшинь харыш. 'Посмотри на красоту этого человека'

Тэрэ айлһаа эгээ бэрхэнь ерэбэ гээшэ даа. 'Из того айла прибыл самый лучший' (человек)

Нараһан нараһан модоной
Намаа намшань гайхалтай,
Наһан болһон баабайн
Гэнэн тэнэгэнь гайхалтай!

'Соснового, соснового дерева листья замечательны; престарелого отца — простота и глупость замечательны' (из песни „Шоно Батора")

Необходимо подчеркнуть, что в подобного рода случаях речь идет лишь о таком качестве, которое принадлежит определенному лицу или предмету; качество же, абстрагированное от предмета, передаче не поддается.

Итак, такие отвлеченные понятия как „красота", „дурнота" или „дурность", „глупость" мыслимы и выражаемы; но эти отвлеченные качества не абстрагированы от предметов, носителей определенных качеств. Далее, если качественное имя употребляется как дополнение или подлежащее без личного или без безличного (возвратного) притяжания, то тогда подразумевается не качество данного предмета, а носитель его. Когда на конских скачках кричат *боро гарба* или *боронь*, то вовсе не имеется в виду сообщить, что победила или побеждает „серость" вообще или „серость" данной лошади, но что победа клонится на сторону лошади, обладающей данным качеством, т. е. серой лошади.

Что качественное имя никоим образом не выражает качества вообще, абстрагированного от предмета, легко показать на примерах, когда то или иное качественное имя, не меняя своей формы (т. е. без особого окончания), в некоторых случаях приобретает значение предметного имени. Так, например, *баялаг* значит не только „богатый", но и „богатство" (*баялаг хүн* — 'богатый человек', *дэлхэйн баялаг* 'природное богатство'), а иногда „богач" (надо разуметь пропуск слова *хүн*). Однако *баялаг* в значении „богатство" выражает объект богатства (скот, недра земли и т. п.), а не качество бытия, т. е. не то, что по-русски передается словом „изобилие". Качественное имя *хара* 'черный' в положении предметного имени означает не „черноту", а „злоумыслие", „зависть" и т. п., в зависимости от того или иного говора (в некоторых тюркских языках *кара* значит еще „злой дух"). В последнем случае мы имеем своеобразные омонимы, которые образовались в результате семантического расщепления одного и того же слова без фонетической филиации. Изложенному не противоречит тот факт, что „здравоохранение" передается *эрүүлэх хамгаалха*, в котором *эрүүл* 'здоровый' дано в винительном падеже, ибо *эрүүл* в форме именительного падежа не значит 'здоровье' или 'безболезненность'.

Что касается названия цветов вообще, то они сами являются производными от названий каких-либо предметов; во всяком случае от этих слов нельзя получить таких слов, которые выражали бы красноту вообще, белизну, желтизну, синеву и т. д. Так, *ногоон* значит 'зелень и зеленый'; *сагаан* 'белый' и, без конечного *н* (отсутствие или наличие которого в известных случаях вообще можно игнорировать) — 'молочная пища'; *улаан* 'красный', предметное значение этого слова сохранилось в выражении *улаа гаргаха* 'заколоть на мясо овцу' (буквально: 'вынести нечто красное', т. е. мясо или кровь; на ряду с этим существует другое выражение в том же значении: *шүһа гаргаха*, собственно: 'достать кровь').

Итак, качественное имя выражает качество или признак как предмета, так и действия; и определять его как прилагательное нельзя потому, что последнее выражает лишь „признак, заложенный в природе предмета". Выше мы постарались показать как значение качественного имени, так и синтаксические особенности, по которым можно определить это имя и отличить его от предметного. Вкратце синтаксическое различие между качественным и предметным именами можно сформулировать следующим образом: предметное имя перед глаголом выражает, как и в любой позиции, какой-либо предмет; качественное имя перед тем же глаголом выражает качество действия, а перед предметным именем — качество предмета (предметное имя перед предметным же именем может выражать материал, из которого сделан предмет или которому уподобляется последний, лишь в определенных случаях, о чем речь будет итти в другом месте).

К качественным именам мы должны отнести то, что А. Бобровников называл относительным именем (за исключением производных слов с окончанием *ша*, выражающих в основном деятелей и относимых нами

к категории предметных имен). Дело в том, что качество предмета может выражаться и в том, что предмет что-либо имеет или где-либо расположен. Относительные имена, составляющие часть качественных имен, почти все произведены от предметных или служебных имен при помощи суффиксов *та* или *тай*, *дахи* или *хи*.

Примеры:

морито	'конный'	*эндэхи*	'здешний'
үнэтэй	'ценный'	*городдохи*	'городской'
наратай	'солнечный'	*тэндэхи*	'тамошний'

Имеются еще притяжательные качественные имена, образуемые от формы родительного падежа при помощи суффикса *хи* и выражающие принадлежность одного предмета другому.

Примеры:

агынхи	'агинский'	*москвагайхи*	'московский'
манайхи	'наш'	*дулгарайхи*	'дулгаровский'
танайхи	'ваш'		

В качестве обстоятельства образа (качества) действия, т. е. дополнения, из указанных групп относительных имен может выступать только первая (с окончанием *тай*), и то лишь в форме орудного падежа. В этом смысле к указанной группе имен необходимо отнести слово *үгэй* 'нет, без'. Из изложенного вытекает, что относительные имена с окончанием *тай или үгэй* к категории качественных имен причисляются весьма условно, поскольку они могут быть трактуемы как предметные имена в совместном падеже, каковыми они и являются. Речь же идет лишь о некоторых отдельных словах, которые в совместном падеже или с отрицанием *гэй* как-бы перешли в разряд собственно-относительных имен, например, *үнэтэй* 'дорогой' (а не то, что 'с ценою'), *ажалгүй* 'безработный'.

Что же касается относительных имен с окончанием *та*, *хи* и *дахи*, то они по сути дела являются прилагательными, поскольку при помощи их нельзя выразить качество действия. К этой же группе относятся слова с окончанием *мал* (*зурамал* 'исчерченный'), *маг* (*холимаг* 'смешанный'), *рхай* (*хахархай* 'разорванный'), *шаг* (*шулуушаг* 'подобный камню') и т. д. Но эта группа слов, как особая категория прилагательных, особенно резко от качественных имен не выделяется (по другим признакам).

Но эти вновь возникающие в бурятском языке прилагательные тем существенно отличаются от русских прилагательных, что они имеют весьма суженное значение, тогда как последние (русские прилагательные) грамматически весьма „полисемантичны". Так, например, бурятское *морито* 'конный' означает только, что некто или нечто имеет коня, тогда как русское „конный" включает в себя самые разнообразные понятия, сравнить примеры (с их переводом на бурятский язык):

'Конная армия'	*морито арми*	('армия с конем')
'Конный завод'	*мориной завод*	('завод коня')
'Конная телега'	*морин тэргэ*	('конь-телега')

В скобках даны буквальные переводы с бурятского языка обратно на русский.

Сравни еще:

'Железная дорога'	*түмэр зам*	('железо-дорога')
'Железная воля'	*түмэр мэтэ зориг*	('воля как железо')

Русские прилагательные подлежат специальному разбору в связи с определением в бурятском языке.

Остается указать, что качественные имена во множественном числе переходят в разряд предметных имен, выражающих предметы с данным качеством:

Примеры:

улаанууд	'красные'
сайд (монг.)	'министр'
харануд	'харануты' (название одного рода)

Из более частных случаев перехода предметных имен в категорию качественных приведем лишь один пример. Имя *эгэ* 'сторона' в форме орудного падежа приобрело значение качественного имени со значением „приемлемый", например: *эгээр хүн* 'ничего себе человек', 'приличный человек'; в то же самое время это слово в данном же падеже сохраняет свое „старое" значение: *тэрэ эгээр* 'по той стороне', что отражено в написаниях старо-монгольской письменности: *züg-jiēr* — 'стороной' и *zügēr* — 'ничего'.

Относительные слова с окончанием *ша* или *тан*, производные от предметных имен, некогда обозначали принадлежность чего-либо к чему-либо. Например, в старо-монгольском языке *bulagačin* означало принадлежность какого-либо индивида к роду *bulaga*. В современных монгольских языках слова с окончанием *тан* то выражают принадлежность какого-либо индивида к определенной группе других индивидов (*Бадматан* — 'члены семьи Бадмы'), то обозначают, что данная группа лиц обладает каким-либо предметом (*капиталтан* 'капиталисты'). Сложность относительных слов заключается в том, что в их группу вливаются некоторые предметные имена в совместном падеже типа *үнэтэй* 'ценный' или 'с ценою'. Поскольку речь будет итти о словах с окончанием *н*, то эта сложность устраняется тем, что в совместном падеже конечный *н* сохраняется, например: *моринтой* 'с лошадью'; если же эти слова становятся с тем же окончанием *тай* относительным именем, то конечный *н* отбрасывается, например: *моритой* 'конный' (в смысле 'имеющий коня', но не 'с конем').

Итак, качественное имя выражает в основном признак, заложенный в каком-нибудь предмете или действии. Качество или признак, в общем, не мыслится абстрагированным от какого-либо предмета. Этим и объясняется то, что качественное имя может быть подлежащим, как правило, с личным притяжанием. В истории развития монгольских языков была, очевидно, полоса, когда даже предметы всегда представлялись принадлежащими к чему-либо; следы ее сохраняются особенно рельефно в ойратских диалектах и бурят-монгольском языке в виде более частного употребления личных притяжательных окончаний при именах. Так, не всегда достаточно сказать *минии морин байна* 'находится мой конь', следует *минии моримни байна* буквально 'находится мой конь + мой'. Общеизвестные данные из тюркских или тунгусских языков только подтверждают сказанное. В связи с этим любопытно отметить, что в тунгусских языках, как и в тюркских, слово, обозначающее субъект обладания, формально остается в „именительном" падеже, а слово, обозначающее объект обладания, принимает притяжательное окончание, например: *kolhos hegdigu + n* 'колхоз председатель + его', т. е. 'председатель колхоза'.[1]

[1] Г. М. Василевич. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка, 1934, стр. 39.

Группа качественных имен, следовательно, делится на две подгруппы: подгруппа собственно качественных имен типа *һайн* 'хороший, хорошо,' *ундэр* 'высокий', 'высоко', и подгруппа относительных имен типа *морито* 'конный' (только в смысле 'имеющий коня'), образуемых и образованных от предметных имен. Ко второй подгруппе следует отнести также те качественные имена, которые образуются от глагольных основ.

Примеры:

бэшэ	'пиши'
бэшэмэл	'исписанный'
буу	'спускайся'
буумал	'спущенный' (о камнях)
гайха	'удивляйся'
гайхамшагтай	'удивительный'

В заключение укажем, что собственно непроизводные качественные имена не имеют каких-либо особых формальных показателей. Что же касается относительных имен, то они все имеют эти показатели (*тай, мал, маг, хи, рхай, та* и т. д.[1]

Степеней сравнения в бурят-монгольском языке нет, как и во всех монгольских языках. Как известно, степени сравнения имеются в тунгусских языках; признаются они и в тюркских языках в отношении собственно качественных имен, однако из всех тюркологов более прав J. Deny, когда он пишет, что „il n'existe pas en osmanlí de suffixe pour le superlatif ou le comparatif" (в османском языке нет особого суффикса для превосходной или сравнительной степени), ибо, в самом деле, и в тюркских языках то, что в русском языке выражается степенями сравнения, передается синтаксически (удвоением соответствующего качественного имени: yükseg yükseg 'очень высокий', употреблением усилительного слова: *en jaxši* 'самый хороший' и т. д.[2] В монгольских языках существуют некоторые суффиксы (*хан, шаг*), которые усиливают или ослабляют значение качественного имени аналогично тому, как в русском языке окончание *-оват* — указывает на неполноту признака или качества ('синеватый', 'желтоватый' и т. п.). Это — по существу усилительные или уменьшительные суффиксы, иногда одинаково относящиеся и к предметным именам.

Примеры:

		багахан	'маленький'
ойхон	'лесок'	*ехэхэн*	'многовато'
(*ойхондоо гарнал*	'в лесок отправился', см. „Аламжи Мэргэн", стих 971),	*сагаашаг*	'беловатый'
хүнхэн	'человечек'	*улаашаг*	'красноватый'

Манчжурский язык в отношении качественных имен и отсутствия в нем степеней сравнения (вопреки грамматикам) составляет полное тождество с монгольскими и тюркскими языками, ибо и в этом языке „степени" сравнения выражаются теми же синтаксическими приемами, что и в названных языках.[1] Особняком стоят тунгусские языки, в которых „прилагательные" имеют степени сравнения, согласуются с существительными в числе и падеже и потому действительно являются прилагательными, а не качественными именами.[2] Получается впечатление,

[1] См. N. Poppe. Die Nominalstammbildungssuffixe ..., в журнале Keleti Czemle, т. XX, Budapest, 1927).

[2] J. Deny. Grammaire de la langue turque, стр. 235—236.

что тунгусские языки стоят на более высокой стадии развития, чем манчжурский, тюркские и монгольские языки, если считать, что согласование в числе и падеже определения и определяемого — явление более позднее. Однако это впечатление рассеивается, если учесть судьбу прилагательных в английском языке,[3] тем более, что едва ли будет справедливым относить тот или иной язык к той или иной стадии развития по одному морфологическому признаку. В связи со сказанным отметим пример из живой бурятской речи: *ехэнүүд морид* 'большие кони', в котором определение *ехэнүүд* согласовано с определяемым в числе; по устному сообщению Т. А. Бертагаева, в эхиритских и булагатских говорах подобные явления также имеют место. В данное время трудно сказать, является ли отмеченное явление пережиточным или „случайно" появляющимся; во всяком случае в живых монгольских языках подобные примеры согласования в числе определения с определяемым не наблюдались.

В бурят-монгольском языке усиление или ослабление качества, приписываемого предмету или взятого само по себе, выражается лексически и синтаксически; и поэтому формы такого выражения чрезвычайно разнообразны. Упомянем наиглавнейшие:

1. Употребление перед соответствующим качественным именем слов *маша, угаа, эгээ, тун* усиливает степень и значение данного качества: *угаа ехэ* 'очень большой', *эгээн бага* 'самый малый', *маша һайн* 'очень хороший'.

2. Превосходная степень качества выражается, между прочим, повторением данного качественного имени, причем первый из дублетов дается в исходном падеже: *һайнһаа һайн* 'самый хороший', 'хороший из хороших' (ср. русское „лучший из лучших").

3. Удвоением первого слога (с некоторым фонетическим изменением) качественного имени усиливается степень данного качества, например: *хаб-хара* 'пречерный' *саб-сагаан* 'пребелый'.

Отметим, что предметные имена не употребляются с усилительными словами типа *угаа*, а в сочетании с *угаа* выражают наименование предмета, почему-либо нетерпимого, например: *угаа хүн даа энэшнь* (в аларском говоре) 'ну и невозможный же человек!'

Резюмируя все вышеизложенное, мы замечаем, что в бурят-монгольском языке 1) категории существительных и прилагательных отсутствуют, вместо них зато имеются категории предметных и качественных имен, 2) предметные и качественные имена по форме делятся на коренные (непроизводные) и производные. И если мы стали бы иметь дело только с непроизводными именами, то не сумели бы найти формального различия между предметными и качественными именами, которые в целом тогда отличались бы друг от друга только по своему значению.

Мы видим также, что а) предметные имена в зависимости от своего положения во фразе соответствуют русским предметным и процессным существительным и предметным прилагательным, например: *модон хэбтэнэ* 'дерево лежит' и *модон гэр* 'деревянная юрта', б) качественные имена соответствуют русским качественным существительным, качественным прилагательным и наречиям образа действия, например, *мориной һайн юунһээб* 'отчего „добротность" лошади?' *һайн морин колхоздо байна* 'хорошая лошадь имеется в колхозе' и *та һайн байнат* 'вы живете хорошо'. Иными словами, предметные имена обозначают предмет, представляемый либо сам по себе,

[1] И. Захаров. Грамматика манчжурского языка, стр. 85.
[2] Г. М. Василевич. Учебник эвенкийского языка, стр. 62.
[3] Б. А. Ильиш. История английского языка, 1935, стр. 50.

либо как материал, из которого сделан или состоит другой предмет, либо как нечто, которому употребляется другой предмет (см. ниже раздел об определении). Качественные имена обозначают качество или признак и предмета и действия, причем это качество предмета во фразе в позиции подлежащего или дополнения может быть абстрагировано от своего носителя (в этом случае качественное имя соответствует русскому качественному существительному типа „быстрота, добротность" и т. д.). Ниже, в главе „Определение" нам мимоходом придется вернуться к освещению различия между предметными и качественными именами и их соответствий во фразе с русскими существительными и прилагательными. Сказанное подтверждает всю несостоятельность допущения в монгольских языках категорий существительных и прилагательных, появление которых лишь намечается в наше время под влиянием новых условий жизни и заимствований из русского языка. Последнее выражается в том, что многие предметные имена (производные и заимствованные) начинают терять способность быть во фразе определениями другого имени, оставаясь в форме „именительного" падежа, а многие качественные имена (и заимствованные русские прилагательные) теперь могут быть определениями глаголов или обстоятельствами образа действия лишь в форме орудного падежа (*стахановскаар хүдэлхэ* 'работать по-стахановски'), в качестве каковых они имеют тенденцию превратиться в наречия образа действия (ср. русское „вечером" и т. д.).

То обстоятельство, что предметные и качественные имена отличаются друг от друга только будучи производными и, с другой стороны, не отличаются — будучи коренными, свидетельствует о сравнительно позднем появлении этих частей речи в бурят-монгольском языке. Последний, стало быть, сравнительно недавно прошел ту стадию своего развития, на которой слова еще не делились на части речи, а различие между ними (если для той стадии об этом вообще можно говорить) имело лишь смысловой характер. Сказанное подтверждает также, что прав был, Н. Я. Марр, когда он писал: „Вообще не было частей речи (в древнейших стадиях развития языка. — *Г. С.*)... О последовательности возникновения частей речи по существу можно говорить конкретно, когда у них появляется оформление, закрепляющее их функцию как той или иной части речи" (разрядка наша. — *Г. С.*)[1]

НАРЕЧИЯ, ПОСЛЕЛОГИ, ЧАСТИЦЫ И МЕЖДОМЕТИЯ

В монгольских грамматиках (и по традиции — в бурят-монгольских) под наименованием *сула үге* — „пустые слова" объединялись самые разнообразные слова, которые не попадали в группы предметных и качественных имен, числительных, местоимений и глаголов. А между тем внутри группы „пустых слов" имеются самые разнородные слова, которые необходимо так или иначе выделить в особые группы: наречий (или неполных имен — по прежней терминологии Н. Н. Поппе), послелогов, частиц и междометий.

Наречия тем отличаются от послелогов, что фигурируют в предложении в порядке примыкания и лишь частично в порядке управления, тогда как послелоги обязательно употребляются при каком-нибудь слове и самостоятельно не могут быть членами предложения. Наречия (производные) суть такие имена, которые исторически законсервировались в форме какого-нибудь падежа, например, такие слова как *энд* 'здесь' и *тэндэ* 'там' являются именами, застывшими в форме дательного падежа'

[1] Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 125.

первоначальные корни которых ныне не употребительны (теперь не употребляют *тэн* и *эн*, от которых и образованы эти наречия). То же самое можно сказать относительно наречий *дээгүүр* 'по поверхности', *доогуур* 'внизу', *саагуур* 'вдали', *наагуур* 'вблизи', *хойгуур* 'позади', *энээгүүр* 'здесь' и т. д.; корни этих наречий ныне наличествуют в наречиях же: *дээрэ* 'наверху', *доро* 'под', *саана* 'дальше', *наана* 'вблизи'. Есть, однако, такая группа наречий, корни которых ныне не омертвели, например: *үглөө* 'утро' в составе *үглөөгүүр* 'утром', *баруун* 'правый' в *баруунаар* 'по правой стороне', *зүүн* 'левый' *в зүүгээр* 'по левой стороне' и т. д. Следовательно, наречия по своему происхождению делятся еще на две следующих группы:

1) Группа наречий, корни которых ныне не употребляются, но от которых имеются ряд производных слов, например:

Корни:	Производные от них:	
хой	*хойно*	'позади, за'
	хойшо	'после, на север'
	хойгуур	'позади',
	(*хойлго*	'лошадь на могиле')
	(*хоймор*	'задняя часть юрты')
	(*хойто*	'следующий, северный')
саа	*саана*	'дальше'
	саагуур	'далее'
наа	*наана*	'близко'
	наагуур	'вблизи'
дээ	*дээрэ*	'наверху'
	дээдэ	'верхний'
	дээгүүр	'на, над'
доо или *до*	*доорo, доро*	'под, низ'
	доогуур	'под, ниже'
эн	*эндэ*	'здесь, тут'
	(*энэ*	'этот')
тэн	*тэндэ*	'там, туда'
	(*тэрэ*	'тот') и т. д.

Как видно из примеров, некоторые близкие по значению слова (*энэ — тэрэ, эндэ — тэндэ*) различаются лишь по наличию или отсутствию в них согласной *т* (ср. монг-письм. *inaγši* 'сюда', *činaγši* 'туда'), показывающей удаленность объекта от субъекта.

2) Группа наречий, корни которых в качестве самостоятельных слов ныне наличествуют в языке.

Примеры:

баруун	'правый'	*баруунаар*	'правее'
зүүн	'левый'	*зүүгээр*	'левее'
үглөө	'утро'	*үглөөгүүр*	'утром'
холо	'даль'	*холуур*	'далеко'
зүг	'направление'	*зүгөөр*	'ничего себе'

См. еще следующие примеры:

ии	*ишэ*	'сюда'
	(*ихэ*	'эдак сделать')
	(*имэ*	'эдакий')
тии	*тишэ*	'туда'
	(*тихэ*	'так сделать')
	(*тимэ*	'такой')

Количество этих примеров можно было бы увеличить до бесконечности, но мы даем здесь лишь некоторые (с передачей основных значений).

Есть еще и третья группа наречий, которые не являются производными от каких-либо основ.

Примеры:

баһа	'снова'	*орой*	'поздно'
бүри	'совсем'	*ходо*	'сплошь'
улам	'все более'	*нэбтэ*	'насквозь'
огто	'совсем'	*шобто*	»
хамха	'все, совсем'	*соо*	»
зада	'вдребезги'	*хаха*	'пополам'
дэлбэ	»	*мулта*	'совсем'

Есть ряд других наречий подобного рода, усиливающих степень действия и в отдельности трудно переводимых на русский язык: глаголы с такими наречиями на этот язык переводятся либо глаголами с соответствующими приставками, либо иными глаголами.

Примеры:

тата	'тянуть'	*һуга тата*	'выдернуть'
сохи	'бить'	*бута сохи*	'разбить'

Эти наречия Н. Н. Поппе[1] (видимо, исходя из того, что они трудно переводимы по-русски) неправильно называет частицами (междометными) усиления.

К группе наречий мы не относим такие, как *саб*, *хаб* и т. д. ибо эти „слова" по сути дела не являются самостоятельно употребимыми и представляют собою дублирование первого слога соответствующих имен, перед которыми только и находятся (*саб-сагаан* 'пребелый', *хаб-хара* 'пречерный' и т. д.).

Все наречия тем отличаются от послелогов, что они в предложении являются самостоятельными членами — дополнениями, выражающими обстоятельства времени, места и образа действия, и не обязательно управляют какими-либо предшествующими словами, т. е. имеют во фразе самостоятельное значение, тогда как послелоги употребляются в речи в качестве несамостоятельных слов, но определяющих отношение объекта к предикату. Иными словами, наречия выполняют ту же функцию в речи, что и наречия в русском языке, а послелоги — функцию предлогов в том же русском языке.

В качестве послелога употребляются и предметные имена, например, *дотор*, 'в, внутри' (собственно: 'внутренность', а затем 'подкладка', 'желудок' и т. д. в зависимости от того или иного диалекта). К послелогам, которые произносятся как бы слитно со словами, мы относим следующие слова:

соо	'в'	*дотор*	'внутри'
тухай	'об'	*мэтэ*	'вроде'
тула	'так как'	*шэнги*	'наподобие'
баа	'и' (собственно — союз)		

Не должно смущать то обстоятельство, что некоторые слова могут одновременно входить в различие части речи; подобного рода явления неизбежны, поскольку ничего чистого и законченного в языке, как известно, не бывает. Так, например, предметное имя *дотор*, употребляясь

[1] Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 274.

в качестве определения, имеет значение „внутренний“ и в качестве послелога имеет значением „в“. Некоторые наречия, выражающие обстоятельства места (кроме *эндэ* ‘здесь’ и *тэндэ* ‘там’), употребляются и в качестве послелогов, например: *ширээ-дээрэ* ‘на столе’; *шини доро* ‘под тобою’ и т. д.

Таким образом, оказывается, что наречия и послелоги как бы „перепутаны“ между собою; объясняется это тем, что некоторые послелоги образуются от наречий, в свою очередь восходящих к предметным именам. Что касается имен, управляемых послелогами (собственно наречия другими именами не управляют, чем они, между прочим, и отличаются от послелогов), то они чаще всего оформляются в родительном падеже, а иногда — и в исходном: *тэрэнһээ гадана* ‘кроме того’. По мере того, однако, как центр внимания сосредоточивается на послелоге, значение падежной формы управляемого слова ослабляется, что, в свою очередь, вызывает отмирание падежа перед соответствующими послелогами или делает этот падеж необязательным. Так, например, при послелоге *соо* ‘в’ управляемое имя формально остается в именительном падеже: *гэр соо* ‘в юрте’, *хүреэ соо* ‘в изгороди’; при послелоге *дотор* ‘в’ управляемое имя то стоит в именительном падеже (*гэр дотор* ‘в юрте’), то в родительном падеже (*хүүхэдэй дотор* ‘среди детей’). Пример с послелогом *соо* показывает, что послелоги имеют тенденцию превратиться в суффиксы падежного типа. И, действительно, все падежные окончания исторически возникли от послелогов, как это показывается в общей лингвистике.

Некоторые наречия, будучи употреблены в качестве послелогов, изменяют качество гласного своего первого слога. К этим наречиям относятся, например, следующие:

доро (*дорӧ*) ‘внизу’, как послелог „под“
дээрэ (*дэ̄рэ̄*) ‘наверху’, как послелог „на, над“

Особенность этих двух наречий состоит в том, что если первое из них употреблено в качестве послелога, то его первый „нормальный“ гласный становится кратким, например:

(Тэндэ) доро (юун хэбтэнэ) (‘Что там лежит’) ‘внизу?’
(Тэргэн) дӧрӧ (юун хэбтэнэ) (‘Что лежит’) ‘под’ (‘телегой’)’?

Если же в качестве послелога употреблено второе из названных наречий (*дэ̄рэ̆*), то его первый сверхдолгий гласный становится нормально долгим, например:

(Тэндэ) дэ̄рэ̄ (юун хэбтэнэ) (‘Что там лежит’) ‘наверху?’
(Тэргэн) дэ̄рэ̄ (юун хэбтэнэ) (‘Что лежит’) ‘на (телеге)?’

(В примерах к обоим этим наречиям в скобках напечатаны слова, данные не в транскрипции, а в орфографическом облике).

Что касается наречий третьей группы, выражающих ту или иную степень действия (*огто* ‘совсем’, *соо* ‘насквозь’, *нэбтэ* ‘то же самое’ и т. д.), то они никогда не могут употребляться в виде послелогов и являются такими словами, которые исторически выделились из группы качественных имен в виде слов, выражающих только качество действия. Таким образом, бурят-монгольские наречия третьей группы совсем близки к категории русских наречий образа действия или степени. Эта группа наречий отличается от остальных наречий тем, что она может образовать глаголы: *зада*: *задарха* ‘развалиться’ (например, ‘об изгороди’), *задалха* ‘вскрыть’ (например, ‘бумагу’); *мулта*: *мултарха* — ‘вырваться’, *мулталха* ‘освободить’, ‘снять’ (например, ‘об узде’).

Послелог *тула* имеет двоякое значение: после родительного падежа — „для"; „для того, чтобы"; после именительного „так как". Например: *ами хоолойго тэжээхын тула* 'для того, чтобы прокормиться'; *бодохоёо больһон тула* 'так как не стал думать'.

Некоторые наречия, как известно, склоняются, но не по всем падежам, а почти только в исходном падеже.

Примеры:

эндэ	'здесь'	*эндэһээ*	'отсюда'
тэндэ	'там'	*тэндэһээ*	'оттуда'
дээрэ	'наверху'	*дээрэһээ*	'сверху'
хойно	'позади'	*хойноһоо*	'сзади' и т. д.

Это обстоятельство и дало повод Н. Н. Поппе в свое время называть эти наречия „дефектными" или „неполными" именами. От некоторых наречий и послелогов могут быть образованы качественные (относительные) имена при помощи суффикса *хи*.

Примеры:

эндэ — эндэхи	'здешний'
тэндэ — тэндэхи	'тамошний'
дээрэ — дээрэхи	'верхний'
баруунаар — баруунаархи	'расположенный направо'
соо — соохи	'находящийся в'...

Резюмируя все вышесказанное о наречиях и послелогах, мы устанавливаем:

1) По соображениям и лингвистического и педагогического характера, наречия и послелоги мы не должны смешивать в одно, поскольку приходится иметь дело с двумя разными группами слов.

Развитие этих частей речи, как мы видели, можно изобразить в следующей схеме:

а) предметное имя → наречие (места и времени) → послелог;

б) качественное имя → наречие образа действия или степени и меры.

Послелоги (и предлоги в неагглютинативных языках), как известно, имеют тенденцию превратиться в падежные суффиксы (пример с послелогом *соо* 'в'). Послелоги, как мы видели, не образуются исторически от качественных имен, а всегда — от предметных, выражающих пространственно-локальные отношения.

Дальнейшее развитие предметных и качественных имен неизбежно обнаружит появление в монгольских языках новых наречий, выражающих обстоятельства места и образа действия. Что же касается послелогов, то они образуются от наречий времени и места, являясь их дальнейшим развитием и мостом к их переходу в категорию падежных суффиксов.

2) Наречия тем отличаются от предметных и качественных имен, что они не являются наименованиями каких-либо предметов или их качеств. Это значит, что они, в отличие от всех остальных имен (местоимений и числительных в том числе) не могут быть в предложении ни подлежащими и, за редкими исключениями (*эртэ* 'рано'), ни определениями, они могут быть только дополнениями (обстоятельства образа и места действия) или сказуемыми. С точки зрения синтаксической и, следовательно, педагогической, это чрезвычайно важный признак наречий. То же обстоятельство, что наречия не имеют полного склонения и что от них можно образовать глаголы или качественные (относительные) имена, является признаком второстепенного значения, свидетельствующим лишь об истории их возникновения и развития.

В некоторых грамматиках монгольских и тюркских языков послелогами называют то, что следовало бы называть и называют (другие авторы) падежными суффиксами или окончаниями. Следует заметить, что послелогами должны называться слова, управляющие именами, т. е. требующие, чтобы соответствующее имя, к которому они относятся, стояло в определенном падеже. Это положение относится, конечно, к языкам, в которых стабилизировалось склонение или суффиксация вообще. Поэтому неправы те, которые говорят о „падежных послелогах", ибо падежные окончания в некоторых случаях произошли от послелогов, чтобы на более высокой ступени развития языка быть вытесненными иными послелогами (или предлогами, как то случилось, например, в немецком языке). Это ведет к образованию послеложных (или предложных) сочетаний типа *ябаһан тула* 'так как пошел', *гэр соо* 'в юрте', *хүн мэтэ* или *хүн дли* (от *адали* 'похожий') 'как человек' или 'вроде человека'.

Следовало бы также в отношении монгольских языков отличать окончания от суффиксов, понимая под этим наименованием „омертвелые" суффиксы типа *һан* в словах типа *дэлэһэн* 'грива' и т. п., поскольку при помощи их нельзя теперь образовать новые слова.

Частицы, междометия и звукоподражания в некоторых бурят-монгольских грамматиках также причислялись к группе „пустых слов". Группа „пустых слов" для некоторых авторов была как бы запасной корзинкой, куда складывалось все то, что не укладывалось в другие группы: имен предметных, качественных, числительных, местоимений и глаголов. Частицы, междометия и звукоподражательные слова должны быть рассмотрены дифференцированно.

В сущности они не являются словами в полном смысле этого термина.

Частицы это — такие неполновесные „слова", которые лишь придают другим словам тот или иной оттенок: вопросительный, утвердительный, отрицательный, усилительный и т. д. К вопросительным частицам относятся *гү* и *бэ* или *б* (после гласных). Частица *бэ* или *б* употребляется лишь при наличии в предложении вопросительного слова, например: *Хэзээ ши ябааб ши?* 'Когда ты ходил?' Частица *гү* употребляется при отсутствии в предложении вопросительного слова, например: *ошоо гү?* 'пошел ли?' *ябаба гү?* — 'отправился ли?' В некоторых диалектах (аларском, например) вместо него употребляется *йи*, например: *морин йи?* 'конь ли?' *ерээ йи* 'пришел ли?'

Частицами утверждения, усиления и т. д. являются *даа, шүү, ха, ла*, приблизительно соответствующие русским "ведь, же", например: *Хүн ябана даа* 'Человек идет же'. *Би үзэһэн шүү!* 'Я же видел!' *Тэндэл байна* 'Там же находится'.

К отрицательным частицам относятся *үле, эһэ, бү* и *битэгы* (последняя — халхаского происхождения и в бурят-монгольском языке почти не употребительная).

Бү употребляется лишь при повелительных формах глагола: *бү яба* 'не ходи', *бү ороты* 'не входите' и т. д. *үле, эһэ*, сравнительно редко встречающиеся, употребляются при изъявительных формах глагола: *эһэ ерэбэ* 'не пришел', *үле мэдэнэб* 'не знаю'.

В отрицании наиболее употребительное слово *үгэй*, которое, однако, не является частицей. *Үгэй* 'без' и 'нет' есть качественное слово и, по существу, антипод совместному падежу, например: *үнэтэй* 'дорогой' ('с ценою'), *үнэүгэй* 'дешевый', точнее 'бесплатный' (без цены) *моритой* 'конный', 'имеющий коня', *моринтой* 'с конем', *мори үгэй* 'безлошадный', *морин үгэй* 'нет коня'. Необходимо заметить, что если между именами и *үгэй* наличествует пауза, то *үгэй* выражает отсутствие данного предмета, выраженного именем: *ажал үгэй* 'работы нет', *морин үгэй* 'коня нет'; иными словами, при наличии паузы *үгэй* выражает предикативность.

Если же между каким-нибудь именем и *үгэй* нет паузы, то последнее с соответствующим именем выражает отрицательную атрибутивность, что в письме (даже старой письменности) нашло свое особое выражение: *үгэй* в форме *үй* стало писаться слитно с данным именем, например: *ажалгүй* 'безработный', *бүһэгүй* 'женщина' (буквально: 'беспоясная') и т. д.

Что касается отрицательного слова *бэшэ*, то оно, соответствуя русскому „не", тем отличается от *үгэй*, что последнее выражает отсутствие какого-нибудь предмета или действия, а *бэшэ* как бы отрицает данный предмет, данное качество или данное действие и, в то же самое время, необходимо предполагает наличие другого предмета, другого качества или другого действия. Иными словами, это слово соответствует русскому „не...., а....", например: *Энэ хүн бэшэ* 'Это не человек' (а что-то другое); *Эндэ һайн бэшэ, муу* 'Здесь не хорошо, а худо'. Этим и объясняется то, что после качественных имен не употребляется *үгэй*, а всегда *бэшэ*. *Бэшэ* собственно значит „иной или другой", и перед предметными именами так и значит: *бэшэ газар* 'другое место' *бэшэ морин* — 'иной конь'; следовательно, это слово в некоторых случаях синонимно с *өндөө* 'иной'.

Выше мы установили синтаксическую и лексическую функцию послелогов. Внешне с послелогами однородны и частицы: те и другие употребляются не самостоятельно, а при каком-нибудь слове. Однако различие между ними очень велико: послелоги определяют отношение объектов друг к другу или к предикату (сказуемое) и ни в какой степени не усиливают значения того слова, к которому они „прикрепляются"; иначе говоря, послелоги связывают дополнения со сказуемым или глаголом вообще. Что же касается частиц, то они никакой роли в сочетаниях слов или членов предложения не играют; они одинаково могут употребляться при всех членах предложения.

Междометия, как справедливо замечает А. М. Пешковский,[1] являются знаками, точнее выражениями чувствований, а не представлений. Вот почему в предложении междометия являются инородными элементами, относительно которых нельзя сказать, что они подлежащее, сказуемое, дополнение и т. д. Вот почему был прав Н. Я. Марр, когда он резко возражал против тех ученых, которые считали, что язык или лексикон, происходит от междометий.[2] Если слова служат для того, чтобы что-нибудь обозначать, если при помощи слов мы что-нибудь сообщаем („... язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми"[3]), то междометия в основном выражают лишь наши чувствования (прямую речь мы оставляем в стороне).

В бурят-монгольском языке имеются следующие междометия: *ай! һүү! өө! татай! тэты! хэй!* и т. д. Конечно, нет никаких оснований причислять междометия к одной группе „пустых слов" вместе с наречиями, послелогами и т. д., ибо они (междометия) отличаются от всех остальных частей речи тем, что не могут входить с другими словами в какие-либо отношения (кроме глагола *гэхэ* 'говорить'). Поэтому-то междометия в предложении, повторяем, являются инородными элементами.

По своей синтаксической значимости близки к междометиям звукоподражания, почти всегда удвоенные, количество которых в бурят-монгольском языке чрезвычайно высоко. Если междометия ныне выражают лишь чувствования, то звукоподражания воспроизводят соответствующие звуки средствами, наличными в фонетическом инвентаре данного языка. Поэтому звукоподражания в предложении, так же как и междометия, являются инородными элементами. Они также не могут

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 365.
[2] Н. Я. Марр. Избранные работы, 1934 г., т. III, стр. 79.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, назв. соч., стр. 20—21.

входить с другими словами в какие-либо сочетания (кроме того же глагола *гэхэ*). Вот почему мы считаем необходимым междометия и звукоподражания объединить в одну группу под общим наименованием „междометий", поскольку внешне междометия, в собственном смысле этого слова, тем отличаются от звукоподражаний, что они воспроизводят не звуки вообще, а эмоциональные восклицания человека. Бурят-монгольские звукоподражания известны по ряду учебников; приведем здесь некоторые из них: *һар-һар* 'походка человека', *тас-няс* 'удар', *һард-хэрд* 'взлет', 'вскакивание', *пас-пас* 'шлепание по грязи', *сяр-сяр* 'хождение по снегу' и т. п.

Было бы неверно думать, что возможно втиснуть в одну часть речи решительно любое слово. Есть некоторые слова, которые трудно поместить в какую-либо часть речи; к числу таковых принадлежит слово *заа* или, более вежливо, *зай* 'да', 'ладно', 'хорошо'. Это слово употребляется, когда 1) изъявляется согласие что-либо выполнить в ответ на просьбу или приказание (*зай, өрэхэб* 'ладно, приду', и 2) поддакивается чья-либо речь вроде русского: „так, так". Это слово в предложении, конечно, всегда является вводным словом.

МЕСТОИМЕНИЯ

Местоимения в монгольских языках служили предметом специальных исследований, из коих особенно известны работы Г. Рамстедта и Вл. Котвича. Категории местоимений и числительных не были для тюркологов и монголистов таким камнем преткновения, как прочие части речи; признаются местоимения и в школьных учебниках на монгольских языках. Местоимения, как известно, в наших грамматиках трактуются как слова, употребляемые вместо других имен (предметных, числительных и качественных). Само по себе это школьное определение в общем верно характеризует природу местоимений. В виду того, что история местоимения вообще достаточно освещена в трудах Н. Я. Марра, а происхождение монгольских местоимений — в работах Г. Рамстедта и Вл. Котвича,[1] мы переходим непосредственно к изложению местоимений. Основной вопрос, который встает перед монголистом, может быть сформулирован следующим образом: какие слова должны считаться местоимениями. В наших учебниках к местоимениям относились следующие слова:

би	'я'	*бидэ*	'мы'
ши	'ты'	*та*	'вы'
энэ	'этот'	*эдэ*	'эти'
тэрэ	'тот'	*тэдэ*	'те'
хэн	'кто'	*хэд* (мн. ч.)	'кто'
юун	'что'	*юунууд*	'что'
ямар	'какой'	*иимэ*	'такой (как этот)'
юумэ	'вещь, нечто'	*тиимэ*	'такой (как тот)'
али	'какой'	*тус*	'данный'
мүнөөхи	'этот'	*хуу*	'все'
үнөөхи	'этот'	*баран*	'все'
хаана	'где'	*хэды*	'сколько'
ондоо	'особо'	*адали*	'похожий'
бүлта	'все'	*хэзээ*	'когда'
бүгэдэ	'все'	*алиба*	'всякий'
			и т. д.

[1] Н. Я. Марр. Избранные работы, 1934, т. III, стр. 180—198; G. Ramstedt. Über mongolische Pronomina. Journal de la Société Finno-Ougrienne, vol. XXIII, 3. Helsingfors, 1904; W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques, Krakow, 1936.

Прежде всего несомненно то, что некоторые из приведенных слов являются переходными, т. е. могущими иметь место и в других частях речи, например в предметных именах (*юумэ* как 'вещь'), качественных (*ондоо* 'другой', особенный, *үнөөхи* 'теперешный', *адали* 'одинаковый' и т. д.) и наречиях (*хаана* 'где?' *хэзээ* 'когда?' *хуу* 'полностью' и т. д.).

Местоимения, прежде всего, не являются наименованиями предметов или качеств; они, как гласит обычное определение, лишь заменяют в речи наименования предметов, качеств или процессов. Отсюда, как правило, от местоимений нельзя образовывать глаголы или имена, кроме качественных от некоторых местоимений же. Примеры, вроде монгольских *egünčilen tegünčilen* 'таким образом', говорят лишь о переходном характере некоторых явлений.

Если мы проанализируем такие слова, как *иимэ, тиимэ* 'такой', 'эдакий', *туд* 'данный', *үнөөхи, мүнөөхи* 'этот самый', 'теперешний', *ондоо* 'особый', 'другой', 'особо', то обнаружим, что они могут быть отнесены и к качественным именам. Что же касается слов *хуу* 'все', 'целиком', *булта* 'то же самое', *хаана* 'где?' *хэзээ* 'когда?' и т. д., то они могут быть рассматриваемы и как наречия. Подобного рода явления не должны вызывать смущения, поскольку переходными и смешанными явлениями полна любая часть речи. Ведь в русском языке[1] слова типа „рабочий", „русский" и т. п. относятся одновременно к существительным („рабочий пришел", „русский сидит") и к прилагательным („рабочий кабинет", „русская земля") одновременно. Точно так же наречия *эндэ* 'здесь', *тэндэ* 'там' одновременно могут считаться и местоимениями, тем более, что они имеют одинаковые основы с *энэ* — 'это' и *тэрэ* 'тот'.[2]

К возвратным местоимениям следует отнести слова с основой *өөр-*, пример: *өөрөө* 'сам', *өөртөө* 'себе', *өөрын* 'свой'. Для выражения таких понятий, как „себя", „сам", „собою" и т. д. употребляется предметное имя *бэе* 'тело' с притяжением: *бэеэ* 'себя', *бэеһээнь* 'от себя', *бэедээ* 'себе', *бэеэрээ* 'сам', 'собою'.[3] Нижнеудинские буряты не имеют в своем говоре *өөрөө*, они знают только *бэе*.

К явлениям переходного характера относятся слова *зарим* 'некоторые', *нэгэн* 'один', 'некий', *бэшэ* 'иной' и т. п., которые одновременно могут быть рассматриваемы и как местоимения и как качественные или числительные имена.

В связи с исчезновением местоимений третьего лица, указательные местоимения множественного числа *тэдэ* или в особенности *тэдэнэр* и *эдэ* или *эдэнэр* 'те' и 'эти' превратились в личные местоимения третьего лица множественного числа со значением „они" (*эдэ* 'они', 'находящиеся вблизи', *тэдэ* 'они, находящиеся вдали'). Мы их потому в праве считать уже личными местоимениями, что они ныне почти никогда не являются в предложении определениями, что характерно для указательных местоимений. Следовательно, „пустое" место остается для личного местоимения третьего лица единственного числа („он, оно, она"). Это происходит от того, что осознанный индивид противополагает себя другому, как 1-е лицо 2-му („я" и не „я"), 3-е же лицо стоит обособленно как не индивидуальное. В нем действующее лицо не отдаляется от самого действия и потому не нуждается в своем особом выражении. По Марру, „третьего лица нет, третье лицо это тотем — действие".[4] Вот почему в бурят-монгольском языке мы наблюдаем такое явление, как отсутствие сказуемостного показателя местоименного происхождения при третьем

[1] А. М. Пешковский, назв. соч., стр. 121.
[2] Wl. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïque, стр. 40.
[3] Ср. Н. Я. Марр. Избранные работы. т. V, стр. 281; некоторые примеры у Г. Д. Санжеева. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Л., 1930.
[4] Марр. Избранные работы, т. III, стр. 67.

лице единственного числа (*ябанаб* 'иду+я', *ябанаш* 'идешь+ты', *ябанабди* 'идем+мы', *ябанат* 'идете+вы', *ябана* 'идет+нуль').

Бурят-монгольские местоимения могут быть подразделены следующим образом:

Личные:

би	'я'	*бидэ*	'мы'
ши	'ты'	*эдэ*	'они (эти)'
та	'вы'	*тэдэ*	'они (те)'

Указательные:

энэ	'этот	*ондоо*	'иной'
тэрэ	'тот'	*адали*	'похожий'
ишмэ	'такой (как этот)'	*туд*	'данный'
тиимэ	'такой (как тот)'	*өөрэ*	'другой'
мүнөөхи	'этот самый'	*алиба*	'всякий'
үнөөхи	„ „	*зарим*	'некоторый'

Вопросительные:

хэн	'кто'	*ямар*	'какой'
хэд	'кто (о многих)'	*али*	'который'
юун	'что'	*хэды*	'сколько'
юуншуд	'что (о многих)'	*хаана*	'где, куда'
хэр	'как'	*хэзээ*	'когда'

Наречные:

иишэ	'сюда'	*эндэ*	'здесь'
тиишэ	'туда'	*тэндэ*	'там'
хуу	'все'	*хамаг*	'все'

и т. д.

Глагольные местоимения:

иихэ	'сделать' (аналогично этому)
тиихэ	'сделать' (аналогично тому)
яаха	'как быть? что делать?'

В подгруппах указательных, вопросительных и наречных местоимений нами приведены не все примеры, а лишь наиболее употребительные. Особенностью бурят-монгольских местоимений является то, что к ним относятся еще три глагола (см. выше примеры). Вот почему в монгольском языке для всей этой группы слов, по необходимости полностью трактуемых нами как местоимения, употребляется термин „*төлөген-үг үгге* — замещающие слова" (а не „имя").

Как видно из изложенного, местоимения могут быть распределены по другим частям речи: личные — отнесены к предметным именам, указательные — к качественным именам, наречные — к наречиям, глагольные — к глаголам; что же касается вопросительных местоимений, то они распадаются на предметные *(хэн)*, качественные *(ямар)*, наречия *(хаана)* и т. е.

В соответствии с изложенным полное склонение имеет личные, указательные и часть вопросительных местоимений; неполное или частичное склонение имеют наречные и часть вопросительных местоимений,— иными словами, первые склоняются по всем падежам, тогда как вторые — лишь по некоторым. Что же касается глагольных „местоимений", то они спрягаются по всем глагольным формам, но от них практически не образуются отглагольные имена. Таким образом, оказывается, что местоиме-

ния относимы не только к категориям имени: они одинаково относятся и к именам и к глаголам.

В бурят-монгольском языке особых притяжательных местоимений не существует, и вместо них употребляются формы родительного падежа личных местоимений, а также особые притяжательные окончания, образовавшиеся от тех же форм родительного падежа личных местоимений:

Личные местоимения в родительном падеже:	Притяжательные окончания:	
миниі	*мни, ни, м*	'мой, меня'
шиниі	*шни, ш*	'твой, тебя'
нет	*иинь, нь*	'его, их'
бидэнэй, манай	*мнай, най*	'наш, нас'
танай	*тнай*	'ваш, вас'
хэнэй	нет	'чей? кого?'
юунэй	нет	'чей? чего?'

Формы родительного падежа личных местоимений третьего лица сохранились лишь в виде притяжательных окончаний *иинь* (после согласных и *нь* (после гласных). По своей функции форма родительного падежа личного местоимения соответствует притяжательным местоимениям и формам родительного падежа личного местоимения других языков: *миниі морин* — 'моя лошадь' и *миниі дэргэдэ* — 'около меня'. Притяжательные окончания употребляются слитно с именами, к которым они присоединяются сзади; эти окончания имена принимают, находясь в форме любого падежа и числа. Принимают притяжательные окончания и местоимения, например:

Примеры:

би-шни	'я твой'
би-тнай	'я ваш'
миниі-тнай	'мой („вашего меня")'
та-мни	'вы мои'
хэн-тнай	'кто из вас'
юун-шни	'что из твоего?'

Эти примеры необходимо пояснить. Если, например, говорят: *Тэндэ миниі-тнай гэр байна* 'Там находится моя (буквально: „вашего меня") юрта', то этим самым хотят сказать, что „там находится юрта того первого лица, которое относится к вашей группе, как ее член или участник". Отсюда ясно, что личные местоимения первого лица с личными притяжаниями второго лица употребляются лишь при обращении к членам своего коллектива (в самом разнообразном смысле последнего слова). Поэтому русское выражение „там находится юрта вашего покорнейшего слуги" не может в точности передать смысл только что приведенной выше бурят-монгольской фразы. Точно также обстоит дело и с употреблением личных притяжаний первого лица при личных местоимениях второго лица, например: *Ши-мнай тэндэ яба* 'Ты (буквально: „ты наш", т. е. принадлежащий к нашему коллективу) иди туда!' Или еще пример: *Танда-мни ном байна* 'У вас (буквально: „у вас моих") имеется книга'.

То обстоятельство, что слова типа *эндэ* 'здесь', *хойно* 'позади', *ишэ* 'сюда', *тиимэ* 'такой', *досоо* 'внутри' и т. д. принимают также или могут принимать притяжательные окончания, свидетельствует о предметно-именном характере и этой категории слов. Правда, не принимают этих окончаний наречия образа действия типа *огто* — совсем и т. п.; это происходит потому, что понятия, выражаемые этими словами, не могут быть опредмечены, т. е. представлены в виде каких-то предметов, что

возможно с качествами предмета вообще. Глаголы, кроме причастий и, что особенно характерно, обстоятельственных деепричастий второй группы (к первой группе относятся соединительное, слитное и разделительное деепричастия) притяжательных окончаний не принимают; с точки зрения и практической и теоретической это очень важный признак глаголов (и, значит, также имен).

Неопределенных местоимений в бурят-монгольском языке нет, и понятия, выражаемые ими в других языках, передаются путем прибавления частицы *шье* или *шхэ*, причем „неопределенность" выражается отрицанием при сказуемом.

Примеры:

хэн-шхи ерээ үгэй	'никто не пришел'
юун-шье үгэй	'ничего нет'

При отсутствии отрицания частица *шхи* имеет значение „любой", „даже", „кто бы", „что бы" и т. п.

Примеры:

хэн-шье ерэбэл хараха	'посмотрит любой, кто бы ни пришел'
юу-шье үзэхэш	'увидишь все, что угодно'
ши-шье ойлгохош	'поймешь даже ты'

Эта частица прибавляется не только к местоимениям, но и ко всем именам и почти ко всем глагольным формам, кроме повелительных.

Примеры:

морин-шхи байна	'и конь (также) есть'
һайн-шье муу-шье байна	'и хорошее, и плохое имеется'
ябажа-шхи яалайб	'стоит ли мне итти'

Заканчивая обзор местоимений, напомним, во-первых, о том, что от личных местоимений образованы сказуемостные показатели, которые некогда были подлежащими. Путем присоединения их к какому-нибудь слову „указывается", что оно (слово) является в данном случае сказуемым. Частицы эти следующие:

	Единственное число:	*Множественное число:*
I лицо:	*б (би, м)*	*-бди*
II лицо:	*ш (ши).*	*-т* или *та.*

Примеры:

Юундэ байнат?	'Зачем стоите?'
Хэн гээшэбши?	'Кто ты такой?'
Хаана ерээд байна гээшэ биибэ?	'Где я оказался?'
Үглөө үдэр шаматай уулзахабди	'Завтра утром мы встретимся с тобой'

В бурят-монгольском языке сказуемостные показатели обязательны даже и в том случае, когда подлежащим оказывается соответствующее личное местоимение первого или второго лица. Третье лицо при сказуемостном слове не указывается, следовательно, нет сказуемостного показателя третьего лица, как и нет личного местоимения этого лица (см. выше). Впервые на сказуемостный характер этих частиц в бурят-монгольском языке обратили внимание А. Д. Руднев и Н. Н. Поппе[1], причем последний их так и называет: „Суффиксы сказуемости".

[1] А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, стр. 38—41; Н. Н. Поппе. Аларский говор, часть I, стр. 93.

Во-вторых, бурят-монгольские говоры в отношении местоимения первого лица единственного числа имеют между собой некоторые расхождения. Так, например, в некоторых восточных говорах это местоимение для всех падежей, кроме именительного, имеет основу *нада* (на ряду с обычными „нам" *мини*).

Примеры:

Род.	*надын*	Совм.	*надатай*
Вин.	*надые*	Орудн.	*надаар*
Исх.	*надаһаа*	Дат.	*нададa*

Подобные формы довольно часто можно было найти в произведениях современных бурят-монгольских писателей, хотя они отсутствуют в хоринском и других говорах, не говоря уже о западно-бурятских. Основа *нада* имеется в халхаско-монгольском языке для всех падежей, кроме именительного, родительного и винительного.

В-третьих, личные местоимения в монгольских языках, в том числе и бурят-монгольском, образуют уменьшительные формы при помощи суффикса *хэн: биихэн* 'я', так сказать: 'моя ничтожная особа', и *шиихэн* 'ты', так сказать: 'твоя ничтожная особа'. Оттенок здесь такой же, как и в словах типа *ойхон* 'лесок', *хүнхэн* 'человечишко', *багахан* 'маловатый' и т. д.

Особо отметим, что личное местоимение *би* 'я' по форме совпадает с недостаточным глаголом *би* (точнее *биш*), употребляющимся как в качестве сказуемого, так и в качестве связки со значением „есть". Б. Я. Владимирцев писал, что *би* в значении „есть" происходит от *бэе* 'жизнь', 'тело'.[1] В связи с этим заметим, что в литературном языке вместо *би* 'я' употребляется выражение *миний бэе* 'мое тело', 'моя особа', а вместо возвратного местоимения от основы *өөр* употребляются *бэеэрээ* 'сам', *бэедээ* 'себе', *бэеһээнь* 'от себя' (буквально: 'своим телом', 'своему телу', 'от своего тела'). *Биш* и соответствующее ему старомонгольское *биī* суть имена и потому склоняемы: *биидэ* 'когда есть', 'при наличии'. Как видно, в бурят-монгольском языке *биш* не имеет полного склонения, употребляясь только в форме дательно-местного падежа (и именительного, конечно).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Числительные в монгольских языках были предметом специального рассмотрения в работах Г. Рамстедта, Н. Н. Поппе, Вл. Котвича и других.[2] Вообще говоря, числительные по своей синтаксической функции весьма близки к качественным именам, от которых они отличаются тем, что не сопровождаются усилительными „словами" типа *маш* 'очень', *эгээ* 'весьма' и т. п. По своему значению числительные резко отличаются от всех остальных имен тем, что они выражают понятия определенного количества. По формам числительные характерны тем, что они образуют несвойственные другим именам формы: собирательные и разделительные. „Собирательная" форма числительных близка к форме слитного деепричастия побудительных глаголов (а разделительная форма — разделительного деепричастия):

гурбуулан	'втроем'	сравни:	*ябуулан* 'отправляя'...
хоюулан	'вдвоем'		
табулан	'впятером'		

[1] Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Изв. Ак. Наук СССР, 1926, стр. 1259.

[2] Н. Н. Поппе. Монгольские числительные (в „Языковедных проблемах по числительным", Л., 1927, стр. 97—119); G. Ramstedt. Ueber die Zahlwörter der altaischen Sprachen; Wl. Kotwicz. Contributions aux études altaïques, Lwów, 1930.

Начиная от шести числительные, кроме девяти, в собирательной форме не употребляются. Если слитное деепричастие не склоняется, то по всем падежам склоняются числительные и в „собирательной форме".

Примеры:

гурбууландань 'всем троим'
дүрбүүлэнһээ 'от всех четырех' и т. д.

Разделительные формы числительных выражают не только „разделительность", но приблизительность количества.

Примеры:

арбаад 'по десять' или 'около десяти'
гушаад 'по тридцать' или 'около тридцати' и т. п.

Разделительные числительные тоже склоняются по всем падежам, хотя не во всех бурят-монгольских диалектах.

Если числительные употребляются в качестве подлежащего, то они соответствуют таким русским словам, как „двое", „трое", „семеро" и т. д.

Мы полагаем, что слова типа *олон* 'много', *сөөн* 'мало', *утархай* 'половина' *дабхар* 'вдвойне' и т. п. не должны относиться к числительным, ибо они не имеют тех форм, которые свойственны числительным вообще, не говоря уже о смысловой стороне. Что касается порядковых форм числительных в бурят-монгольском языке, то они свойственны не только числительным, например, сравни *нэгэдэхи* 'первый', но: *эндэхи* 'здешний'.

Остается указать, что числительные во множественном числе употребительны в качестве названий родов и племен, например:

Найманүүд (от *найман* 'восемь') наймангуты (название одного рода в Алари), *түмэд* (от *түмэн* 'десять тысяч') тумэты (название одного монгольского племени), *Мингад* (от *мингаи* 'тысяча') — мингаты (племена в Монголии), *долоонгууд* (от *долоон* 'семь') долонгуты (род в Алари); числительные в качестве названия племен и родов известны также и в единственном числе; например: *найман* — найманы, *хори* — хоринцы и т. д.

ГЛАГОЛЫ

Предварительные замечания

(Виды и залоги)

Выше уже указывалось, что основы некоторых глаголов в монгольских языках по форме совпадают с именными основами. Во всяком случае можно установить, что в монгольских языках сохранились некоторые следы той стадии их развития, при которой еще не было деления речи на имена и глаголы; это выражается, между прочим, и в том, что при помощи одного и того же суффикса *лан* образуются соответствующие имена как от глагольных основ, так и от именных.

Примеры:

зобо	'мучиться'	*зоболон*	'мучение'
хада	'косить'	*хадалан*	'покос'
таряа	'хлеб'	*таряалан*	'земледелие'
дугуй	'круг'	*дугуйлан*	'кружок'

Громадное количество глаголов в современном бурят-монгольском языке является отыменным даже в нынешнем состоянии; стоит только отсечь глаголообразующие суффиксы, как перед нами обнаружится имен-

ная основа почти большинства глаголов. Некоторые глаголы и имена отличаются друг от друга лишь конечным окончанием, имея одинаковые корни, например: халхаское *сонос* 'слушать' и бурят-монгольское *һонор* 'чуткий' восходят к **soni*. При некотором беглом палеонтологическом анализе не трудно было бы показать, что деление речи в монгольских языках на имена и глаголы — явление чрезвычайно ощутимое и сравнительно недавнего происхождения.

Здесь мы не считаем особенно нужным доказывать, что глаголы в бурят-монгольском языке представляют особую часть речи, которая выражает действие или состояние и для определения которой вполне достаточно постановки школьного вопроса: что делать? или: что происходит? Здесь мы считаем более важным определить характер отдельных глагольных категорий и групп. Начнем с переходности и непереходности и видов. Что касается вида, то в бурят-монгольском языке почти все глаголы в основе соответствуют совершенному виду других языков; то же, что в последних выражается несовершенным видом, передается синтаксическим способом, например:

дуулаха 'споет'
дуулажа байха 'будет петь'

Иными словами, несовершенный вид передается соединительным деепричастием соответствующего глагола плюс вспомогательный глагол *бай* 'быть', 'находиться'.[1]

Гораздо сложнее обстоит дело с переходностью и непереходностью глаголов, для выражения которых нет особых формальных показателей. Следует заметить, что некоторые глаголы по различным говорам имеют то переходное значение, то непереходное. Например, глагол *түрэхэ* в западно-бурятских говорах значит „родиться", а в восточных и „родить"; *хайлха* — во всех почти монгольских языках значит „таять", но иногда этот же глагол употребляется в значении „топить" (масло). Однако подобного рода примеров сравнительно немного. Если глагольная основа в то же самое время представляет для современного осмысления неразложимый корень, то переходность и непереходность, короче говоря, категория переходности глагола определяется значением самого же глагола.

Примеры:

Переходные:		Непереходные:	
эди	'кушать'	*яба*	'итти'
бэшэ	'писать'	*оро*	'входить'
хада	'косить, жать'	*ошо*	'итти'
дара	'давить'	*буу*	'спускаться'

Что же касается производных глаголов, то категория переходности и непереходности улавливается легко; например, все глаголы с суффиксами на *ра* являются непереходными, тогда как глаголы с суффиксом на *ла* — переходными:

Примеры:

хахара	'разорваться'	*хахала*	'разорвать'
дулаара	'нагреваться'	*дулаала*	'нагревать'
мууpa	'худеть'	*муула*	'считать худым'

С. А. Козин пишет, что суффикс *ра* восходит к глаголу *ирекӱ* 'приходить', а *ла* к глаголу *болху* 'стать'. При этом С. А. Козин думает, что состав глаголов с суффиксом *ра* исчерпывается списком в... 13 глаго-

[1] Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор, Л. 1930, стр. 14.

лов! На самом же деле суффиксы *ра* и *ла* не восходят к глаголам *ирекӱ* 'приходить' и *болху* 'стать', а представляют собой результат расщепления одного и того же суффикса, расщепления, очевидно, имевшего место тогда, когда в языке стала возникать категория непереходного глагола. Пока, конечно, трудно сказать, к какому более древнему слову восходит этот нерасчлененный в свое время суффикс; но одно можно утверждать: это более древнее слово ничего общего не имело с нынешними *ирекӱ* 'приходить' и *болху* 'стать' или *орохо* 'войти', как думает К. М. Черемисов (см. Записки ГИЯЛИ, вып. I, стр. 38). Количество глаголов с суффиксом *ра* далеко не может быть, конечно, исчерпано списком всего только в 13 слов. Параллели, которые приводит С. А. Козин из современного языка (типа *абчираху* 'приносить' из абчу ирекӱ 'беря приходить', т. е. переходных в своей основе), ничего общего не имеют с глаголообразованием при помощи суффикса *ла* и *ра*, ибо мы тут имеем дело с явлениями и формами, имеющими и имевшими место на различных стадиях развития языка. Далее С. А. Козин также считает, что при помощи суффикса *ра* от переходного глагола образован непереходный глагол только в одном случае,[1] а именно *эбдэрэкӱ* 'разрушиться' от *эбдэкӱ* 'ломать'. На самом деле таких случаев довольно много.

Примеры:

хаа	'закрытых'	*хаара*	'закрыться'
нээ	'открытых'	*неэрэ*	'открыться' и т. д.

Таким образом, поспешные построения С. А. Козина, основанные на недостаточном использовании данных языка (живого — в особенности), не дают нам оснований „уже сделать в этом отношении целый ряд важных выводов", как пишет автор[2].

Возвратность в производных глаголах ощущается в таком суффиксе, как *жара* или *жа;* в этих глаголах указывается, что субъект приобретает свойство или качество какого-либо объекта.

Примеры:

бороожо	'дождиться'	(от *борао* 'дождь')
баяжа	'обогащаться'	(от *баян* 'богатый')
муужара	'ухудшаться'	(от *муу* 'плохой')

При переходных глаголах объекты действия передаются в форме винительного падежа, суффикс которого может быть опущен лишь при том условии, если объектность данного предмета или явления самоочевидна: *мал гариаха* 'выгонять скот', *сай ууха* 'пить чай', *мяха эдихэ* 'есть мясо', *ном уншаха* 'читать книгу'.

Монгольские языки — языки ярко выраженного активного строя. Это выражается, во-первых, в том, что так или иначе существует различие между переходными и непереходными глаголами; различие это, как мы видели, бывает либо смысловое — в непроизводных глаголах, либо оформленное — в производных. Во-вторых, активный характер монгольских языков необходимо усмотреть в том, что именительный падеж оформился ныне как падеж подлежащего. Разумеется, следы предшествующих стадий в любом монгольском языке имеются, например в определительных оборотах и т. д.

---

[1] С. А. Козин „сомневается" и в этом случае и, чтобы обосновать свое положение, дает неверное толкование этого глагола в сочетании *өбэсӱбэн эбдэрэгсэн* 'разрушился сам собой', 'сам по себе', которое он склонен переводить как 'сам себя разрушил' (речь идет об углах городских стен).

[2] Свои построения С. А. Козин изложил в примечаниях к своему переводу и интересному историко-филологическому исследованию текста "Гесер-хана"; "Гесериада", перевод, вступительная статья и комментарии С. А. Козина. М.-Л., 1935, стр. 229—241.

В связи с изложенным необходимо проанализировать побудительный и страдательный залоги. Акад. И. И. Мещанинов[1] пишет, что „падежи одной стадии не тождественны падежам другой". Это в равной мере относится и к залогам. Приведем примеры, иллюстрирующие страдательный залог.

Моримнай хадын хажуда олдобо гэжэ мэдээрэй	'Знай, что наши лошади нашлись около горы'
Тээ тэрэ нуурай ойро манай колхоз харагдана гээшэ	'Вон, у того озера, виднеется наш колхоз'
Энэ харгыгаар ябаха мэтээр һанагдана	Думается, что надо ехать по этой дороге'
Энэ ном хаана хэблэгдээ гээшэб?	'Где напечатана эта книга?'
Зай, тэрэмнай бэшэгдээ гүү?	'Ну что, записано это?'
Ноёдто хашагдаад ишиэ нүүһэн байнабди	'Мы перекочевали сюда, будучи притеснены нойонами'
Энэ моринши баригдахагүй даа, түргэн	'Этот конь не скоро дастся поймать себя'
Уйдхарта дарагдаһан шарай	'Лицо, подавленное горечью (в горечи)'.

Первый важный вывод, который диктуется приведенными выше примерами и бурят-монгольским языком в целом, заключается в том, что страдательный залог образуется только от переходных глаголов.[2] От последних при помощи данного залога иногда как бы образуются непереходные глаголы. Нынешние непереходные глаголы (*яба* 'итти', *һуу* 'сидеть' и т. п.) не образуют форму страдательного залога; по крайней мере наши исследования на территории распространения ряда языков и диалектов монгольской группы такой возможности не обнаружили: ни один из обследованных нами диалектов не дает нам примеров образования страдательного залога от непереходных глаголов. Этот факт блестяще подтверждает положение Н. Я. Марра[3] о том, что „среди глаголов переходные предшествуют своим оформлением непереходным или так называемым средним, среднему залогу... Самое понятие 'быть', существовать, формальное его выражение 'есть' отсутствовало..." Это значит; что по учению Н. Я. Марра ныне непереходные по значению глаголы некогда имели значение переходных — при тотемном построении речевой структуры. Это, конечно, значит, что и бурят-монгольский язык некогда не знал непереходных глаголов, т. е. тогда, когда, по Марру, господствовало „тотемное мышление", обусловленное тем, что человечество при низком уровне развития своих производительных сил, находясь во власти внешней природы, субъектом действия считало не себя[4], а природу, космос, „тотем".

Приведенные выше в примерах глаголы переводятся или означают:

харагдана	'виднеется'
олдобо	'нашлись'
һанагдана	'думается'
хэблэгдээ	'напечатана'
бэшэгдээ	'записано'
хашагдаад	'будучи притесненным'
баригдаха	'быть пойманным'
дарагдаһан	'подавленный'

[1] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 245.
[2] Ср. А. Боровков. О частях речи в языках тюркской системы, стр. 142
[3] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. III, стр. 67.
[4] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 39, 138.

Как видно из примеров, часть бурят-монгольских глаголов в страдательном залоге соответствует русским возвратным глаголам лишь относительно, в переводе; например: *олдохо* 'найтись', а не то, что 'быть найденным', *харагдаха* 'виднеться', а не 'быть видным'. Поэтому такие русские возвратные глаголы, как „ругаться", „купаться" переводятся по-разному: *харааха* 'ругать' и *оймохо* 'купаться'. В глаголе „ругаться" действие идет от меня, поэтому оно на бурят-монгольский язык переводится так же, как и „ругать", ибо и в этом глаголе действие идет от меня к другому. В глаголе „купаться" действие идет от меня на меня же, в „купать" — от меня на другое лицо, и поэтому оно не переводится так же, как и „купаться": „купать" значит „заставить кого купаться", что по бурят-монгольски выражается побудительным залогом; *оймуулха* или *уһанда оруулха* или *угаака* ('мыть').

Анализ приведенных выше примеров показывает, что бурят-монгольские переходные глаголы в страдательном залоге по содержанию иногда полностью соответствуют русским страдательным глаголам: формальное подлежащее, грамматический субъект, логически оказывается объектом данного действия, что особенно ощутительно в примере: *Бидэ ноёдто хаша даад эндэ нүүһэн байнабди.* 'Мы, будучи притеснены нойонами, перекочевали сюда'. В некоторых языках творительный падеж перед страдательным залогом выражает логический субъект, очевидно, потому, что некогда этот падеж при тотемном восприятии мира обозначал орудие, при помощи которого „тотем" совершал данное действие, причем этот тотем выражался в самом действии — глаголе, ибо тогда „осознавалось существование лишь того, что находилось во владении, во власти или в пользовании, в руке коллектива, для нас — общественной силы, для человечества той первичной ступени страдательного развития — неведомой силы, не единичной, а множественной, магических сил".[1]

Пережитки такого представления, как известно, сохранились в идеологии христианства, согласно которой, якобы, ни один волос с человеческой головы не может упасть, если не будет на то воля господа бога. „Там было постороннее человеку третье действующее лицо, и глаголы были тем самым активно переходными. В стадии же „логического" мышления снимается „мифологический субъект, в связи с чем ряд глаголов остается без субъекта (действующего лица)".[2] В ряде языков, в связи со снятием „мифологического субъекта", творительный падеж („мною взят"), некогда бывший в руках „мифологического субъекта" орудием действия, становится логическим субъектом. „Мифологический же субъект" снимается тогда, когда человечество, достигши определенных успехов в борьбе с природой и высокого уровня своих производительных сил, начинает осознавать себя как творца. Объект природы — человек — становится „субъектом". То же обстоятельство, что в бурят-монгольском языке логический субъект при страдательном залоге выражается дательным падежом, свидельствует о том, что происхождение данного залога в этом языке носит (с точки зрения стадиально-семантической) совершенно другой характер, нежели происхождение того же залога в русском языке. В бурят-монгольском языке употребление дательного падежа при страдательном залоге видимо никогда не было связано с представлением о мифологическом субъекте, как не было связано с последним современное (по крайней мере) употребление и страдательного залога. Повидимому, появление страдательного залога в монгольских языках было связано с тем, что человек до появления классов стал объектом воздействия со стороны другого человека, когда один

[1] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. III, стр. 67.
[2] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 243.

человек стал несвободно допускать или позволять другому человеку то или иное воздействие на самого себя. В связи со сказанным не лишено интереса и то обстоятельство, что отдельные глаголы, формально данные в страдательном залоге, не имеют того значения, которое свойственно этому залогу. Сказанное обнаруживается в том, что при этих глаголах невозможно употребление имени (в дательном или ином падеже) в качестве „выразителя" логического субъекта.

Примеры:

Сай барагдаба 'Чай кончился или окончен' (невозможно спросить: *хэндэ барагдаба* 'кем окончен?')

Ном хэблэгдэбэ 'Книга напечатана' (невозможно спросить: *хэндэ хэблэгдэбэ* 'кем напечатана?')

Морин олдобо 'Конь нашелся' или 'найден' (невозможно спросить: *хэндэ олдобо* в значении 'кем найден?' ибо такой вопрос собственно значит: 'у кого найден?')

Таким образом оказывается, что некоторые переходные глаголы с суффиксом страдательного залога никоим образом не соответствуют по своему значению русским страдательным глаголам. И такие глаголы бурят-монгольского языка следует называть средними глаголами.

В связи со сказанным необходимо обратить внимание на то исключительно важное обстоятельство, что в бурят-монгольском языке страдательный залог почти никогда не употребляется в тех случаях, когда речь идет о предмете, который в отношении данного действия может быть только объектом, но никогда не может быть субъектом. Поэтому в этом языке нельзя сказать:

Сай уугдаба 'Чай выпит'
Ном уншагдаба 'Книга прочитана'
Мяхан эдигдэбэ 'Мясо съедено'

Подобного рода страдательные обороты с русского языка на бурят-монгольский язык переводимы только действительными оборотами. Поэтому страдательный залог в бурят-монгольском языке употребляется значительно реже, нежели в русском языке и часто заменяется настоящепрошедшим причастием в совместном падеже, например: морин уяатай 'конь привязан'.

Все же в бурят-монгольском языке страдательный залог иногда образуется от непереходных глаголов, хотя очень редко, например: *оро* 'входить', *орогдохо* не значит не „быть вводимым", как следовало ожидать, а „придираться". Некоторые полисемантичные глаголы имеют и переходный и непереходный характер, например: *гараха* 'выходить' (непереходный), 'одолеть кого в скачках', 'проехать что'; этот глагол в страдательном залоге значит „быть побежденным на конских скачках" (*гартаха* или *гарагдаха* по говорам), но не „быть выведенным или пройденным" (нельзя сказать *гэрhээ гартаха* — „вывестить из юрты", но можно: '*тэрэ мориндо гартаба* или *гарагдаба*' 'побежден той лошадью'). Таким образом, примеры типа *орогдохо* не колеблят наш тезис о том, что страдательный залог, как правило, образуется от переходных глаголов, но не от непереходных.

Значит, страдательный залог выражает действие, передающееся на предмет, выраженный грамматическим подлежащим: *морин олдобо* 'конь нашелся' или 'найден'. Однако страдательный залог выражает также такое действие, которое в современном осмыслении допускается кем-либо в отношении своего предмета. Например, в известном историческом сочинении монголов, называемом Altan tobči, находим следующее:

Xulusutu naγur-tu xong šibaγun öndegelebei. Mön xulusun-dur itegeжü saγuγsaγar xolitu maγu šibaγun-dur egür-iјen ebdegdeжü öndege zulzaγ-a-ben idegdebe 'Говорят, что лебедь снес яйца на камышевом озере. И, доверившись камышам, допустил злой птице-мышелову разрушить свое гнездо и съесть своих птенцов'.

Сравним также следующий пример: *Гансахан морёо сагаантанда буляагдаа һем бэлэйб* 'Мою единственную лошадь отобрали белые' (буквально: „Я ограблен белым свою единственную лошадь").

Во всех подобного рода примерах объект действия, выраженного страдательным залогом, во-первых, всегда оформлялся в винительном падеже с притяжанием (возвратным). Во-вторых, в монгольских языках нет формального различия между такими, например, понятиями, как „дом украден" и „дом обокраден". В первом примере, потенциально возможном в русском языке, речь идет о том, что объектом кражи оказывается дом, а во втором же не самый дом, а — то, что в нем находится, или то, что дому принадлежит. Такое выражение, как *би юумээ хулууγдааб* логически значит: 'меня обокрали', а буквально: 'я свои вещи обокраден'. Выражение „украдена вещь" передается *юумэ хулӯγдаа*. Конечно, в теперешнем бурят-монгольском осмыслении страдательный залог при одновременном наличии именительного падежа и винительного падежа с притяжанием означает, что кто-то допустил данное действие в отношении своего предмета. Однако, принимая во внимание все вышеизложенное (в частности, отсутствие различия между обокраден и украден), не трудно видеть, что подобная форма некогда имела иное содержание. Дело в том, что монгольские языки пережиточно перекликаются в некоторых отношениях с американским языком немепу, в котором „выявляются представления о частной собственности, воспринимаемой слитно с самим владельцем. Владелец и владеемый им предмет представляют собою одно целое. Действие на мой предмет есть действие на меня... Человек действует на свой предмет, не различаемый от самого владельца"...[1] Конечно, монгольские языки далеко ушли от языка немепу, в котором „нет еще единичного индивида", что уже есть в первых (монгольских языках). В бурят-монгольском выражении *би юумээ хулууγдааб* 'я свои вещи обокраден' или 'украден', при снятии „мифологического субъекта", грамматическое подлежащее *би* исторически заменило собою „тотем": „при тотемном восприятии, — пишет И. И. Мещанинов, — действие человека осознается как действие тотема, они нерасчленимы... В том случае было коллективное сознание единицы, и индивид не осознавал своего индивидуального действия. С осознанием же такового, он все же не различает своего действия от действия с ним связанного социального целого. Таким образом, по мере социально-экономического дробления коллектива сужается круг тотемного восприятия: в начале тотем-природа..., затем с усилением воздействия человека на природу, выступает уже тотем-коллектив (клан); далее, с расчленением внутри коллектива, в том же понимании оказывается социальная в составе его единица; еще далее — осознание отдельного индивидуального лица".[2] Для бурят-монгольского языка все эти стадии пройдены, но остались следы в виде своеобразного употребления страдательного залога (и побудительного).

Поэтому не был прав А. Бобровников,[3] когда он писал, что страдательный залог выражает „то состояние, когда кто-нибудь несвободно допускает чье-нибудь действие на какой-нибудь сторонний предмет"

[1] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 137—138.
[2] Там же, стр. 138—139.
[3] См. его „Грамматику...", стр. 126.

(разрядка наша). Дело, как мы видели, в том, что речь идет не о „стороннем" предмете, а о своем.

Если, следовательно, страдательный залог при отсутствии объекта в винительном падеже с притяжанием выражает действие, в современном осмыслении допускаемое субъектом в отношении себя со стороны объекта (но логического субъекта), выраженного в дательном падеже, то несколько иначе обстоит дело с побудительным залогом. По традиционному толкованию, сформулированному еще А. Бобровниковым,[1] этот залог имеет „два" значения: заставить кого-нибудь, или дозволить кому-нибудь что-нибудь сделать". Ниже мы увидим, что такое определение побудительного залога справедливо лишь отчасти.

Примеры:

Модондо сохюулжа үхөө бэлэй	'Он был на смерть раздавлен деревом' (буквально: 'Он умер, позволив дереву ударить себя')
Хүхэлтөөр мэргэн дүүмни арбан табан тархитай мангад ахайтай дайтай сэрэгтэй болоод, алуулха эдюүлхэ болходоо алтан ганса үрэёө үхөө байна	'Младший брат мой Хухелтор Мерген, сражаясь с пятнадцатиголовым мангусом, потерпел поражение и, когда ему стала угрожать опасность быть съеденным, оказался вынужденным отдать ему (мангусу) свою любимую и единственную дочь'
Хойш, үнеэндэ мүргүүлбэш!	'Прочь, как бы тебя не забодала корова' (буквально: 'Как бы ты не позволил корове забодать себя')!
Ши юундэ хүбүүгээ уйлуулжа байнаш!	'Ты чего это заставляешь своего ребенка плакать!'
Мяхаа шануулаа түүш?	'Мясо ты отдал приготовить?' (буквально: 'заставил ли варить?')
Хада уруу машинаа тогтоожо ядаабди	'Под гору мы не смогли остановить свою машину'
Гараа үүдэндэ хабшуулаа	'Свою руку прищемил в дверях'
Багшада бэшэг бэшүүлээб	'Я попросил учителя написать мне письмо' (более правильно: *бэшүүлжэ абааб*)
Шоно алаха гэбэл түлүүдыень шашхуулха хэрэгтэй!	'Чтобы убить волка, надо заставить его детенышей визжать'
Мангад ахайда алуулан үгэй амидыгарба	'Ушел он от мангуса, избавившись от смерти' (буквально: 'не позволив убить себя')
Үхэһэниие амидыруулдаг, үгэйрэһэниие баяжуулдаг	'Умершего оживляет, обедневшего обогащает' (о сказочной красавице).

Мы нарочно привели такое большое количество примеров, ибо оказывается, что в современном бурят-монгольском языке побудительный залог в некотором отношении перекрещивается по своему содержанию со страдательным залогом, о котором шла речь выше. Как видно из всех почти примеров, логический субъект действия, выраженного побудительным залогом, оформляется в дательном падеже, т. е. так же, как и при страдательном залоге. Но значение побудительного падежа шире значения страдательного залога: при последнем подлежащее всегда испытывает то или иное действие. Кроме того, побудительный залог образуется не только от переходных глаголов, но и от — непереходных. Из букваль-

[1] См. его „Грамматику...", стр. 123.

ных переводов, которые мы давали в скобках, видно, что „дозволение" совершить какое-либо действие весьма относительно и даже в некоторых случаях очень абсурдно. Например: „Он умер, „позволив" дереву ударить себя", т. е. „раздавлен деревом на смерть" (см. пример 1). Значит, в некоторых случаях значение побудительного залога таково же, как и страдательного залога. Но различное значение побудительного залога улавливается лишь благодаря данному лексическому окружению: никакие синтаксические показатели и никакие морфологические данные в окружающих словах в определении значения данного залога роли не играют. А значения эти заключаются в том, что побудительный залог:

а) образует переходный глагол от непереходных: *гара* 'выйти', *гарга* 'вывести' ('заставить выйти'), 'вытащить', 'выгнать' и т. д.; *оро* 'войти', *оруул* 'ввести' ('заставить войти'), 'сдавать' (налог); *һуу* 'сидеть'; *һуулга* 'посадить';

б) выражает действие, которое одно лицо выполняет по приказанию, просьбе или разрешению другого лица, выраженного в подлежащем: *оруулха* 'заставить кого' или 'разрешить кому выйти'; *үзүүлхэ* 'заставить кого' или 'разрешить кому смотреть'. Если тот или иной глагол в побудительном залоге как бы отрывается по значению от своей первоначальной основы, например, *оруулха* 'ввести', *ябуулха* 'проводить работу', то возможно образование побудительного залога от побудительного же: *оруулуулха* 'заставить ввести или внести'; *гаргуулха* 'заставить или попросить одного вывести другого'; *сохюулха* 'заставить бить';

в) выражает, как и страдательный, действие, которому подвергается субъект со стороны другого субъекта: *малтуулха* 'быть выкопанным', а не только 'заставить копать', *гаргуулха* 'быть выведенным', а не только 'заставить вывести'; *сохюулха* 'быть битым' (а не только „заставить или позволить кого бить"). Но побудительный залог по своему значению частично совпадает со страдательным лишь в том случае, если он образован только от основы переходного глагола. Если же этот залог образован от основы непереходного залога, то он по своему значению не будет совпадать со страдательным залогом. Это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания сущности залогов в монгольских языках. Заметим тут же, что двойной побудительный залог образуется, как правило, почти лишь в тех случаях, когда первоначальной основой является непереходный глагол, например: *гаргуул* ('заставить выгнать') ← *гарга* ('выгнать, заставить выйти') ← *гара* ('выходить'). Отсюда встает вопрос, правильно ли для нынешнего состояния монгольских языков считать суффиксы *га* и *ха* формами побудительного залога? И правилен ли термин „двойной побудительный залог"?

Как видно из перечня значений и примеров, побудительный залог имеет большую неопределенность, чем страдательный залог. Конкретное значение глагола в побудительном залоге выявляется лишь в зависимости от данного лексико-синтаксического окружения; так, например, *гаргуулха* может означать: а) „быть выведенным", б) заставить кого вывести третье лицо или предмет, в) получить позволение выйти. В соответствии с изложенным изменяется и значение дательного падежа перед побудительным залогом, которое опять-таки определяется соответствующим контекстом.

Ахадаа газаа гаргуулба	'Братом своим выведен вон'
Үбэһэндөө гаргуулба	'Отправлен на покос'
Нүхэн соohоо баатартаа ядаан гэжэ гаргуулба	'Своим богатырем кое-как освобожден из ямы'

Однако встречаются такого рода примеры, в которых дательный падеж и побудительный залог имеют особенное значение с точки зрения

определения субъектности: *Модондо сохюулжа үхөө бэлэй.* 'Деревом раздавлен на-смерть'.

В данном случае, с точки зрения современного языка, едва ли было бы логично допустить, что отец Цыремпила, о котором идет речь в рассказе Х. Намсараева, умирает, „дозволив" дереву побить себя, как это вытекает из буквального перевода. Следовательно, дательный падеж — *модондо* — в данном случае выражает „орудие" действия (будучи деревом раздавлен или побит). Кому же отец Цыремпила „дозволяет" побить себя деревом? Ответ возможен двоякий: либо — „тотему", либо — дереву же, некогда представлявшемуся одушевленным существом. Следовательно, в языке до сих пор сохраняются следы предшествующих стадий мышления, чем и объясняется то, что ныне в языке одна и та же форма имеет различные значения. Как известно, в ряде языков „дательный падеж может быть падежом логического субъекта, вовсе не являясь падежом подлежащего".[1]

Нам кажется, что образование побудительного залога относится к той же стадии, что и образование страдательного залога и, вероятно, в результате семантической филиации побудительный залог оказался антиподом страдательного залога, ибо если последний в современном осмыслении выражает действие, перетерпеваемое субъектом, то побудительный залог выражает действие, побуждаемое субъектом. В манчжурском языке страдательный и побудительный залоги формально не различаются, будучи выражены при помощи „слога" *bu*, являющегося основой глагола *bumbi* 'даю'; например: *ušumbi* 'быть увлекаемым', *tuvabumbi* 'заставить смотреть'. Различие между этими „залогами" лишь синтаксическое: *bi inde gelebüxe* 'я был им напуган' (буквально: 'я ему дал напугать себя'), *i mimbe gelebüxe* 'он меня напугал' (буквально: 'он меня заставил или дал напугать').[2] Можно полагать, что некогда побудительный залог, при отсутствии особого страдательного залога, в монгольских языках имел двоякое значение: побудительного и страдательного залогов, как мы это видим в манчжурском языке, а также в самих монгольских языках. Здесь не лишним будет указать, что один из суффиксов побудительного залога по форме совпадает с суффиксом образования орудных имен: *уул, гуул*, например: *яб+уул* 'заставь итти', *бари+уул* ('барюул') 'ручка' и 'заставь держать'; *лга*, например: *байлга* 'заставь остаться', 'оставь', *барилга* 'строительство'.

Помимо разобранных выше побудительного и страдательного залогов, в бурят-монгольском языке существуют еще залоги — совместный и взаимный. Первый залог выражает действие, выполняемое субъектом совместно с кем-либо, например, *ябалсаха* 'итти с кем-либо', *оролсохо* 'входить с кем-либо', а затем, 'участвовать'. Взаимный залог выражает действие, выполняемое двумя лицами по отношению друг к другу, например: *барилдаха* 'хватать друг друга', 'бороться', *харбалдаха* 'стрелять друг в друга', 'стреляться с кем'. Однако приведенная характеристика является весьма условной и, скорее, теоретической. На самом деле очень часто глаголы в этих залогах по значению либо совпадают друг с другом, либо приобретают новые значения: *алалдаха* не то, что 'убить друг друга', но 'возиться', 'приставать'; *оролсохо* 'ходить друг к другу', а не 'входить вместе с кем-либо'; *оролдохо* 'бороться', 'стараться', а не 'входить друг к другу'; *худалдаха* 'продавать', *андалдаха* 'меняться с кем'.[3]

---

[1] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 338.

[2] И. Захаров. Грамматика манчжурского языка. СПб., 1879, стр. 159—162; Ср. Г. М. Василевич. Учебник эвенкийского языка, стр. 127; Н. Н. Поппе. Материалы по солонскому языку. Л. 1934, стр. 119—120.

[3] Г. Д. Санжеев. Манчжуро-монгольские языковые параллели. (Изв. Ак. Наук СССР, 1930, стр. 618, 684).

При помощи залогов во фразе устанавливается взаимоотношение между объектом и субъектом действия. Оформление залогов относится, как полагает акад. И. И. Мещанинов, лишь к периоду ломки эргативного строя. При последнем глагол может выражать собой оба отношения, что пережиточно сохраняется в бурят-монгольском языке (алуулха 'быть убитым' или 'заставить убить') и его диалектах (*тураха* по-аларски 'родиться', по-хорински 'родиться' и 'родить'). Побудительный и страдательный залоги оформились в монгольских языках лишь после того, как имело место разделение глаголов по содержанию на переходные и непереходные, т. е. „когда содержание переходности и непереходности закрепляется за основами".[1] Иными словами, переходный и непереходные виды предшествовали залогам (а мотивировали это тем, что, между прочим, от переходных глаголов не образуется страдательный залог с вытекающими отсюда соображениями). Но акад. И. И. Мещанинов полагает, что „залоги, т. е. изменение глагольного оформления по синтаксическому заданию, имелись и в предыдущих стадиях (пассивной и эргативной. — *Г. С.*), но не с тем их делением, какое наблюдаем в языках активного строя, а именно: переходные и непереходные залоги в пассивной стадии, переходные в эргативной стадии в переходные и непереходные виды глаголов, сохраняющиеся и в активной стадии..., в которой выделяются для них залоги действительный и страдательный".[2] Первая часть этой формулировки акад. И. И. Мещанинова для нас представляется не совсем ясной, поскольку сначала все глаголы были переходными (при тотемном восприятии мира).[3] Мы думаем, что при эргативной стадии имело место лишь выделение непереходных по содержанию глаголов из переходных; как пишет акад. И. И. Мещанинов, действующее „лицо всецело переносится осознанием на реального выполнителя деяния (логический субъект), и прежний мифологический субъект сохраняется в снятом виде".[4]

В бурят-монгольском языке от одних залогов могут быть образованы другие. Например: *байгуулха* 'организовать' (буквально: 'заставить быть'), *байгуулагдаха* 'быть организованным' (самим), *байгуулагдуулха* 'быть организованным' (кем-либо). Равным образом, от одной и той же глагольной основы изредка образуются две формы побудительного залога с использованием разных суффиксов этого же залога:

бай	'быть, находиться'
байлга	'оставить, заставить находиться'
байгул (ныне: *организовалха*)	'организовать'
бол	'стать, сделаться'
болго	'заставить стать, сделать'
болуул	'заставить или дозволить самому кем-либо стать'

Как мы видим, в последнем случае употребление различных форм образования побудительного залога влечет за собой семантическую филиацию того же залога; но эта возможность в бурят-монгольском языке используется лишь в единичных случаях.

В монгольском языке суффиксами побудительного залога считаются (в зависимости от конечных звуков в основе):

а) после кратких гласных — *уул*: *ала* 'убить', *алуул* 'заставить убить';

б) после долгих гласных — *лга*: *уу* 'пить', *уулга* 'заставить пить';

---

[1] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 241.
[2] Там же, стр. 242.
[3] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. III, стр. 67.
[4] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 318.

в) после основ непереходного глагола на *р* и *л* — *га*; *гар* 'выйти', *гарга* 'заставить выйти'; *бол* 'стать', *болго* 'сделать'.

г) после некоторых кратких гласных — *аа*: *шата* 'запылать', *шатаа* 'зажечь', и т. д.

Как уже выше нами указывалось, будет более правильным полагать, что суффиксы *ха*, *га* и *аа*, не являясь суффиксами побудительного залога, служат лишь для образования переходного глагола от непереходного (точно так же, как суффикс *ра* служит иногда для образования непереходного глагола от переходного: *хаа* 'закрыть', *хаара* 'закрыться'). Замечательно, что при вновь образованных (от непереходных глаголов) переходных глаголах дательно-местный падеж никогда не может выражать логический субъект. Кроме того, собственно побудительный залог, как уже сказано, совпадает со страдательным только в том случае, если он образован от основы переходного глагола: *алуул* не только 'заставить убить', но и 'быть убитым'.

Некоторые из этих суффиксов в то же самое время являются суффиксами образования отглагольных имен, например: *hуулга* 'ведро', *худалдаан* 'продажа'. Замечательно, что имяобразующим является и суффикс *л*, который в древних монгольских языках оказывается суффиксом побудительного залога, что было еще отмечено Г. И. Рамстедтом и Н. Н. Поппе.[1] Таким образом, то, что в наших грамматиках называется побудительным залогом, на деле оказывается конгломератом самых разнообразных форм. Разнообразие суффиксов очевидно происходит не в силу каких-то фонетических случайностей, а вследствие того, что они несут и несли разные смысловые функции. Это должно быть подвергнуто специальному выяснению в другом месте.

Глаголы бывают составными и парными. Составные глаголы образуются следующим образом: глаголы действия или состояния даются в форме соединительного или слитного деепричастия и сопровождаются одним из служебных глаголов, даваемым в любой спрягаемой форме.

Служебными мы называем такие глаголы, в сочетании с которыми „обычные" глаголы приобретают особое значение.[2]

Следовательно, составной глагол состоит из основного и служебного глаголов; основным глаголом мы называем именно тот глагол, который, выражая данное действие или состояние, дается в одной из указанных деепричастных форм. Проиллюстрируем сказанное следующей таблицей:

Основной глагол	Служебный глагол	Значение
худалдажа	*абаха*	'купить'
нидэжэ	*ябаха*	'лететь'
эдижэ	*үгэхэ*	'съесть' (по просьбе)
ошожо	*ерэхэ*	'сходить'
хэжэ	*орхихо*	'заделать'

Служебный глагол *аба* 'брать' показывает, что данное действие совершается кем-либо в свою пользу; *үгэхэ* 'дать' показывает, что действие совершается кем-либо для другого или для себя же по просьбе другого;

[1] G. J. Ramstedt, Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-turkischen Sprachen. Helsinki, 1912, стр. 8; N. Poppe, Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift... Изв. Ак. Наук СССР, 1927, стр. 1036.

[2] Это впервые заметил еще А. Бобровников, см. его Грамматику стр. 319—322.

ерэхэ 'придти' показывает, что действие направляется в сторону говорящего или заканчивается: *дүүргэжэ ерэбэ* 'заканчивают' или 'закончили и пришли'.

Изложенными глаголами не исчерпывается список всех служебных глаголов.[1]

Повелительные и изъявительные формы

По формальному выражению модальности глаголы делятся на изъявительные, повелительные, причастные и деепричастные формы. В данной работе нет надобности входить в подробности каждой глагольной формы в отдельности взятой, что можно найти в любой грамматике; наша задача — определить синтаксическое положение данной группы форм в целом.

Повелительные формы включают в себе не только собственно повелительные формы, но и желательные вроде *ябаһууб* 'пойду' или *ябаһай* 'хорошо бы, если пошел'. Отличительной особенностью повелительных форм, как и изъявительных, является то, что они в предложении могут быть только сказуемым в повелительно-побудительных высказываниях. Повелительные и изъявительные формы не могут быть ни дополнением, ни подлежащим, ни определением, что составляет их отличие от деепричастных и причастных форм. Отличие же между повелительными и изъявительными формами заключается в том, что первые выражают повеление, просьбу, желание, вторые — только констатируют какое-либо действие. Повелительные формы по своему существу выражают действия будущего времени, тогда как изъявительные формы выражают действие всех трех времен. Собственно повелительные формы и без сказуемостного показателя содержат в себе выражения лица, по крайней мере без числа, тогда как изъявительные формы выражают то или иное лицо лишь при помощи сказуемостного показателя. Так, например, форма второго лица единственного числа никогда не принимает сказуемостный показатель *ш*: *яба* 'иди', *оро* 'войди'. Обращение ко второму лицу будущего времени имеет сказуемостный показатель лишь для выражения числа: *ябаарайш* 'ты пойдешь', *ябаарайт* 'вы пойдете'; то же самое с обращением к первому лицу: *ябаһууб* 'я пойду', *ябаһуубди* 'мы пойдем'. Повелительная форма второго лица принимает сказуемостный показатель лишь в эмфазисе: *ябыш* 'иди же!' *ябыт* 'идите же'! Не имеет лица лишь форма пожелания на *һай*, при которой лицо выражается при помощи сказуемостного показателя: *ябаһайб* 'пойти бы мне', *ябаһайш* 'пойти бы тебе' и т. д.; третье лицо, как известно, не принимает сказуемостный показатель: *ябаһай* 'пойти бы ему' или 'им'.

Итак, повелительные формы сами по себе выражают лицо, некоторые из них содержат в себе и указание на число. Это одно из их основных отличий от всех прочих глагольных форм. Второй особенностью повелительных форм является то, что они имеют свою отрицательную частицу *бү* 'не', которая не употребляется при иных глагольных формах; с другой стороны, при повелительных формах не употребляется отрицание *үгэй* 'не, нет', сопровождающее прочие глагольные формы и имена; равным образом, при повелительных формах не употребляются редкие отрицательные частицы *эһэ* и *уле* 'не'.

Повелительные формы в бурят-монгольском языке разнообразнее остальных глагольных форм и колеблются при переходе от одного говора к другому.

---

[1] См. А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 145—159, 319—321); особенно подробно см. у К. М. Черемисова, Записки ГИЯЛИ, вып. I, стр. 24—69.

Для всего бурят-монгольского языка эти формы могут быть сведены к следующим:

Обращение к первому лицу:

ябаһууб 'пойду я' *ябаһуубди* 'пойдем мы'
ябая 'пойдем' (приглашение)

Обращение ко второму лицу:

яба 'иди!'
ябагты 'идите!'
ябыш 'иди же!' *ябыт* идите же!
ябаарай 'пойдешь!' *ябаарайт* пойдете!

Обращение к третьему лицу:

ябаг 'пусть идет!'

Желательная форма

ябаһайб 'о, если бы я пошел!' (и т. д. по всем лицам со сказуемостными показателями).

Форма допущения

ябуужаб 'ладно, уж пойду' (и т. д. по всем лицам со сказуемостными показателями).

Об окончаниях см. ниже в разделе „спряжение глагола".

Изъявительные или индикативные формы отличаются прежде всего тем, что они всегда являются только сказуемыми, почему их еще называют окончательными формами. В бурят-монгольском языке имеются следующие изъявительные формы: а) настояще-будущая: *ябана* 'отправляется', б) прошедшая: *ябаба* 'отправился'; в) заведомо-прошедшая: *ябалай* 'пошел'. Точное время первых двух форм определяется контекстом речи и обстановки точно так же, как и в русском "идет": "вон человек идет" (настоящее время), "поезд завтра идет" (будущее время).

Как уже говорилось, все изъявительные формы употребляются со сказуемостными показателями, кроме третьего лица; основное их отличие от причастий заключается в том, что они не могут быть ни дополнением, ни подлежащим, ни определением. Последнее указание тем более необходимо, что некоторые лингвисты в своей классификации глагольных форм помещают и причастия и изъявительные формы в одну группу временных форм с подразделением их на собственно-временные и именные, что едва ли справедливо и в методическом отношении.

Причастия

Причастия представляют собою глагольные „имена", выражающие в различных позициях либо процессы, либо процессный атрибут, либо выполнителя действия. Это есть основное отличие причастий от всех остальных глагольных форм. В соответствии с изложенным причастие может быть сказуемым, определением, дополнением или подлежащим. Морфологической особенностью причастий является то, что они могут склоняться по падежам и числам, чего нельзя сказать в отношении остальных глагольных форм.

Причастия по своему содержанию делятся на временные и невременные. К временным причастиям относятся: прошедшее — *ябаһан* 'пошедший', будущее — *ябаха* 'который пойдет', и настояще-прошедшее — *ябаа* 'ушедший'. К невременным относятся: многократное причастие — *ябадаг* 'ходящий' и „однократное" — *ябагша* 'ходящий'. К последним

близки такие отглагольные качественные имена, как образованные при помощи форм *мал, маар, нхай* и т. п.: *зурамал* 'исписанный', *ябамаар* 'возможный для проезда' (о дороге), *эсэнхэй* 'усталый', *ханхинама* 'трескучий' (о морозе) и т. д. Последние формы некоторыми авторами относятся то к деепричастиям, то к причастиям или к nomina verbalia (глагольные имена) вообще. Так А. Д. Руднев формы на *нама* и *маар* относит к деепричастиям, Г. И. Рамстедт же — к nomina verbalia.[1] С нашей точки зрения более прав Г. И. Рамстедт, так как слова данного типа по своему значению и синтаксической функции представляют собой отглагольные качественные имена; эти формы по своей синтаксической функции ничем не отличаются от качественных имен вообще и никогда не выражают процессы, что свойственно причастиям, временным в особенности.

Специально в отношении хоринского говора бурят-монгольского языка приходится отметить, что в нем „появилось" прошедшее причастие с показателем *нхай*. Это „новое" причастие, чаще всего употребляемое при третьем лице, в обычной речи хоринцев встречается столь часто, что оно вытесняет форму настояще-прошедшего причастия.

Примеры:

Манай түрүүлэгшэ аймаг оронхой. 'Наш председатель уехал в аймак (район)'

Улаагшамнай гаранхай. 'Наша рыжая корова ушла'

Временные причастия являются определениями, если они оказываются перед предметными именами, например: *ябаһан морин* 'конь, который ушел'; *ябаһан газар* 'место, в котором (кто-то) был'; *ябаха үдэр* 'день, когда (кто-нибудь) пойдет'. Как видно из этих примеров, причастия в положении определения резко отличаются от русских причастий тем, что они относятся к своим определяемым различно: если *ябаһан* перед *морин* конь значит 'ушедший' или 'который ушел', то пред *газар* 'место' не значит 'ушедшее'. Еще пример: *эдиһэн* 'пред' *мяхан* 'мясо' значит 'съеденное', а пред *нохой* 'собака' означает 'съевшая'. Эти же причастия в положении сказуемого означают только действительный „залог": „ушедший" или „ушел", „съевшая" или „съела". Кроме того, действительные глаголы в причастной форме в положении определения в некоторых случаях имеют значения страдательного залога: *Эдиһэн мяхан* 'съеденное мясо' (='мясо, которое съели'). Это происходит, во-первых, потому, что страдательный залог выражает действие, допускаемое самим пострадавшим субъектом. Во-вторых, сама семантика определенных слов точно определяет страдательный характер определительных причастий: не может же логически последний пример означать „съевшее мясо" или „мясо, которое само что-то съело!" Но если определяемое имя выражает предмет, который может быть не только объектом, но и субъектом действия, то в случае необходимости определительное причастие дается в побудительном или страдательном залоге: *Эдюулһэн шоно* 'съеденный волк'. Безусловной ошибкой было бы сказать, например, *эдюулһэн мяхан* (в значении „съеденное мясо") вместо единственно правильного *эдиһэн мяхан*. „Мясо, съеденное собакой", по бурят-монгольски обязательно передается соответствующим глаголом *(эдиһэн)* в форме действительного залога, несмотря на „страдательное" значение, а „собакой" — именем в родительном падеже. Таким образом, предложенная фраза принимает следующий оборот: *Нохойн эдиһэн мяхан.*[2]

[1] А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, стр. 44; G. J. Ramstedt, Ueber die Konjugation des khalkha-mongolischen. Helsinki, 1903, стр. 38.

[2] Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 209.

Причастия (временные) могут быть подлежащим; и именно здесь обнаруживается другая особенность причастий в бурят-монгольском языке: если в русском языке причастия выражают только субъект действия или его процессный атрибут, например „управляющий", то бурят-монгольские причастия выражают самое действие — в функциях сказуемого и подлежащего. Но если причастия, выражая действия, оказываются в положении подлежащего, то они чаще всего употребляются с личными притяжаниями, поскольку в данном языке действия представляются не сами по себе, а принадлежащими к кому-нибудь или чему-нибудь.

Примеры:

Уурхайга заһаһантнай һайн гээшэ даа. 'Хорошо то, что вы исправили свое гнездо'

Үхэрнүүдэй газаа үйдхартайгаар мөөрэлдэхэнь хаа-яа дуулдана-ха 'Кое-где слышно жалобное мычание коров (или: как коровы жалобно мычат)'

Утаһаар оёһон һандарна үгэй, ушаржа эүгаалһан мартуулна үгэй (А. П.) 'То, что сшито шелковинкой, не изнашивается; то, что пропето при встрече, не забывается'

В этих примерах причастия выражают определенные действия, а не субъекты действия и не атрибуты субъектов действия. В первом примере мать Цыремпила восхваляет не гнездо ласточек, не самих ласточек, а то, что они сделали у нее свое гнездо, т. е. действие. Точно так же в последнем примере аларская молодежь имеет в виду не песню, которая пропета, и не певцов, а действие — пение. Таким образом, бурят-монгольское причастие в определенных положениях выражает конкретное действие, приуроченное к определенному времени, чего нельзя сказать о причастиях в современных индоевропейских языках.

Но причастное подлежащее выражает не только процессы, субстантированные действия, оно может также передавать объекты этих действий.

Примеры:

Тэжээһэниинь тэбээртэй болхо гэжэ Үргэһэниинь үрөөлтэй болхо гэжэ, һааһаниинь һабаар дүүрхэ гэжэ! (А. П.) 'Чтобы вскормленные были тучны, чтобы выращенные были благодатны; пусть выдоенное наполнится в сосудах!'

В этих примерах причастия выражают уже не процессы (т. е. „не доение, выращивание и вскормление"), а то, что подвергалось этим действиям, т. е. „скот, молоко" и т. п.

Таким образом, контекст определяет в том или ином случае значение данного причастия.

Примеры:

Ябаһаниинь эндэ ерээ 'Ушедший сюда пришел'

Урид гарһаниинь абаба 'Взял тот, который вышел раньше'

В хоринской хронике Т. Тобоева [1] мы находим следующие примеры:

Примеры:

Арбан нигэн көбэгүд төрөгсэн-инү арбан нигэн обогтан болжу. 'Сыновья, рожденные в количестве одиннадцати, составили одиннадцать родов'...

Тэдэ-эцэ үрэжигсэн олан. 'Рожденные от них были многочисленны'...

[1] Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Текст издал Н. Н. Поппе. Изд. Ак. Наук СССР, 1935, стр. 5, 11.

Затем во всех бурят-монгольских улигерах (поэмах) встречается следующее стихотворное описание многочисленного скота, пригоняемого героями эпоса к морю:

Урда ябаһаниинь 'Те, что шли впереди,
уһаа шабхаба, выпили всю воду;
хойно ябаһаниинь те, что шли сзади,
хооһоор хосорбо остались голодными'

Если причастное подлежащее употребляется без притяжания, то после него полагается пауза, например: *утаһаар оёһон* плюс пауза плюс *һандарна үгэй* 'вышитое шелковинкой не изнашивается'. Педагоги в таких случаях объясняют, что после такого причастного подлежащего что-нибудь подразумевается: это объяснение (может быть очень удобное для младшего возраста), конечно, не основательно.

Вообще говоря, причастия в качестве подлежащего известны всем монгольским языкам, включая монгольский язык XIII века; так в „Сокровенном сказании о монголах", написанном в 1240 году, встречаем:

Teberikü činü daba'ad olan dababa,

Uilaxu činü usud olan getülbe 'Обнимаемый тобою перевалил через много перевалов, оплакиваемый тобою пересек много вод'.[1]

Иногда бывает очень трудно уловить значение причастного подлежащего. Как мы видели выше, причастное подлежащее выражает процесс, предмет процесса или субъект процесса, что в общем определяется контекстом. Но в некоторых случаях мы имеем нечто „диффузное", в котором процесс, предмет и субъект процесса даны в нерасчлененном виде, например:

Архи уухан газаашаа,
аарса эдиһэн досоошоо,
боодхо уухан бөөлжүүлнэ,
бозо эдиһэн досоошоо (А. П.)

Если *газаашаа* 'наружу' и *досоошоо* 'внутрь' условимся переводить как „вредно" и „полезно", то данная песнь аларцев может переводиться двояко: 1) „вредно пить вино, полезно употреблять арсу"; „питье водки „рвет", полезно употреблять бозо": 2) „выпитое вино вредит, принятая арса полезна"; „выпитая водка рвет, принятое бозо полезно". Конечно, логически оба эти перевода однозначны, но все же некоторая „диффузность" такого рода примеров очевидна. Надо иметь в виду, что имена *архи* 'вино', *аарса* 'арса' (род кваса), *боодхо* 'водка' и *бозо* 'бозо' (род кваса) по отношению к приведенным причастиям являются объектами в неоформленном винительном падеже, и что формально подлежащими являются причастия, а не имена.

В известной всем бурят-монгольской пословице *нураһан далай, нураа үгэй балай,* соответствующей русской поговорке „ученье — свет, неученье — тьма", мы имеем подлежащие, выраженные причастиями *нураһан* и *нураа үгэй,* значение которых не совсем определенное. Эти причастия могут быть понимаемы двояко: *нураһан* как 'обучившийся' или 'ученье', *нураа үгэй* как 'необучившийся' или 'неученье', в соответствии с чем буквальный перевод приведенной пословицы будет таков:

1) „обучившийся (подобен) морю, необучившийся — тьме",
2) „ученье есть море, неученье — тьма".

В тех же аларских песнях встречаются более разительные примеры, иллюстрирующие „диффузность".

[1] E. Haenisch. Untersuchungen ueber das Yuan ch'ao pi shi, die geheime Geschichte der Mongolen... Leipzig, 1931, стр. 7.

Примеры:

Эрээн нохоёо тэжээһэмнай эжэндээ мэдэхээр эрхэлнэл (А. П.) 'Пестрая собака, которую мы вскормили, к хозяину своему явно ласкается'

Элигэн бээлэеэ оюулһамнай Эрхэйнь багтай дээгүүрдээ (А. П.) 'Нами сшитые замшевые рукавицы у большого пальца великоваты'

В этих примерах подлежащими формально являются причастия *тэжээһэмнай* 'вскормление наше' и *оюулһамнай* 'шитье наше', тогда как те слова, что мы перевели в виде „собака" и „рукавицы", формально являются объектами к этим глаголам, будучи даны в винительном падеже с безличным притяжанием. Таким образом, первый пример буквально означает: „свою пеструю собаку кормление наше своему хозяину явно ласкается". В данном случае грамматические подлежащие, выраженные причастиями, логически являются определениями к своим прямым объектам, последние же, будучи формально дополнениями, логически оказываются субъектами, как это видно из переводов.

Когда хотят выразить в подлежащем какое-либо действие вообще (т. е. то, что в русском языке является инфинитивным подлежащим или отглагольным именем существительным), то тогда причастие чаще всего дается с притяжанием третьего лица: *Дааһаар татахань дахяалтай дахин зугаалхань адагтайл* (А. П.) 'Неприятно из трубки курить, нудно распевать одно и то же'.

Встречаются причастные подлежащие и без притяжания.

Примеры:

Хориншхи аймаг ошоһон сөөн гээшэ даа 'Редко случалось бывать и в Хоринском аймаке (буквально: 'Редко отправление в Хоринский аймак')'

Ойлгуулан байжа зугаалха улуусай үетэнэй һайнай (Ф. сб.) 'Вразумительное песнопение — от искусства улусных сверстников'

Итак, временные причастия в положении подлежащего выражают: а) процесс — как приписываемый какому-нибудь предмету, так и взятый в абстракции; б) при наличии дополнения — логическое определение; в) результат или объект какого-нибудь действия; г) субъект данного действия. Обратимся к старым примерам:

Уурхайгаа заһаһантнай һайн гээшэ даа (Х. Н.) 'Хорошо, что вы исправили свое гнездо (о птицах)'

Хориншхи аймаг ошоһон сөөн гээшэ. 'Редко случалось бывать и в Хоринском аймаке'

Эрээн нохоёо тэжээһэмнай эжэндээ мэдэхээр эрхэлнэл (А. П.) 'Пестрая собака, которую мы вскормили, явно к хозяину ласкается'

һааһаниинь һабаар дүүрэжэ байг (А. П.) 'Пусть выдоенное наполнится в посудах'

Ябаһаншинь эндэ ерээ 'Ушедший пришел сюда'

Кроме изображенного здесь, как уже говорилось, встречаются случаи, когда имеется некоторая „диффузность" (*архи үүһан газаашаа*: — см. выше).

Из этих примеров видно, что в положении подлежащего, выражающего действие, чаще всего выступают прошедшее и будущее причастия. Многократное и однократное причастия, а равно и настояще-прошедшее, в положении процессного подлежащего выступают чрезвычайно редко. Так называемое однократное причастие по существу превратилось в форму отглагольного имени деятеля и отглагольного качественного

имени: *эрхэлэгшэ* 'заведующий', *мэдэгшэ* 'знающий'. Следовательно, это причастие в положении подлежащего выражает уже не действие, а субъект действия; в положении же определения однократное причастие выражает процессную атрибутивность определяемого предмета, да и в этом положении встречается оно очень редко, как бы заменяясь многократным причастием или тем, что Рамстедтом называется nomina actoris (*мэдээшэ* 'знающий, знаток'). Что касается многократного причастия (*ябадаг* 'имеющий обыкновение бывать, ходить'), то оно в положении подлежащего встречается также редко и по своей синтаксической функции мало чем отличается от однократного причастия, оно только не может выражать имя деятеля. Настояще-прошедшее причастие в положении подлежащего, определения и дополнения употребления с отрицанием *үгэй* 'не', например: *ябаа үгэйнь һайн* 'хорошо, что не ушел'; *үзөө үгэй хүн* 'человек, который еще не видел'; *нара гараа үгэйдэ* 'когда солнце еще не взошло', 'до восхода солнца'.

Почти никогда не употребляются в качестве процессного подлежащего такие отглагольные качественные имена, как *ханхинама* 'трескучий' (о морозе), *мартамгай* 'забывчивый', *эсэнхэй* 'усталый', *зурамал* 'исписанный', *ябамаар* 'возможный для проезда' (о дороге), *ойлгошо үгэй* 'непонятный', *ойлгостой* 'понятный', *уяатай* 'привязанный', *табяатай* 'поставленный' и т. д. Все эти имена в положении подлежащего употребляются лишь с притяжением или в сопровождении какого-нибудь имени в родительном падеже, и выражают они тогда какое-либо процессное свойство того или иного предмета, а не самый процесс. Так бывает в живой бурят-монгольской речи; в литературе мы нашли лишь один пример:

Унаганай хурдан юүнһээб? 'Откуда у жеребенка быстрота'?
Үндэгэн хара туруунһаань 'От круглых черных копыток его'
Үетэнэй зугааша юүнһээб? 'Откуда у сверстников песнопение (способность к пению)?'
Хоёр хара нюдэнһөөнь (А. П.) 'От двух их черных очей'

Аналогично приведенному примеру, в живой речи можно часто услышать такие фразы: *Мартамгайнь гайхалтай.* 'Его забывчивость удивительна'. *Эсэнхэйнь юүнһээб?* 'Отчего его усталость', и т. п.

Стало быть, причастия выражают конкретное действие, совершенное данным лицом, а отглагольные качественные имена — действие вообще, процессное свойство того или иного предмета. Последние, как мы видим, по своей синтаксической функции ничем не отличаются от качественных имен вообще, тем более, что некоторые из них выражают предметность.

Примеры:

үргамал	флора
бэшээшэ	писарь
дуулааша	певец

Кроме того, отглагольные качественные имена тем отличаются от причастий, что они не могут управлять косвенными падежами, т. е. эти имена не имеют того глагольного свойства, которое присуще не только причастиям, но и отглагольным предметным именам с суффиксом *лга* (например: *ВК(б)П-иин* XVIII *съездын тогтоолнуудые бэелүүлгэ* реализация решений XVIII съезда ВКП(б)).

Следовательно, под категорию причастий подпадают следующие:

прошедшее	— суффикс — *һан*
будущее	— суффикс — *ха*
настояще-прошедшее	— суффикс — *аа*
многократное	— суффикс — *даг*
однократное	— суффикс — *гша*

Поскольку последнее — однократное причастие — нагружено функцией выражать имя деятеля (*hурагша* 'учащийся' и т. д.), то оно в настоящее время теряет свойства, присущие причастиям вообще. Это причастие сохранило свое причастное свойство лишь в положении сказуемого и, реже, определения, например: *Би эндэ тэндэ ябагшаб* 'Я бываю тут и там'.

Многократное причастие сохраняет свой причастный характер в положении определения, сказуемого, подлежащего и, реже, дополнения; в живой речи часто можно слышать *ябадагшни hайн* 'хорошо то, что ты бываешь'; но очень редко многократные причастия оказываются дополнением. Что же касается настояще-прошедшего причастия, то оно чаще всего употребляется в качестве сказуемого; в положении остальных членов предложения это причастие употребляется с отрицанием *үгэй: ябаа үгэй хүн* 'человек, который еще не ушел'; *минии үзөө үгэй hүмэ* 'вещь, которую я еще не видел'; *шинии ерээ үгэйшни hайн* 'хорошо, что ты не пришел'. Это-то и послужило основанием продолжать считать данную форму причастной, хотя некоторые лица на лингвистической конференции 1936 г. (в Улан-Уде) выступали с утверждением, что это причастие целиком потеряло свои причастные свойства; но они не учли того, что изъявительные формы не могут быть дополнениями, определениями и подлежащими и с отрицанием — свойство, сохраненное настояще-прошедшим причастием.

Причастия перед служебными именами выражают только действие, а не процессную атрибутивность или субъект действия.

Примеры:

Тэрэ харгуйгаар ябахын орондо энэ нуурай баруун бээр ошоhон дээрэ 'Чем ехать по той дороге, лучше отправиться по правому берегу этого озера'

Нэгэ эхэнэр үнеэгээ hаажа орохотой хамта шэбэнэн иижэ хэлэбэ 'Одна женщина одновременно с началом дойки своих коров (т. е. начиная доить) тихо сказала...'

То же самое выражают причастия, находясь в родительном падеже.

Примеры:

Харанхы болhоной хойно гэртээ ерээрэйт 'После наступления темноты возвращайтесь домой'

Эндэ ерэхынгэй урид та юу хэбэт? 'Что вы делали до своего прибытия сюда?'

То же самое выражают причастия, находясь в положении сказуемого, в качестве какового они почти всегда сопровождаются связками; лишь настояще-прошедшее причастие чаще всего употребляется без связки.

Примеры:

Хэды багта үгэй байгааб? (Х. Н.) 'В какую пору ее не было?'

Юрэдөө энэ басагантнай али ошохо дура үгэй байhан юумэ hэн юу? (Х. Н.) 'Может быть, ваша дочь вообще не хочет выходить замуж?'

Лишь в шаманских гимнах и призываниях, в которых вообще преобладает именное сказуемое, прошедшее причастие в качестве сказуемого употребляется без связки.

Причастия в позиции дополнения почти всегда выражают процессы или действия и лишь изредка — процессную атрибутивность и субъект действия. И здесь также обнаруживается особенность причастий в бурят-монгольском языке: в индоевропейских языках причастия в качестве

дополнения выражают процессную атрибутивность или деятеля, в бурят-монгольском языке они выражают действие определенной степени законченности, являющееся в предложении объектом или обстоятельством другого действия, выраженного в сказуемом. В русском языке такое действие выражается либо придаточно-подчиненным предложением, либо отглагольным существительным с „временным" прилагательным, например: „когда наступают холода, начинают топить печи" или „при наступлении холодов начинают..."; по бурят-монгольски эту фразу можно передать следующим образом: *хүйтэн болходо пеэшээ түлижэ захална.* Можно установить, что некоторая часть русских придаточно-подчиненных предложений соответствуют причастно-развернутым предложениям бурят-монгольского языка.

Примеры с винительным падежом:

Түргэөр бэшэхышни би гайхажа һууна ээшэб даа 'Удивляюсь тому, как ты быстро пишешь'

Алдан онон зүгаалһаймнай аша гуша залуужал (А. П.) 'Пусть наши дети и внуки исправят то, что пропоем мы кое-как'

Хирээ дүүнь ахынгаа хабхада ороһыень мэдээд ниидэжэ ерээ (Ф. сб.) 'Прилетел младший ворон, узнав, что его старший брат попался в капкан'

Айлшан минии зүгаалһай зүрхэн дороо дараарайт (Ф. сб.) 'В сердце своем сохраните, что я, гость, вам пропою'

Из этих примеров явствует, что причастное дополнение в винительном падеже выражает действия, являющиеся объектом других действий. Необходимо также обратить внимание на то, что в прошедшем причастии, склоняемом в винительном падеже, выпадает конечный *н*, в живой речи это стало уже правилом, но литературный язык часто продолжает по традиции сохранять этот конечный согласный. А между тем приходится констатировать, что в живой речи, по нашим наблюдениям, сохранение или удаление этого согласного из причастия при винительном падеже играет определенную семантическую роль: если конечный *н* удаляется, тогда данное причастие выражает объектное действие (см. примеры выше), а при сохранении — субъект действия, оказывающийся объектом другого действия. К сожалению, в литературе мы не нашли примеров, которые иллюстрировали бы последнюю часть нашего положения, а поэтому мы предлагаем на рассмотрение читателя следующие примеры, которые нам приходилось слышать в живой речи у аларцев и хоринцев:

Юумэ хулууһаниие хараб 'Я видел укравшего какую-то вещь (т. е. того, кто украл)'

Юумэ хулууһайе дуулаа үгэйб 'Я не слышал о краже вещи (т. е. о том, что украли)'

Повторяем, что эти примеры мы приводим для рассмотрения и дальнейшего исследования по разным диалектам бурят-монгольского языка. Нам все же кажется, что сохранение или утрата конечного *н* в причастиях играет приблизительно такую же роль, как и при орудном падеже имен: *морёор* 'на коне', *мориноор* 'с конем'

Употребляются причастия почти во всех падежах: в дательном — причастия выражают чаще всего действия, во время которых происходят другие действия, или такие, которые вызывают какое-либо ответное действие.

Примеры:

Хабар саһанай хайлхада бидэ тэндэһээ ишээ нүүдэг байнабди 'Весною, когда тают снега, мы оттуда перекочевываем сюда'

Энэ хүнэй хэлэһэндэ ямар гомодол байхаб — 'Какая может быть обида тому, что скажет этот человек! (т. е. Стоит-ли обижаться на него, если он что-либо скажет!)'

Ябахада һайн — 'Ехать хорошо (т. е. при езде хорошо)'

В орудном падеже причастие выражает чаще всего действие, являющееся целью другого действия, а в исходном — действие, являющееся чаще всего отправной точкой или причиной другого действия.

Примеры:

Малаа үбэһөөр эдеэлэхээр бидэнэр үбэлдөө тиишэ нүүхэ байнабди — 'Для кормления своего скота сеном, на зиму мы откочуем туда'

Эндэ ерэһэнһээ болжо энэ ханитнай шарай ороо гээшэ даа — 'Ваш спутник стал более здоровым потому, что (он) приехал сюда

Этими беглыми замечаниями мы закончим наше обозрение причастий, так как подробнее о них речь должна итти при изложении синтаксических функций падежей.[1] Здесь надо только указать, что если субъектом действия причастного дополнения является тот же предмет или лицо, что и субъект действия, изложенного в сказуемом, то данное причастное дополнение дается с безличным притяжением:

Примеры:

Энэ моринтнай ябаһандаа яагаа гээшэб? — 'Что случилось с вашим конем?' (буквально: 'Этот ваш конь в своем хождении что являет собою')?'

Тэрэ хүнһөө үлигэр бэшэһэнээ уншажа үгыт! — 'Прочтите, пожалуйста, сказку, которую вы записали у него'

Тэндэ ошоһоноо хэлэ. — 'Расскажи о своей поездке'

Итак, причастия отличаются от всех остальных глагольных форм тем, что они выражают: а) субъект действия, б) процессное определение к имени, в) процесс как объект и субъект другого действия и г) предикативность.

В основном причастия во всех монгольских языках выражают то же самое, что и в бурят-монгольском; даже монгольский язык начала XIII века в синтаксическом отношении ничего особенно нового не прибавляет к тому, что дают современные монгольские языки. Приходится только отметить, что бурят-монгольский язык все же имеет тенденцию превратить настояще-прошедшее причастие в изъявительнную форму, чего нельзя сказать в отношении других монгольских языков. Кроме того, в ряде монгольских языков и диалектов за исключением восточно-бурятских говоров и халха-монгольского языка[2], наблюдается сращение вспомогательного глагола *бай* 'быть' с соединительным деепричастием, в результате чего появляются как бы новые глагольные формы, соответствующие несовершенному виду в других языках: *ябаһан* 'ушедший', *ябажайһан* 'уходивший' и т. д. Мы уже отмечали, что за исторически обозримое время однократное в монгольских языках причастие превращается в отглагольное имя, соответствующее русскому слову „управляющий"

[1] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, стр. 80—106.

[2] G. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-turkischen Sprachen. стр: 18; Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Л. 1931, стр. 35—36; Н. Н. Поппе. Аларский говор, часть I, Л. 1930, стр. 115; Г. Д. Санжеев. Грамматика калмыцкого языка, М.-Л. 1940, стр. 62.

(*ударидагша* 'руководитель' и т. д.). Все более учащается употребление многократного причастия лишь в качестве определения и сказуемого: теперь почти невозможно услышать *ябадагые* или *ябадагта* и т. п.; совсем не употребляется в бурят-монгольском языке в положении подлежащего, определения и дополнения настояще-прошедшее причастие без отрицания, что еще иногда можно наблюдать в халха-монгольском языке. В общем можно отметить, что в некоторых монгольских языках имеется тенденция использовать в качестве сказуемого лишь причастные формы, которые как бы конкурируют с изъявительными формами.

Все рассмотренные нами глагольные формы, т. е. повелительные, изъявительные и, частично, причастные формы, обладают категорией времени. Даже многократное и однократное причастия, названные нами вневременными, все же имеют в себе выражение времени, хотя бы в том смысле, что они передают действия, происходящие в течение длительного времени. Но различие между изъявительными и причастными формами в отношении времени заключается в том, что последние выражают лишь действия определенной степени законченности, о чем мы уже писали. И если мы уже называем некоторые причастия прошедшим, будущим и настояще-прошедшим, то следуем в этом отношении лишь исторически сложившейся терминологии, а также и потому, что причастия действительно начали приобретать категорию времени.[1] Нечто подобное мы имеем в одульском языке, в котором, как пишет акад. И. И. Мещанинов, глагольный строй в целом „не передает представления о времени, но выражает результат действия, давая на этот раз уже на своих материалах данные для постановки вопроса о генезисе временных показателей... Представление о времени вовсе не стабильно и во всяком случае не изначально".[2] Это замечание целиком приложимо к причастиям в монгольских языках.

Деепричастия

В бурят-монгольском языке имеются следующие деепричастия:

а) соединительное деепричастие: *Гаһуу дууряажа турлаг уһанда орожо үхэбэ* 'Подражая гусю, ворона погибла в воде (влезая в воду)';

б) разделительное деепричастие: *Тоһыйинь эдеэд торхыйинь эбдэбэ (Х. Н.)* 'Съевши масло, разбил посуду';

в) слитное деепричастие: *Харгыгаа алдан үгэй ябаарай* 'Отправляйся, не теряя своей дороги (т. е. не сбиваясь...); *Уйлан дуулан үгэй ехэ болохо үгэй* 'Без плача и рева не вырастешь';

г) предельное деепричастие: *Минии аймагһаа бусажа ерэтэр та ябаха үгэй бэзэт* 'До моего возвращения из аймака вы, надеюсь, не уедете';

д) последовательное деепричастие: *Танай хэлэхэлээр би ерээ гээшэб* 'Я пришел сюда, как только вы вызвали меня (...сказали...)';

е) предварительное деепричастие: *Минии ерэмсээр булта бодоо гээшэ* 'Как только я пришел, все встали';

ж) продолжительное деепричастие: *Элдэб муухайгаар харагһаар гаран ошобо* 'Вышел, продолжая смотреть уничтожающим взглядом (т. е. сердито, недовольный)'; *Эндэ ерэһээр гурба хонобоб* 'С тех пор, как я приехал сюда, прошло трое суток';

з) мгновенное деепричастие (?): *Хазаарая ябуул дунда абаад газаа гарба* 'Моментально (или вдруг) схватил свою узду и выбежал вон';

---

[1] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, стр. 58.
[2] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 311—312.

и) условное деепричастие: *Шинии ерэбэл бидэ гурбан багша болхобди* 'В случае твоего прибытия (=Если ты прибудешь) нас будет трое учителей'.

Вот основные девять деепричастий, которые имеются в бурят-монгольском языке. Однако, кроме перечисленных в отдельных говорах имеются и некоторые другие, например: 1) заменное деепричастие: *абанхаар* 'вместо того', 'чтобы брать, лучше...'; 2) деепричастие объекта: *абуутай байнаб* 'имею что взять' (у кого); 3) деепричастие образа действия: *hуумгаа унтааб* 'спал я сидя'; 4) деепричастие цели: *танайда аймшалангаа ошохоб* 'пойду к вам гостить' (=в гости).

Из перечисленных выше деепричастий вызывает сомнение мгновенное деепричастие: правильно ли его определять как деепричастие?

То основное, что отличает деепричастия от всех прочих глагольных форм, заключается в том, что все они не имеют категории времени и синтаксически выражают действия, являющиеся обстоятельствами других действий. Это положение нуждается, однако, в ряде оговорок. Во-первых, соединительное, слитное и разделительное деепричастия при первом взгляде как будто бы относятся к настоящему (первые два) и прошедшему (последнее) временам; но это только отчасти, ибо на самом деле время этих деепричастий определяется временем последующей временной глагольной формы: *хабар болжо, саһан хайлаба* 'весна настала, снег растаял'; *хабар болжо, саһан хайлаха* 'настанет весна, снег растает'. Во-вторых, эти деепричастия в соответствующих положениях выражают не обстоятельственные действия, а вполне самостоятельные, т. е. они могут быть самостоятельными сказуемыми: *хабар болжо байна* 'весна наступает'. Дело ни в какой мере не меняется от того, что сказуемостные деепричастия обязательно сопровождаются связками, ибо последние употребляются при любом сказуемом (только изъявительные формы функционируют без связки).

Деепричастия в монгольских языках могут быть подразделены на две группы: на сопутствующие деепричастия и обстоятельственные формы, ради же удобства мы будем говорить о деепричастиях первой и второй групп.

К деепричастиям первой группы относятся — соединительное, слитное и разделительное, а ко второй — все прочие. Основное различие между этими двумя группами деепричастий сводится, во-первых, к тому, что первая группа выражает действие, сопровождающее последующее, параллельное с ним во времени, тогда как вторая группа передает действие, являющееся для последующего действия обстоятельством цели, условия, предела, момента, образа и т. д. Во-вторых, если то или иное значение любого деепричастия второй группы стабильно, более точно, однозначно, то не то с деепричастиями первой группы.

Примеры:

Тэндэ ябажа болно	'Туда ходить можно'
Мори унажа үзөө үгэй	'На коне верхом еще не ездил' (или: 'Не пробовал еще ездить', буквально: не видел ездя верхом')
Нара гаржа дулаан болбо	'Солнце взошло, и стало тепло'
Зунай халуун наран үндэртөө хүржэ, үргэн дэлхэйн сэсэг набша, үбэһэ ногоог эдеэшэжэ амитан зоной ажалай саг ойротобо	'Палящее летнее солнце стоит высоко, по широкой земле стали распускаться цветы, а для людей настало время начала летней работы'
Шара нохой гэртэ үйн орожо ерээд гангинаа	'Собака вбежала в юрту и завизжала' (буквально: 'бегая входя пришедши завизжала')

Если в последнем примере слитное (*гүйн*) и соединительное (*орожо*) деепричастия действительно выражают обстоятельственные действия ('как? — бегом, входя', буквально: 'бегая и входя пришла'), то в третьем и четвертом примерах соединительное деепричастие выражает сказуемые в сочиненных предложениях, а в первых двух оно, управляясь последующими глаголами, выражает объектные действия („что можно? — туда ходить; что не видела? — верховую езду"). Дело, следовательно, вовсе не в том, что то или иное деепричастие по-разному переводится на русский язык, а в том, что оно логически выражает различные понятия. Бывает так, что какая-нибудь форма, переводясь на русский язык по-разному, логически выражает одно и то же, например: *орой болходо ябахаб* 'пойду когда будет вечер' или 'при наступлении вечера', не то, как мы видели, с соединительным деепричастием.

Иными словами, деепричастия первой группы по своим синтаксическим функциям разнообразнее деепричастий второй группы; они в предложении могут быть слитным сказуемым, сочиненным сказуемым и обстоятельством образа действия, выраженного в последующем глаголе, например:

1) Сочиненное сказуемое: *Хамаг мал арляад, сагаан эрэ-эгшэн үлэбэ* 'Весь скот ушел, осталась лишь бело-пестрая корова' (буквально: 'Весь скот ушедши, бело-пестрая корова осталась'). (Загадка о сороке после отлета птиц).

2) Слитное сказуемое: *Би үсхэлдэр ерээд маргааша бусаха байнаб* 'Я приехал вчера, а уезжаю обратно завтра' (буквально: 'я, вчера приехав, завтра уезжаю обратно').

3) Обстоятельство образа действия: *Тэрэ хүн дохолжо ябана* 'Тот человек идет хромая'.

4) Кроме того, деепричастия первой группы выражают действие, являющееся объектом другого действия, например: *Мори унажа һураба* 'Научился (чему?) ездить верхом на лошади'.

Стало быть, эти деепричастия могут не только подчиняться последующим глаголам, но и сочиняться с ними даже в том случае, если последние даны в форме изъявительного наклонения.

Рассмотрим эти случаи употребления сопутствующих деепричастий в более подробном изложении.

1. Деепричастие как дополнение

Как уже сказано, деепричастия в качестве дополнения управляются последующим глаголом, например: *Тэрэ газар ябажа үзөө үгэй* 'В той местности (он) еще не бывал' (буквально: 'Ту местность бывая не видел').

В этом предложении деепричастие *ябажа* (буквально: „бывая" как бы отвечает на вопрос *юу үзөө үгэйб?* 'Чего еще не видел (испытал)'?

Худал үгэ хэлэжэ болхо үгэй, 'Не следует говорить ложь'. В этом предложении деепричастие *хэлэжэ* (буквально: 'говоря') как бы отвечает на вопрос „чего нельзя, чего не следует?"

Хүбүүмнай ном уншажа һураба 'Наш мальчик научился читать'. В этом предложении деепричастие *уншажа* (буквально: 'читая') как бы отвечает на вопрос „чему научился?"

Энээгээр ябаад үзэе 'Попробуем пойти по этому месту'. В этом предложении деепричастие *ябаад* (буквально: 'сходивши') как бы отвечает на вопрос „чего попробуем?".

Энээниие хэжэ шадахагүйб 'Я не смогу этого сделать'. В этом предложении деепричастие *хэжэ* (буквально: 'делая') как бы отвечает на вопрос „чего я не смогу?".

Зай-вай! Тэрээние бэшэжэ ядахагүйш! 'Ну-ну! Не можешь не суметь написать это'! В этом предложении деепричастие *бэшэжэ* (буквально: 'пиша') как бы отвечает на вопрос „чего не можешь не суметь?"

Характерной особенностью деепричастного дополнения является то, что, во-первых, оно всегда выражает объектное действие, во-вторых, тем отличается от деепричастного определения, что оно по смыслу никогда не отвечает на вопрос — „как? или каким образом?"; в-третьих, никоим образом не может переделано в другую глагольную форму; в-четвертых, оно почти всегда переводится на русский язык неопределенным наклонением; и в-пятых, оно встречается лишь при некоторых глаголах, типа: *hурха научиться, үзэхэ* — лишь в значении 'пробовать', а не 'увидеть', *дадаха* 'привыкать', *шадаха мочь, ядаха* 'не мочь', *болхо* — лишь в значении 'можно', а не стать. Как известно, русские эквиваленты этих глаголов управляют неопределенным наклонением, например: можно написать, не могу написать, попробую написать, научился или привык писать и т. д.

Сказанное означает, что, например, деепричастие *уншажа* (в предложении *Манай хүбүүмнай уншажа hурба* 'Наш мальчик научился читать') выражает действие (*уншалга* 'чтение'), которому „научился (*hурба*) мальчик". Вместе с тем это деепричастие не указывает, каким образом научился мальчик, т. е. оно не является в данном случае определением. И, кроме того, это же деепричастие в указанном примере без потери своего значения не может быть переделано в другую форму, например, вместо *уншажа hурба* — 'научился читать' нельзя сказать *уншаба, hурба*, ибо это будет уже означать другое, а именно: „прочитал и (чему-то) научился".

2. Деепричастие как определение (обстоятельство образа действия)

Деепричастия первой группы в качестве определения глагола или обстоятельства образа действия выражают действия, мыслимые и представляемые говорящими в качестве способа или (образа) другого действия. И только в этой своей функции бурят-монгольские сопутствующие деепричастия совпадают по своему значению с русскими деепричастиями или наречиями, каковыми они лишь и переводятся на русский язык. Иными словами, эти деепричастия в качестве определения отвечают на вопрос „как или каким образом совершается то или другое действие *(яажа, ямар аргаар)*".

Хүбүүмнай гэртэ үйжэ оробо 'Мальчик бегая (бегом) вошел в юрту'. В этом предложении деепричастие *үйжэ* ('бегая') выражает характер другого действия, т. е. отвечает на вопросы: как мальчик вошел в юрту? Поэтому это деепричастие, с одной стороны, тем отличается от деепричастного же дополнения, что оно переводится по-русски деепричастием же „бегая" или наречием „бегом", а не неопределенным наклонением: если выражение *үйжэ hурба* можно переводить „научился бегать", то выражение *үйжэ оробо* нельзя переводить в виде „вошел бегать", а надо: „вошел бегая или бегом".

С другой стороны, деепричастное определение имеет с деепричастным же дополнением то общее, что оно, так же как и последнее, не может быть переделано в другую форму без потери данного значения. Например, выражение *үйжэ оробо* нельзя переделать в виде *үйбэ, оробо*, ибо это будет означать уже другое, а именно: „бегал и вошел" („где-то бегал, а войти мог тихо). Эта-то особенность и отличает как деепричастное определение, так и деепричастное же дополнение от деепричастных же слитных сказуемых (см. ниже).

Тэрэ хүн энеэжэ ябана 'Тот человек идет смеясь' (со смехом). В этом примере деепричастие *энеэжэ* 'смеясь' показывает, как идет тот человек, т. е. является определением другого действия.

Адуун саһа сабшажа эдишээ олоно 'Табун добывает себе корм, разрыхляя снег'. В этом примере деепричастие *сабшажа* 'разрыхляя' показывает, каким образом табун добывает себе (зимою) корм.

Иными словами, деепричастное определение или обстоятельство образа действия лишь поясняет, каким образом совершается то или иное действие.

С пунктуационной точки зрения деепричастные определение и дополнение одинаково характеризуются тем, что они не отделяются запятыми от своего сказуемого.

3. Деепричастное сказуемое

Деепричастия первой группы (сопутствующие) в качестве сказуемого тем отличаются от деепричастных дополнений и определений, что они выражают самостоятельные действия, которые никоим образом не поясняют того, каким способом совершается действие последующего глагола.

Үсхэлдэр би эндэ ерээд, үнөөдэр гэдэргээ бусахамни 'Я вчера приехал сюда, а сегодня собираюсь вернуться домой'. В этом предложении деепричастие *ерээд* (буквально: 'приехавши') никоим образом не поясняет того, каким образом „я собираюсь вернуться домой". Поэтому оно, являясь по смыслу слитным сказуемым, может быть переделано в другую форму: *Үсхэлдэр би эндэ ерээб, үнөөдэр гэдэргээ бусахамни* — смысл остается тот же самый, хотя мы деепричастие *ерээд* переделали в причастную форму.

Выше мы видели, что сочетания типа *үншажа һурба* 'научился читать' и *үйжэ оробо* 'вошел бегом' нельзя было выразить иначе и передать в виде *үншаба, һураба; үйбэ, оробо*, ибо тогда смысл предложения получился бы совершенно иной.

Иначе говоря, выражение *үсхэлдэр эндэ ерээд, үнөөдэр гэдэргэ бусаха* есть слитное предложение, а деепричастие *ерээд* (буквально: 'приехавши') не отвечает на вопрос: каким образом я собираюсь вернуться домой?

Еще примеры:

Манай хүбүүн үглөөгүүр сайгаа уужа, үдэшэ орой болтор нааджа ябашээ 'Наш мальчик утром напился чаю и до позднего вечера ушел играть (или: 'наш мальчик, напившись утром чаю, до позднего вечера ушел играть'). В этом примере деепричастие *уужа* 'напившись' не поясняет того, как или каким образом мальчик ушел играть: характер игры мальчика остается в данном случае неизвестным.

Абамнай морёо уяжа тэргэ юугээ сааша наашань болгоод, суглаанда ошобо 'Наш отец привязал лошадей, убрал куда нужно телеги и ушел на собрание'. Опять-таки в этом предложении деепричастия *уяжа* (буквально: 'привязывая') и *болгоод* (буквально: 'убрав') не поясняют того, как и каким образом ушел отец на собрание.

В обоих последних примерах деепричастия *уужа, уяжа, болгоод* без потери данных значений можно переделать в иные формы, например: *Манай хүбүүн үглөөгүүр сайгаа ууба, үдэшэ орой болтор нааджа ябашээ* — смысл тот же (см. выше).

Абамнай морёо уяба, тэргэ юугээ сааша наашань болгобо, суглаанда ошобо — смысл тот же (см. выше).

В обоих случаях чувствуется лишь определенная стилистическая шероховатость, но ничего грамматически неправильного в них нет.

Деепричастие в качестве сказуемого в сочиненном предложении только тем и отличается от деепричастного же слитного сказуемого,

что оно имеет свое особое подлежащее, параллельное с подлежащим следующего глагола.

Примеры:

Наран шангаар шаража, үбэһэ ногоон түргэн хатаба 'Солнце стало сильно припекать, и скошенное сено быстро высохло'

Намар болжо, шубууд арилба 'Настала осень, и птицы улетели'

Как слитные предложения, так и сочиненные, образуются тогда, когда по смыслу два или более действия тесно связаны между собой (иногда даже и с причинной точки зрения), например: *намар болжо, шубууд арилба* в сущности не отличается от *намар болходо шубууд арилба* 'когда настала осень, птицы улетели'. Следовательно, сочиненное предложение иногда может быть несочиненным предложением, при этом первая часть такого предложения, как видно из этого примера, переделывается в причастный оборот. То же самое происходит и со слитным предложением, например: *Газаа хүл нюсэгэн гараад, хүйтэ абабаб* 'Я вышел босиком на улицу и простудился = *газаа хүл нюсэгэн гарһанһаан хүйтэ аббаб* 'Я простудился от того, что босиком вышел на улицу'.

* * *

Как видно из изложенного, деепричастия в бурят-монгольском языке существенно отличаются от деепричастий русского литературного языка тем, что в последнем примыкание деепричастий к глаголу требует, чтобы носителем действия сознавалось при обоих (т. е. и при деепричастии и при глаголе) одно и то же лицо. По-русски, например, нельзя сказать: „Весь скот ушедши, осталась лишь одна пестрая корова". Но в русском литературном языке отступления от изложенного правила имеют место под влиянием иностранного языка или разговорной речи (диалектов), например: „Прощаясь со мною в саду, у него были слезы на глазах" (Герцен); „Проходя через залу, ей встретился лакей" (Лермонтов). Сравни французское: „En disant ces mots, les larmes lui vinrent aux yeux" (Фенелон) — буквально: „Говоря эти слова, слезы у него навернулись на глаза".[1]

Деепричастия первой группы еще отличаются от деепричастий второй группы тем, что последние являются как-бы близкими к именным формам. Дело в том, что деепричастия второй группы могут управлять именами в родительном падеже и принимать различные притяжания, что свойственно только именам, например:

Нельзя:

минии ябажа...	*ябажатнай...*
шинии ябан...	*ябажамнай...*
танай ябаад...	*ябаадаа...*
ябажашни...	*ябаншни* и т. д.

Но можно:

минии ябатар	до моего ухода
шинии ябабал	в случае твоего ухода
ябабалтнай	в случае вашего ухода
ябатарнай	до нашего ухода
ябатараа	до своего ухода
ябахалаарнай	как только мы ушли и т. д.

[1] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, Харьков, 1937, стр. 306.

Из деепричастий второй группы только мгновенное и замененное не принимают притяжания и не управляют именами в родительном падеже; объясняется это тем, что мгновенное деепричастие по существу является „чистым" отглагольным наречием; что же касается заменного деепричастия, то вопрос о нем надо до детального обследования оставить открытым, так как все же в отдельных говорах (аларском) оно употребляется иногда с именем в родительном падеже: *шинии ябанхаар би ябаһууб* 'чем тебе итти, лучше я пойду'. Так называемое продолжительное деепричастие в расчет не принимается, так как оно по существу и форме является, как известно, прошедшим причастием в орудном падеже *(ябаһаар)* с выпадением конечного *н*, что обычно и для других имен с этим согласным.

По содержанию деепричастия второй группы, как уже говорилось, выражают действия, являющиеся для других действий обстоятельством цели, условия, предела, момента, образа и т. п. (см. примеры г, д, е, ж, з, и на стр. 76). Иными словами, эти деепричастия выражают в общем то же самое, что в русском языке передается при помощи отглагольно-именных сочетаний и придаточно-подчиненного предложения разных типов (см. выше переводы примеров). Далее деепричастия второй группы по своей синтаксической функции почти ничем не отличаются от причастий, даваемых во всех косвенных падежах: и тут и там логический субъект действия передается именем в родительном падеже (в халха-монгольском языке — и в винительном), сравни:

минии ябахада 'при моем уходе'
минии ябаһаниие 'о моем уходе'..., 'мой уход'
танай ябаһанһаа 'от того, что вы пошли'...; 'от вашего ухода'

Деепричастия второй группы, как и причастия, в косвенных падежах принимают различные притяжания.

Примеры:

ябатараа	*ябахадаа*
ябатаршни	*ябаһандашни*
ябабални	*ябахыемни*

и т. д.

Сказанного вполне достаточно для того, чтобы оправдать резкое и принципиальное различие между перечисленными двумя группами деепричастий. И, быть может, следовало бы наименование „деепричастие" сохранить лишь для первой группы, т. е. для соединительного слитного и разделительного деепричастий, придумав для второй группы какое-нибудь другое наименование: „модальные" и „обстоятельственные формы" или что-нибудь в этом роде. Мы уже не говорим о том, что деепричастия второй группы, по сравнению с деепричастиями же первой группы, пережили более значительные изменения на путях своего развития и нынешнего становления. Исторический обзор деепричастных форм сделан Г. И. Рамстедтом.[1]

Появление деепричастных форм было связано с фонетической дифференциацией отдельных форм, сопровождаемой семантической филиацией. Так, например, относительно деепричастия предела и его формы *тар (сар)* и халха-монгольских *дал* и *тал* можно сказать, что они связаны с формой отглагольного имени *дал* (*байдал* 'состояние' и т. п.). В монгольском письменном языке имеем форму этого деепричастия в виде *тал-а*, где *а* окончание местного падежа.

[1] G. J. Ramstedt. Ueber die Konjugation ..., стр. 104—119.

Точно также „стали" деепричастиями второй группы будущее причастие в форме дательно-местного падежа (*дуулахаа* или *дуулахаяа* 'чтобы петь'), прошедшее причастие в орудном падеже (*ябаһаар* 'продолжая итти') и т. д.[1] Таким образом, в некоторых случаях мы имеем явления грамматикализации определенных именных форм в качестве деепричастий второй группы, чем и объясняется то, что последние могут управлять именами в родительном падеже, принимать притяжательные окончания и т. д., т. е. как бы склоняться, чего никоим образом нельзя сказать о деепричастиях первой группы. Следовательно, деепричастия второй группы — безусловно именного происхождения, и появились они лишь после того, как прошло много времени после образования системы склонения вообще.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Общие замечания

В бурят-монгольском языке средством словоизменения является агглютинация, т. е. „приклеивание" к основе изменяемого слова соответствующего окончания. Следовательно, основа „есть форма слова, способная на дальнейшее активное морфологическое существование, т. е. способная порождать другие формы".[2] Основой для изменения имен считается, как известно, форма именительного падежа. Но в некоторых случаях основа имени не совпадает с формой именительного падежа, как это будет ниже показано на примерах склонения личных местоимений и в синтаксисе. По существу говоря, основа имени и форма именительного падежа по своему значению и природе не одно и то же, хотя в большинстве случаев они внешне и совпадают друг с другом.[3]

Сказанное находит свое подтверждение в отдельных явлениях синтаксиса; например, некоторые послелоги и слова со значением последних употребляются лишь при таких основах личных и указательных местоимений, которые внешне совершенно не совпадают с формами именительного падежа тех же местоимений:

а) Формы именительного падежа:

энэ	'этот'	*би*	'я'
тэрэ	'тот'	*ши*	'ты'
та	'вы'	*эдэ*	'они, эти'

б) Основы этих же местоимений:

энээн	*энээн дээрэ*	'на этом'
тэрээн	*тэрээн доро*	'под тем'
тан	*тан дээрэ*	'над вами'
нам	*нам дээрэ*	'надо мною'
шам	*шам дээрэ*	'над тобою'
эдээн	*эдээн соо*	'среди них'

Особенно характерно, что основы личных местоимений при употреблении их с послелогами заменяются формами родительного падежа, а не именительного.

Примеры:

минии доро (нельзя: *би доро*)	'подо мною'
шинии дээрэ (нельзя: *ши дээрэ*)	'над тобою'

[1] Н. Н. Поппе. Аларский говор, часть I, стр. 120—127. G. J. Ramstedt. Ueber die Konjugation... Стр. 104—119.

[2] См. Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 70.

[3] Там же, стр. 108—109.

Таким образом ясно, что основа имени и форма именительного падежа это разные вещи, лишь внешне совпадающие друг с другом. Изложенное дает нам основание утверждать, что послелоги никогда не употребляются при форме именительного падежа; так в примерах *гэр соо* 'в юрте' и *хүүхэд дотор* 'среди детей' мы усматриваем лишь основы *гэр* 'юрта' и *хүүхэд* 'дети', но не формы именительного падежа.

Основой для изменения глагола является форма обращения ко второму лицу единственного лица.

Основа непроизводного слова совпадает с корнем последнего почти всегда, и лишь при некоторых омертвелых или почти омертвелых суффиксах можно установить, что корень и основа не совпадают друг с другом.

Примеры:

корень +	суффикс	основа:	
са +	*һан*	*саһан*	'снег'
у +	*һан*	*уһан*	'вода'
тэмэ +	*эн* (← *гэн*)	*тэмээн*	'верблюд'
дула +	*ан* (← *ган*)	*дулаан*	'тепло'
хой +	*но*	*хойно*	'позади'

Слов с подобными омертвелыми суффиксами, т. е. слов, у которых основа не совпадает с корнем, в бурят-монгольском языке довольно много.

К одной основе может присоединиться несколько окончаний,[1] например: *барюурнуудтань* 'к его ручкам'.

Это слово распадается на:

1) корень (*бари* 'держи'),

2) суффикс *юур*, образующий имя от глагольной основы (*барюур* 'ручка'),

3) окончание множественного числа *нууд*, образующее вторую основу имен (*барюурнууд* 'ручки'),

4) окончание дательно-местного падежа *та* (*барюурнуудта* 'к ручкам'),

5) частица притяжания третьего лица *нь*, означающая „его" или „их".

В бурят-монгольском языке наращение окончаний к основе изменяемого слова или словоизменение в целом чрезвычайно простое: основа при этом почти не претерпевает никаких изменений, а огласовка окончаний полностью зависит от вокализма изменяемого слова в соответствии с законом сингармонизма гласных, о чем уже говорилось выше в разделе фонетики. Поэтому мы в нашем дальнейшем изложении не будем в каждом отдельном случае указывать, что в словах заднего или переднего ряда употребляются окончания с той или иной огласовкой. Упомянем лишь о двух случаях изменения основы изменяемого слова в литературном языке, а именно:

1) Если основа любого изменяемого слова оканчивается на гласный *и* и мягкий знак *ь*, а соответствующее окончание начинается с любого долгого гласного,[2] то упомянутые *и* и *ь* отбрасываются.

Примеры:

хани	'друг'	*ханяар*	'другом'
артель	'артель'	*артелиин*	'артели' (род. п.)
хари	'вернись'	*харяад*	'вернувшись'
сохи	'бей'	*сохёо*	'бил'

[1] См. Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 71.

[2] Кстати сказать, в бурят-монгольском литературном языке краткие гласные не бывают в начале окончания.

2) Почти все имена с конечным согласным *н* теряют его во всех падежах кроме именительного, родительного, дательно-местного и исходного (см. ниже).

Следует в заключение упомянуть еще об одном явлении, имеющем место во всей системе словоизменения: если основа любого изменяемого слова оканчивается на долгий гласный, особо не обозначаемый лишь в заимствованных словах (русский ударный гласный адоптируется в качестве долгого), или дифтонг, а соответствующее окончание начинается с тех же звуков, то между ними (основой и окончанием) вставляется в качестве „буфера" соединительный согласный *г*.

Примеры:

буу + аар = буугаар	'ружьем'
Москва + ай = Москвагай	'Москвы'
хаа + аад = хаагаад	'закрыв'
нээ + ээд = нээгээд	'открыв'
шатаа + аа = шатаагаа	'сжег'

Описанное явление, имеющее место и в словообразовании, в учебных грамматиках по методическим соображениям излагается в каждом отдельном случае несколько иначе, например говорят: „Если основа имени оканчивается на долгий гласный или дифтонг, то она в орудном падеже принимает окончание *гаар, гоор, гээр, гөөр*, а не — *ар* и т. д." Этого же способа изложения будем придерживаться в дальнейшем и мы.

Говоря о видах или формах словоизменения в бурят-монгольском языке, нам придется иметь дело с:

1) образованием именных основ множественного числа,
2) склонением по падежам имен вообще,
3) склонением местоимений,
4) двойным склонением,
5) притяжанием и
6) спряжением глагола.

Образование множественного числа

В бурят-монгольском языке для имен имеются единственное и множественное числа.

Форма единственного числа внешне всегда совпадает с корнем или основой, а множественное число представляет собой простое наращение соответствующего окончания к основе единственного числа (за исключением случаев, оговоренных ниже). Особенностью употребления грамматических чисел в бурят-монгольском языке является то, что при наличии количественного определения определяемое имя чаще всего формально остается в единственном числе.

Примеры:

олон гэр	'многие юрты'
хоёр гар	'две руки'
долоон морин	'семь лошадей'

Буквально: 'много юрта', 'две рука', 'семь лошадь'.

Иногда форму множественного числа принимает определение, а не определяемое, формально остающееся в единственном числе.

Примеры:

ехэнүүд гэр	'большие юрты'
һайнууд ном	'хорошие книги'
багануүд тугал	'малые телята'

Буквально: 'большие юрта', 'хорошие книга', 'малые теленок'.

Возможно, впрочем, согласование в числе определения с определяемым.

Примеры:

ехэнγγд гэрнγγд	'большие юрты'
һайнууд морид	'хорошие лошади'

Но все же наиболее типичными для бурят-монгольского языка являются те случаи, когда 1) при количественном определении определяемое формально остается в единственном числе, а 2) при множественном определяемом не-количественное определение не согласуется с первым в числе, т. е. формально остается в единственном числе:

Примеры:

олон гэр	'многие юрты'
хурдан морид	'быстрые лошади'

Буквально: 'много юрта', 'быстрая лошади'.

Переходим к перечню окончаний множественного числа.

1) Окончание *д* употребляется, если основа единственного числа оканчивается на согласный *н* или на суффикс *гша*.

Примеры:

хонин	'овца'	*хонид*	'овцы'
хүбγγн	'мальчик'	*хүбγγд*	'мальчики'
таряашан	'земледелец'	*таряашад*	'земледельцы'
һурагша	'ученик'	*һурагшад*	'ученики'

Под влиянием некоторых отдельных диалектов это окончание принимают также имена с конечными гласными.

Примеры:

шоно	'волк'	*шонод*	'волки'
бага	'малый'	*багад*	'малые'

Некоторые отдельные имена с конечным согласным *н* во множественном числе принимают окончание *ууд, γγд*.

Примеры:

хүн	'человек'	*хүнγγд*	'люди'
улаан	'красный'	*улаануд*	'красные'

Имена *нγхэр* 'друг' и *тугал* 'теленок' также образуют множественное число при помощи окончания *д*:

Примеры:

нγхэд	'друзья'
тугад	'телята'

Количественное имя *баян* 'богатый' образует множественное число двояким образом, а именно: *баяд* или *баяшуул* (по говорам также *баяшуул*) 'богачи'.

Таким образом, при образовании множественного числа с помощью окончания *д* мы имеем не агглютинацию, а изменение конечного согласного *н*, который в таких случаях всегда отбрасывается. То же самое мы видели в случаях типа *тугал — тугад* 'телята' и *нγхэр — нγхэд* 'друзья'.

2) Окончание *ууд, γγд* употребляется, если основа единственного числа оканчивается на согласные *б, г, д, м* и иногда на так называемый устойчивый (некогда — переднеязычный) *н*.

Примеры:

хэб	'форма'	*хэбүүд*	'формы'
ном	'книга'	*номууд*	'книги'
алаг	'пегий'	*алагууд*	'пегие'
арад	'народ'	*арадууд*	'народы'
зон	'люд'	*зонууд*	'люди'

В большинстве случаев имена с конечным устойчивым *н* образуют множественное число при помощи окончания *д* (см. выше).

3) Окончание *нууд нүүд* употребляется, если основа единственного числа оканчивается на любой гласный или согласные *р* и *л* (кроме *нүхэр* 'друг' и иногда *тугал* 'теленок', — см. выше).

Примеры:

гэр	'юрта'	*гэрнүүд*	'юрты'
баатар	'богатырь'	*баатарнууд*	'богатыри'
айл	'селение'	*айлнууд*	'селения'
арал	'оглобля'	*аралнууд*	'оглобли'
нохой	'собака'	*нохойнууд*	'собаки'
жороо	'иноходец'	*жороонууд*	'иноходцы'
хара	'черный'	*харанууд*	'черные'
тала	'степь'	*таланууд*	'степи'
шоно	'волк'	*шононууд*	'волки'

Относительно окончаний *ууд, үүд* и *нууд, нүүд* следует указать, что они в зависимости от диалектных колебаний могут иногда употребляться одно вместо другого. В данное время мы можем лишь в самых общих чертах указать, что окончание *ууд, үүд* употребляется, главным образом, в тех случаях, когда основа единственного числа оканчивается на смычные согласные, тогда как окончание *нууд, үүд* употребляется при основах с конечными гласными и проточными согласными. Положение вещей осложнено тем обстоятельством, что в бурят-монгольском языке, во-первых, имена во множественном числе употребляются очень редко (сравнительно с тем, что мы имеем в русском языке), так как наличие при определяемом количественного определения делает это излишним, о чем мы выше уже говорили; во-вторых, в этом языке конечными согласными могут быть лишь *б, г, д, л, м, н, р* (прочие согласные бывают конечными лишь в заимствованных словах, в отношении которых еще не выработались определенные правила образования множественного числа,— но все же тенденция такова, что имена с конечными проточными согласными „склонны" образовать множественное число при помощи окончания *нууд, нүүд*, а со смычными *ууд, үүд*).

4) Окончание *гууд, гүүд* употребляется, если имя имеет конечный *н*, искони являющийся заднеязычным.

Примеры:

ан (← *аң*)	'зверь'	*ангууд*	'звери'
дэн (← *дэң*)	'свеча'	*дэнгүүд*	'свечи'

5) Окончание *нар, нэр, нор* употребляется, если имена, обозначающие разные категории людей, оканчиваются на гласный.

Примеры:

аха	'старший брат'	*аханар*	'старшие братья'
дүү	'младший брат'	*дүүнэр*	'младшие братья'
башша	'учитель'	*башшанар*	'учителя'
пролетари	'пролетарий'	*пролетаринар*	'пролетарии'

Относительно этого окончания Н. Н. Поппе думает, что „при его помощи множественное число образуется преимущественно от таких имен, которые обозначают лиц, социально стоящих высоко, в силу чего этот суффикс должен рассматриваться как одно из очень ярких проявлений классового характера языка и как наследие одной из предшествующих стадий его развития“ (разрядка наша.).[1] Это утверждение является чрезвычайно поспешным, ибо невозможно доказать, что слова: *дүүнэр* ‘младшие вообще’, *вээнэр* ‘дети сестры и дочери’, *хяанар* ‘слуги, пажи’ и т. д. — являются такими именами, которые „обозначают лиц, социально стоящих высоко“. И как можно говорить о „ярко классовом характере“ этого окончания, если оно имелось в языке еще в доклассовое время?

Иногда в бурят-монгольском языке имеет место образование двойного множественного числа, по значению не отличающегося от обычного множественного числа.

Примеры:

һамагад — һамагадууд ‘старухи’
ламанар — ламанарнууд ‘ламы’

Н. Н. Поппе[2] совершенно правильно исключает из группы окончаний множественного числа такие суффиксы, как *шууд, шүүд, шуул, шүүл, тан*, каковые в действительности являются суффиксами образования собирательных имен, хотя и переводимых иногда на русский язык именами во множественном числе, например: багашууд ‘малыши’, ‘детвора’, *залуушуул* ‘молодежь’, ‘молодые’.

В заключение отметим, что иногда согласный *н* является как бы окончанием множественного числа от основ с суффиксами *та* и *ша*.

Примеры:[3]

эрдэмтэ	‘ученый’	*эрдэмтэн*	‘ученые’
һаалиша	‘доярка’	*һаалишан*	‘доярки’
мэдээшэ	‘знаток’	*мэдээшэн*	‘знатоки’

По особому образуется множественное число от местоимений.

Примеры:

би	‘я’	*бидэ*	‘мы’
ши	‘ты’	*та*	‘вы’
энэ	‘этот’	*эдэ*	‘эти’
тэрэ	‘тот’	*тэдэ*	‘те’
өөрөө	‘сам’	*өөдөө*	‘сами’

Это является отступлением от агглютинативного принципа. Но, по существу говоря, данное „образование множественного числа“ от этих местоимений следует считать явлением словообразования, а не словоизменения. От личных и указательных местоимений множественного числа образуется второе множественное число, что придает оттенок вежливости личным местоимениям и „превращает“ указательные местоимения в личные местоимения третьего лица (поскольку последние не могут употребляться в предложении в качестве определения, нахо-

[1] Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 114.
[2] Там же, стр. 115.
[3] Это отмечено П. О. Доржиевым в его „Учебнике бурят-монгольского языка для начальной школы“, Улан-уде, 1938, часть II, стр. 27 (на бурят-монгольском языке).

дясь в форме именительного падежа: нельзя сказать *эдэнэр гэр* в значении 'эти юрты', но иногда допустимо *эдэ гэр*).

Примеры:

бидэ	*бидэнэр*	'мы'
та	*таанар*	'вы'
эдэ	*эдэнэр*	'они' (эти)
тэдэ	*тэдэнэр*	'они' ('те')

Как на особенность бурят-монгольского языка следует указать, что в нем местоимения *хэн* 'кто' и *юун* 'что' имеют формы множественного числа: *хэд* 'кто?' (о многих) и *юуншуд* 'что?' (о многих).

Как уже выше говорилось, качественные имена иногда обозначают качества в абстрагированном (от предмета) виде, т. е. соответствуют русским качественным существительным, находясь лишь в форме единственного числа, например: *Энэ гэрэй һайханиие харагты* 'Посмотрите на красоту этого дома'.

Но качественные имена теряют эту способность обозначать „опредмеченное" качество, будучи употреблены во множественном числе: в таких случаях эти имена обозначают лишь предметы, обладающие данным качеством. Поэтому они не могут соответствовать русским качественным существительным, данным в форме множественного числа (типа „красóты, высóты" и т. д.), например: *һайхануд гэр* 'красивые дома', *һайхануудые хараба* 'увидел красивых'.[1]

В отдельных случаях имя во множественном числе приобретает иное значение.

Примеры:

эхэ	'мать'	*эхэнэр*	'жена'
хүүхэн	'девушка'	*хүүхэд*	'дети'

Склонение имен вообще

В бурят-монгольском языке по характеру падежного склонения в одну группу входят все предметные и качественные имена, числительные, причастия и большинство местоимений, кроме личных и некоторых указательных; при этом склонение всех этих имен во множественном числе ничем не отличается от склонения имен же в единственном числе. Поэтому в бурят-монгольской грамматике следует говорить о склонении имен вообще.

Суть падежного склонения в бурят-монгольском языке сводится к тому, что к основе имени присоединяется окончание соответствующего падежа. Если же какой-либо падеж имеет несколько окончаний, то „выбор" того или иного окончания зависит исключительно от того, на какой звук оканчивается основа склоняемого имени, которая при этом остается без всякого изменения. Следует все же иметь в виду, что некоторые имена, имеющие в конце так называемый неустойчивый согласный *н*, теряют его в винительном, орудном и совместном падежах, в которых они склоняются уже как имена, имеющие конечные краткие или долгие гласные. Так как падежное склонение в бурят-монгольском языке чрезвычайно простое, мы ниже ограничиваемся лишь приведением таблицы падежных окончаний с некоторыми примерами, тем более, что о значении падежей будет сказано в синтаксисе.

---

[1] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, стр. 62—63.

Таблица склонения

Окончание	Конечный основы склоняемого имени	Примеры	
1. Именительный падеж			
нет	любой	—	
2. Родительный падеж			
ын	краткий гласный, кроме *и* аффрикат 2—3 согласные *щ*	*ахын* *врачын* *поездын* *плащын*	'брата' 'врача' 'поезда' 'плаща'
ийн	краткий *и* палатализованный согласный	*хариин* *артелиин*	'чужого' 'артели'
ай	согласный, кроме заднеязычного *н*	*малай* *модоной*	'скота' 'дерева'
гай	долгий гласный, кроме *ы* и *ии* заднеязычный *н*	*тахяагай* *киногой* *ангай*	'курицы' 'кино' 'зверя'
н	дифтонг долгий *ы* долгий *и* или *ии*	*далайн* *харгын* *Россин* *хиин*	'моря' 'дороги' 'России' 'воздуха'
3. Дательно-местный падеж			
да	любой гласный согласные *ж, з, л, м, н, щ*	*ахада* *колхоздо* *тиражда* *малда* *ээмдэ* *хониндо* *плащда*	'брату' 'в колхозе' 'тиражу' 'скоту' 'к плечу' 'овце' 'к плащу'
та	остальные согласные	*советдэ* *гарта* *хэбтэ* *насосто*	'в совете' 'в руке' 'к форме' 'в насосе'

Продолжение

Окончание	Конечный основы склоняемого имени	Примеры	
	4. Винительный падеж		
ые	краткий гласный, кроме *и*	*ахые*	'брата'
	согласный, кроме *н*	*гэрые*	'юрту'
	неустойчивый *н* после краткого гласного, кроме *и*	*саһые*	'снег'
		нарые	'солнце'
гые	заднеязычный *н*	*ангые*	'зверя'
ие	переднеязычный *н*	*хуухэние*	'девицу'
	неустойчивый *н* после краткого *и*	*морие*	'коня'
	краткий *и*	*комиссие*	'комиссию'
	палатализованный согласный	*артелие*	'артель'
е	дифтонг	*нохойе*	'собаку'
	неустойчивый *н* после долгого гласного	*шубуе*	'птицу'
	долгий гласный	*буе*	'ружье'
		киное	'кино'
	5. Орудный падеж		
аар	краткий гласный, кроме *и*	*талаар*	'степью'
	согласный, кроме заднеязычного *н* и неустойчивого *н*	*малаар*	'скотом'
		мориноор	'с конем'
	неустойчивый *н* после краткого гласного, кроме *и*	*модоор*	'деревом'
гаар	долгий гласный	*хиигээр*	'воздухом'
		жороогоор	'иноходцем'
		киногоор	'по кино'
	дифтонг	*далайгаар*	'морем'
	заднеязычный *н*	*эангаар*	'по обычаю'
	неустойчивый *н* после долгого гласного	*долоогоор*	'семью'
яар	неустойчивый *н* после краткого *и*	*морёор*	'на коне'
(*еэр*	краткий *и*	*даляар*	'крылом'
ёор		*эөөрёөр*	'вещью'
ёөр)	палатализованный согласный	*артелеэр*	'артелью'

Окончание

Окончание	Конечный основы склоняемого имени	Примеры	
	6. Совместный падеж		
тай	любой гласный или согласный	*ахатай*	'с братом'
		малтай	'со скотом'
		моринтой	'с конем'
		моритой	'имеющий коня'
	7. Исходный падеж		
һаа	любой звук, кроме заднеязычного *н*	*моринһоо*	'с коня'
		ахаһаа	'от брата'
		гэрһээ	'из юрты'
гһаа	заднеязычный *н*	*ангһаа*	'от зверя'

Примечания к таблице: 1) Все гласные в составе падежных окончаний, кроме *и* и *ы* (а также и *е* в окончании винительного падежа), подвергаются соответствующему изменению в зависимости от вокализма склоняемого имени (по принципу сингармонизма гласных, о чем уже говорилось выше в разделе фонетики).

Примеры:

малай	'скота'	*хараар*	'черным'
гэрэй	'юрты'	*ехээр*	'по-многу'
модоной	'дерева'	*хороор*	'ядом' и т. д.

2) Мягкий знак (*ь*) и любой краткий гласный в конце основы склоняемого имени отбрасывается во всех тех случаях, когда окончания родительного, винительного и орудного падежей начинаются с гласного.

Примеры:

аха	'брат'	*ахын*	'брата' (род. п.)
		ахые	'брата' (вин. п.)
		ахаар	'братом'
артель	'артель'	*артелиин*	'артели'
		артелиие	'артель'
		артеляар	'артелью'

3) Согласный *н* определяется как „неустойчивый" потому, что он в винительном, орудном и, отчасти, совместном падежах отбрасывается; вместе с этим согласным отбрасываются также краткие гласные, непосредственно ему предшествующие, в винительном и орудном падежах.

Примеры:

уһан	'вода'	*уһые*	'воду'
		уһаар	'водою'
		уһатай	'с водою'

4) Если же неустойчивый *н* сохраняется в орудном или совместном падеже, то склоняемое имя получает значение комитатива.

Примеры:

морин	'конь'	*мориноор*	'с конем'
		но: *морёор*	'на коне'
		моринтой	'с конем'
		но: *моритой*	'имеющий коня'

5) Если в таблице согласный *н* называется „переднеязычным" или „заднеязычным", то это означает лишь „бывший переднеязычным" или „искони заднеязычный", поскольку в современном бурят-монгольском языке переднеязычный *н* не может быть конечным в основе имен.

6) В определенных случаях имя, употребляясь в качестве прямого дополнения — объекта, формально остается в своей чистой основе (при этом неустойчивый *н* отбрасывается).

Примеры:

мал туубa	'погнал скот'
уһа гарuаба	'достали воду'

7) Напоминаем, что долгие гласные в заимствованных из русского языка словах, являющиеся отражением русских ударных гласных, в орфографии особо не отмечаются.

Примеры:

кино (т. е. *кинō* ← *кинó*)	'кино'
Росси (т. е. *Россī* ← *Росси́я*)	'Россия'

И если в местных изданиях такие долгие гласные называются ударными, то это представляют собой лишь методическую фикцию, необходимую для оправдания отступления от общего правила обозначения долготы гласных удвоением соответствующей буквы. Это и необходимо иметь в виду при просмотре приведенной таблицы (родительный, винительный и орудный падежи).

Кроме показанных в нашей таблице семи падежей, Н. Н. Поппе[1] указывает еще на наличие „продольного и предельного падежей". На самом же деле то, что этим автором называется „продольным падежом" с окончанием *уур, үүр*, является образованием от некоторых имен локальных наречий.

Примеры:

дунда	'средний'	*дундуур*	'посередине'
урда	'передний'	*урдуур*	'по передней стороне'
газаа	'вне'	*газаагуур*	'по-вне'

Что же касается „предельного падежа" с окончанием *саа* (*эрье* 'берег': *эрьесээ* 'до берегов' — о подъеме воды), то он употребляется в столь исключительно редких случаях (да и то лишь в одном-двух небольших говорах), что совершенно не учитывается в литературном языке.

Затем Н. Н. Поппе говорит еще о „неопределенном падеже",[2] определяемом нами, как основа, об употреблении которой будет сказано дальше.

О том, что наречия и послелоги имеют частичное склонение, упоминалось уже выше.[3]

Склонение местоимений

Склонение личных и некоторых указательных местоимений в бурят-монгольском языке принципиально ничем не отличается от склонения имен вообще и не создает ничего такого, что давало бы нам основание допускать наличие в этом языке флексии с отступлением от принципа агглютинации. Склонение этих местоимений также иллюстрирует агглютинативный характер бурят-монгольского языка. Особенность склонения местоимений этого языка состоит лишь в том, что их основа по своей внешней форме не совпадает с формой именительного падежа (а выше мы уже указывали, что основа и именительный падеж имени суть не одно

[1] Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 129—130.
[2] Там же, стр. 126.
[3] Подробнее см. Н. Н. Поппе, назв. соч., стр. 130.

и то же). Эти местоимения и их основы представляются в следующем виде:

Именительный падеж	Родительный падеж	Основы для прочих падежей
би 'я'	*минии*	*нам-*
ши 'ты'	*шинии*	*шам-*
бидэ 'мы'		*бидэн-*
"		*ман-*
та 'вы'		*тан-*
энэ 'это'		*энээн-*
тэрэ 'то'		*тэрээн-*
эдэ 'эти'		*эдээн-* или *эдэн-*
тэдэ 'те'		*тэдэн-* или *эдээн-*

Указательные местоимения единственного числа, кроме основ *энээн-* и *тэрээн-*, указанных в таблице и принятых за нормы в литературном языке, по разным говорам имеют еще основы *үүн* и *түүн*.[1]

В соответствии с этой таблицей местоименных основ, склонение приведенных выше местоимений в литературном языке имеет следующий вид:[2]

Именит.	Родит.	Дат.-мест.	Винит.	Орудный	Совместный	Исходный
би 'я'	*минии*	*намда*	*намай* (е)	*намаар*	*намтай*	*намһаа*
ши 'ты'	*шинии*	*шамда*	*шамай* (е)	*шамаар*	*шамтай*	*шамһаа*
бидэ 'мы'	*бидэнэй*	*бидэндэ*	*бидэниие*	*бидэнээр*	*бидэнтэй*	*бидэнһээ*
—	*манай*	*манда*	*маниие*	*манаар*	*мантай*	*манһаа*
та 'вы'	*танай*	*танда*	*таниие*	*танаар*	*тантай*	*танһаа*
энэ 'это'	*энээнэй*	*энээндэ*	*энээниие*	*энээнээр*	*энээнтэй*	*энээнһээ*
	—	—	—	*энээгээр*	—	—
тэрэ 'то'	*тэрээнэй*	*тэрээндэ*	*тэрээниие*	*тэрээнээр*	*тэрээнтэй*	*тэрээнһээ*
	—	—	—	*тэрээгээр*	—	—
эдэ 'эти'	*эдээнэй* *	*эдээндэ*	*эдээниие*	*эдээнээр*	*эдээнтэй*	*эдээнһээ*
тэдэ 'те'	*тэдээнэй* *	*тэдээндэ*	*тэдээниие*	*тэдээнээр*	*тэдээнтэй*	*тэдээнһээ*
	* *тэдэнэй* *эдэнэй* * и т. д.					

Примечание. Звездочками обозначены варианты соответствующих форм.

Как явствует из этой таблицы, склонение личных и указательных местоимений, вопреки утверждению Н. И. Поппе, в принципе не нарушают агглютинативный характер бурят-монгольского языка. Некоторое

[1] Подробнее см. Н. Н. Поппе, назв. соч. стр. 109.

[2] См. М. Н. Имехенов и Г. Д. Санжеев. Грамматика (бурят-монгольского языка). Морфология. Часть I. Улан-Удэ, 1938, стр. 52—53.

кажущееся и частичное отступление от принципа агглютинации при склонении личных местоимений единственного числа в родительном и винительном падежах исторически вытекает от того же принципа агглютинации; то же самое надо сказать относительно основы *ман-* для личного местоимения первого лица множественного числа.[1] Поэтому в бурят-монгольском языке единственное отступление от принципа агглютинации представляет лишь образование множественного числа личных и указательных местоимений.[2]

Склонение всех остальных местоимений ничем не отличается от склонения имен вообще.

Напомним, наконец, что личные местоимения в родительном падеже „заменяют" отсутствующие в бурят-монгольском языке притяжательные местоимения.

Примеры:

минии гэр	'мой' (буквально: 'меня') 'дом'
шинии гэр	'твой' (буквально: 'тебя') 'дом'
манай гэр	'наш' (буквально: 'нас') 'дом'
танай гэр	'ваш' (буквально: 'вас') 'дом'
энээнэй гэр	'его дом' и т. д.

Двойное склонение

Суть двойного склонения заключается в том, что некоторые падежные формы образуются не только от основы имени, но еще также и от других падежных форм, т. е. склоняемыми оказываются не только основы, но и некоторые падежные формы, преимущественно такие, которые могут быть в предложении определениями, т. е. родительный и совместный падежи.

От родительного падежа, таким образом, получаются:

а) родительно-дательно-местный падеж, отвечающий на вопрос *хэнэйдэ* или *юунэйдэ* 'к кому или у кого или чего?' При этом имеется в виду лишь жилище или квартира, иначе говоря, такой „родительно-дательно-местный падеж" не имеет того более широкого значения, какое склонен ему приписывать Н. Н. Поппе, когда он пишет, что этот падеж „имеет значение „к чему? (во что?)", „являющемуся кого (чьим)?" и „к кому? (в чем?)", „являющемуся чьим?", „у кого?"[3]

Примеры:

аха	'брат'
ахын	'брата' (род. п.)
ахында	'к брату' (на квартиру); 'у брата' (на квартире)
та	'вы'
танай	'вас' (род. п.)
танайда	'у вас' (на квартире); 'к вам' (на квартиру);

б) родительно-исходный падеж, отвечающий на вопрос „от кого и чего, принадлежащего кому, чему?"

Примеры:

Ахынһаа 'от дома, принадлежащего брату' ('из квартиры брата' и т. д.)
Манайһаа 'от нашей' (квартиры), 'из нашего' (жилища)

---

[1] См. Н. Н. Поппе, Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 116—117.
[2] См. там же.
[3] Там же, стр. 150.

Если же речь идет не о жилище, то родительно-исходный падеж образуется путем инкорпорации частицы *хи*, вставляемой между окончаниями родительного и исходного падежей.

Примеры:

Манай морин танайхиһаа (=танай+хи+һаа) хурдан гээшэ	'Наша лошадь быстрее вашей'
Миниий шинииихиһээ (шинии+хи+һээ) һайн	'(Нечто) мое лучше, чем (нечто) твое'
Анынхиһаа (=ахын+хи+һаа) абая	'Возьмем из того (тех вещей), что принадлежит брату'

От совместного падежа получаются:

а) Совместно-винительный падеж, отвечающий на вопрос „что или кого вместе с кем или чем?"

Примеры:

Тоһотойе (=тоһо+той+е) эдибэ	'Съел (нечто) с маслом (например, хлеб)'
Тэрэ үнээгээ тугалтайень (=тугал+тай+е+нь) гэртээ орхибо.	'Ту корову вместе с ее теленком оставили дома'

б) Совместно-орудный падеж, отвечающий на вопрос „как?"

Примеры:

амжалтатайгаар(=амжалта+тай+гаар)	'с успехом, успешно'
үнэтэйгөөр (=үнэ+тэй+гөөр)	'с ценой, дорого, по дорогой цене'[1]

Притяжание

Принадлежность одного предмета другому в бурят-монгольском языке выражается при помощи родительного падежа, имя в форме которого является определением.

Примеры:

манай гэр	'наш дом'
энээнэй гэр	'его дом'
шинии гэр	'твой дом'
танай гэр	'ваш дом'
малай хашаа	'сарай (для) скота'

Личные местоимения в родительном падеже в „усеченной" форме ставятся очень часто после определяемого, при этом они теряют свое самостоятельное ударение и долготу, становясь тем самым лично-притяжательными частицами, которые употребляются при всех падежах и пишутся слитно с окончаниями последних. Эти частицы и их употребление можно представить в виде следующей таблицы:

[1] Ср. Н. Н. Поппе, назв. соч. стр. 150—151

Лицо и число	Конечный основы или падежа	Частица	Примеры	
1-е, единственное	гласный	*мни*	*ахадамни*	'моему брату'
	согласный	*ни*	*ахаарни*	'моим братом'
1-е, множественное	гласный	*мнай*	*ахаһаамнай*	'от нашего брата'
	согласный	*най*	*малнай*	'наш скот'
2-е, единственное	любой	*шни*	*гэртэшни*	'в твоем доме'
			малааршни	'твоим скотом'
2-е, множественное	любой	*тнай*	*гэрһээтнай*	'из вашего дома'
			гэртнай	'ваш дом'
3-е, обоих чисел	гласный	*нь*	*гэрһээнь*	'из его, их дома'
	согласный	*иинь*	*үнэниинь*	'его, их правда'
	„	*ынь*	*галынь*	'его, их огонь'

Примечание к таблице: Если конечным звуком основы или падежного окончания оказывается согласный *н*, то последний отбрасывается (преимущественно в первом и третьем лицах обоих чисел), а из лично-притяжательных частиц тогда используется та, которая предназначена к употреблению после гласного (т. е. *мни*, *мнай* или *нь*).

Примеры:

морин	'конь'	*мори:*	*моримни*	'мой конь'
ахын	'брата'	*ахы:*	*ахымни*	'моего брата'
артелиин	'артели'	*артелии:*	*артелиинь*	'его артели'

Так как употребление личного притяжания не требует особого разъяснения, ниже ограничиваемся парадигмой склонения лишь двух слов:

Основа	*гэр*	'юрта'	*аха*	'брат'
Падеж именительный	*гэрни*	'моя юрта'	*ахамни*	'мой брат'
родительный	*гэрэймни*	'моей юрты'	*ахымни*	'моего брата'
дательно-местный	*гэртэмни*	'в моей юрте'	*ахадамни*	'моему брату'
винительный	*гэрыемни*	'мою юрту'	*ахыемни*	'моего брата'
орудный	*гэрээрни*	'моею юртой'	*ахаарни*	'моим братом'
совместный	*гэртэймни*	'с моей юртой'	*ахатаймни*	'с моим братом'
исходный	*гэрһээмни*	'из моей юрты'	*ахаһаамни*	'от моего брата'

В заключение отметим, что личное притяжание употребляется даже тогда, когда при определяемом имеется местоименное определение родительного падежа (в скобках дается буквальный перевод):

Примеры:

минии ахамни 'мой брат (мой брат-мой)'
шинии ахадашни 'твоему брату (твоему брату-твоему)'

При этом между местоименным определением и определяемым с личным притяжанием полагается пауза, которая отсутствует в тех случаях,

когда определяемое не имеет личного притяжания, например (знаком тире отмечаем паузу, а знаком дефис слитное произношение):

минии — ахадамни 'моему брату'
минии - ахада » »

Кроме личного притяжания бурят-монгольский язык знает еще весьма употребительное безличное или возвратное притяжание, выражающее понятие „свой". Частицами этого притяжания в литературном языке являются:

Падежи	Если конечным падежного окончания являются	
	согласный или краткий гласный	долгий гласный или дифтонг
Именительный	—	—
Родительный	*гаа*	*нгааа*
Дательно-местный	*аа*	—
Винительный	*аа, яа*	*гаа*
Орудный	*аа*	—
Совместный	—	*гаа*
Исходный	—	*н*

Примеры:

Падеж	родительный	*моринойнгоо (хазаар)*	'(узду) своей лошади'
	дательно-местный	*моринд̆оо*	'своей лошади'
	винительный	*морёо*	'свою лошадь'
	орудный	*морёороо*	'на своей лошади'
	совместный	*моритойгоо*	'со своей лошадью'
	исходный	*морин̆оон*	'от своей лошади'
Падеж	родительный	*буугайнгаа*	'своего ружья'
	дательно-местный	*буудаа*	'к своему ружью'
	винительный	*буугаа*	'свое ружье'
	орудный	*буугаараа*	'своим ружьем'
	совместный	*буутайгаа*	'со своим ружьем'
	исходный	*буун̆аан*	'от своего ружья'

Как видно из таблицы и примеров, окончание возвратного или безличного притяжания при винительном падеже присоединяется непосредственно к основе имени, а не к окончанию данного падежа, что возможно по говорам, в которых вообще наблюдаем большое разнообразие.[1] Кроме того, при именительном падеже безличное притяжание не употребляется. Это притяжание по своему употреблению тем существенно отличается от личного, что оно обозначает предмет, составляющий принадлежность предмета-подлежащего (вот почему именительный падеж, как падеж подлежащего, не употребляется с этим притяжением). Кроме того, безличное притяжание не употребляется, если данное имя сопровождается определением *өөрын* 'свой' (нельзя, например, сказать: *өөрын гэртээ* 'в своей юрте' или *өөрын ахан̆аан* 'от своего брата', но следует: *өөрын ахада* или *ахадаа*; *өөрын гэрн̆ээ* или *гэрн̆ээн*).

Иными словами, безличное притяжание не допускает того смыслового повтора, какой возможен при личном притяжании (см. выше примеры типа *минии ахамни* 'мой брат', буквально: 'мой брат-мой').

[1] Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 174—180.

Для лица, впервые приступающего к практическому изучению бурят-монгольского языка, любопытным является то, что в этом языке с возвратным притяжанием употребляются и все личные местоимения во всех падежах.

Примеры:

миниигээ	'мой (своего)'	*тандаа*	'вам (своим)'
намдаа	'мне (своему)'	*намһаан*	'от меня (своего)'
шамһаан	'от тебя (своего)'	*танаа*	'вас (своих)'
намтайгаа	'со мною (своим)'	*танаарaа*	'с вами (своими)'
манһаан	'от нас (своих)'	и т. д.	

Подобные формы допустимы в тех случаях, когда подлежащее и то лицо, которое обозначено данным местоимением, представляются принадлежащими к одному коллективу (семье, группе и т. д.) или связанными друг с другом узами товарищества или родства, что особо подчеркивается.

Примеры:

Би одоо шамһаан ном абахаб 'Я теперь возьму у тебя книгу' (здесь первое и второе лица представляются друзьями или родственниками)

Бадма болбол энээндээ юу асарааб? 'Что ему привез Бадма?' (Здесь третье лицо и Бадма представляются друзьями или родственниками)

Тэрэшни шамдаа юу хэлэбэ? 'Что он тебе сказал?' (Здесь третье и второе лица также представляются друзьями)

Если же в этих примерах местоимения *шамһаан* 'у тебя', *энээндээ* 'ему' и *шамдаа* 'тебе' употребить без возвратного притяжания (т. е. *шамһаа, энээндэ* и *шамда*), то тогда лица, обозначаемые этими местоимениями, по отношению к лицам, обозначенным в подлежащих, окажутся как бы чужими или не связанными с ними узами дружбы и т. д. Но сказанное вовсе не означает того, что братья или близкие товарищи при разговоре между собою обязательно употребляют местоимения с возвратными притяжаниями: последние обязательны, повторяем, тогда, когда родство или дружба (принадлежность одному коллективу вообще) особо подчеркивается говорящим.

Спряжение глагола

Выше уже говорилось о делении глагольных форм на повелительное и изъявительное наклонения, причастия и деепричастия, а также и об употреблении этих форм в предложении. Кроме того, употребление глагольных форм более подробно изложено нами ниже в разделе „Синтаксис". Поэтому мы здесь ограничиваемся приведением таблиц спряжения глагольных форм по группам. Заметим, однако, что в бурят-монгольском языке глаголы не знают спряжения по лицам (за исключением некоторых повелительных форм) и родам (категории рода, как известно, вообще нет в этом языке). Стало быть, бурят-монгольские глаголы спрягаются лишь по временам и модальности (деепричастия). Что же касается лица, то последнее выражается особыми предикативными частицами, о которых будет сказано ниже, в связи с оформлением сказуемого вообще, поскольку эти частицы не составляют морфологической особенности одних только глаголов.

I. Формы обращения
(повелительные)

№№	Лицо	Число	Окончание	Примеры	
1	2-е	Един.	основа	*оро*	'зайди!'
2	„	Множ.	*ты*	*ороты*	'зайдите!'
3	„	Един.	*аарай(ш)*	*ороорой(ш)*	'заходи!'
			гаарай(ш)	*буугаарай(ш)*	'спустишься!'
	„	Множ.	*аарайт*	*орооройт*	'заходите!'
		—	*гаарайт*	*буугаарайт*	'спуститесь!'
4	„	Един.	*ыш*	*орыш*	'зайди же!'
		—	*иш*	*хариш*	'уходи же!'
	„	Множ.	*ыт*	*орыт*	'зайдите же!'
		—	*ит*	*хариит*	'уходите же!'
5	1-е	Един.	*һууб*	*ороһууб*	'зайду-ка!'
	„	Множ.	*һуубди*	*ороһуубди*	'зайдемте-ка!'
6	„	„	*я, е, е*	*орое*	'зайдем!'
7	3-е	Обоих	*г*	*орог*	'пусть зайдет, зайдут!'
8	всех	„	*һай*	*ороһой*	'зашел бы!'
9	„	„	*уужа*	*оруужа*	'ладно, пусть зайдет!'

Примечания к таблице: 1) Форма второго лица с эмфазисом (№ 4) имеет окончания *ыш* и *иш* для единственного числа и *ыт* и *ит* для множественного; окончания *иш* и *ит* употребляются после палатализованных согласных, а *ыт* и *ыш* — после непалатализованных.

2) Формы пожелания (№ 8) и допущения (№ 9) при первом и втором лицах принимают личные предикативные частицы.

Примеры:

ябаһайб 'пойти бы мне!'
ябуужаб 'уж пойду я!'
ябаһайш 'пойти бы тебе!'
ябуужаш 'ладно, пойдешь!'
ябаһайбди 'пойти бы нам!'
и т. д.

Таким образом, из всех форм обращения только эти две формы употребительны при всех трех лицах.

3) О зависимости гласных окончаний от вокализма основы уже говорилось.

II. Изъявительные формы

Нааменование формы	Окончание	Примеры	
Настояще-будущая	*на*	*ябана*	'идет'
Настояще-прошедшая	*ба*	*ябаба*	'пошел'
Прошедшая (заведомо-прошедшая)	*лай*	*ябалай*	'пошел'

Н. Н. Поппе[1] к изъявительным формам относит также „именные формы глагола" с предикативными частицами, чем значительно усложняет

[1] Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 207 и след.

без особой необходимости изложение системы глагольных форм в бурят-монгольском языке. Именные формы с предикативными частицами не что иное, как причастия, „поставленные“ в своей сказуемостной функции, о чем следует говорить лишь в синтаксисе.

III. Причастия

Наименование причастия	Окончание	Пример (с переводом по предикативной функции)	
Будущее	*ха*	*ябаха*	'пойдет'
Прошедшее первое	*һан*	*ябаһан*	'пошел'
Прошедшее второе	*нхай*	*ябанхай*	'пошел'
Настояще-прошедшее	*аа*	*ябаа*	'пошел (недавно)'
Многократное	*даг*	*ябадаг*	'идущий (постоянно)'
Однократное	*гша*	*ябагша*	'идущий (теперь)'

Причастия в различных контекстах по своему значению весьма полисемантичны, о чем уже говорилось выше; поэтому в таблице переводы примеров даны крайне приближенно, что особенно касается настояще-прошедшего и однократного причастия. Причастие второе прошедшее с окончанием *нхай* распространено, главным образом, в восточных говорах.

IV. Деепричастия

Наименование деепричастий	Окончание	Примеры	
1. Соединительное	*жа*	*ябажа*	'идя'
2. Слитное	*н*	*ябан*	'идя'
3. Разделительное	*аад*	*ябаад*	'пошедши'
	гаад	*буугаад*	'спустившись'
4. Предельное	*тар*	*ябатар*	'до ухода'
5. Последовательное	*халаар*	*ябахалаар*	'как только пошел'
6. Предварительное	*мсаар*	*ябамсаар*	'как только пошел'
7. Продолжительное	*һаар*	*ябаһаар*	'с момента ухода'
8. Условное	*бал*	*ябабал*	'в случае ухода'
9. Замененное	*нхаар*	*ябанхаар*	'чем итти..., лучше...'

Остальные „деепричастия“, о которых идет речь выше,[1] имеют распространение лишь в отдельных говорах.

[1] См. также Н. Н. Поппе, назв. соч. стр. 221 и след.

СИНТАКСИС

ФОРМЫ СВЯЗИ СЛОВ

Слова в предложении или во взаимном своем сочетании связываются различными способами, которые называются формами грамматической связи или грамматическими приемами. Последние в бурят-монгольском языке распадаются на следующие:

1. Подчинение:
   а) порядок слов,
   б) примыкание,
   в) интонационное членение,
   г) согласование и
   д) управление.

2. Сочинение.

Как известно, при подчинительной связи слова делятся на подчиняющие и подчиненные. Подчиненные служат дополнениями или определениями первых, на вопросы которых они (подчиненные слова) отвечают.

Примеры: (стрелка показывает, от какого слова исходит вопрос):

малаар баян	'богат (← чем?) скотом'
тӳмэр харгы	'железная (какая →) дорога'
эндэ һайн	'здесь (где? →) хорошо'
маша һайн	'очень (в какой степени? →) хорошо'
удаан ябана	'тихо (как? →) идет'
гэрһээ гарба	'вышел (← откуда?) из юрты'

В бурят-монгольском языке подчиненные слова всегда находятся перед подчиняющими словами, вследствие чего ставятся: а) определяемые после определений, б) сказуемые после всех остальных членов предложения, т. е. в конце всего предложения.

Единственное исключение из этого правила составляет лишь подлежащее, которое всегда ставится перед сказуемым. Но это видимо, объясняется тем, что член предложения, ныне определяемый нами как подлежащее, некогда было чем-то вроде определения (точнее субъектного определения).

Чрезвычайно любопытно и совершенно не случайно, что в арабском языке впереди подчиненного слова ставится всякое подчиняющее слово, кроме того же подлежащего, которое только иногда ставится перед сказуемым (лишь в определенных глагольных предложениях подлежащее ставится после сказуемого).[1] Стало быть, в арабском языке подлежащее так же выделяется, как и в бурят-монгольском языке.

---

[1] Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928, стр. 98.

Характерно, что в том же арабском языке лично-местоименное подлежащее, как нам сообщил проф. Х. К. Баранов, ставится впереди именного сказуемого.

В связи с излагаемым отметим, что, как известно, личные местоимения в ряде языков ставились или ставятся после предиката, точнее после того члена предложения, который мы ныне воспринимаем как сказуемое.

Следы этих местоимений ныне явственно сохраняются в бурят-монгольском языке в виде лично-предикативных частиц, которые прежде были подлежащими.

Примеры:

Би багша (← *би багша + би*) 'Я учитель' (буквально: 'Я учитель + я')
Ши ороош (← *ши ороо + ши*) 'Ты вошел' (буквально: 'Ты вошел + ты')

Иначе говоря, на прежних стадиях развития языка слова, видимо, в предложении располагались иначе: подлежащее тогда находилось после сказуемого. Затем произошла перестановка членов предложения и лично-местоименные определяемые превратились в лично-предикативные частицы, происхождение употребления которых только так и можно истолковать. Заметим тут же, что в старинных монгольских текстах лично-местоименные подлежащие ставятся, как и любое подлежащее в устной речи всех монголов XIV века (см. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб), после сказуемого, т. е. в конце всего предложения.[1]

При подчинительной связи мы имеем синтаксическую пару, в которой одно слово (или одна группа сочиненных слов) является подчиняющим, а другое (или другая группа сочиненных слов) — подчиненным.[2]

При сочинительной связи слова связаны между собою как равноправные единицы.

Примеры:

Бадма Гарма хоёр оробо 'Вошли Бадма и Гарма'
Энде тэндэ мал ябана 'Здесь и там бродит скот'

Иначе говоря, при сочинении мы имеем как бы простое перечисление предметов, качеств, действий и т. д. При этой же форме связи равноправные единицы (сочиненные слова) либо подчиняются одному и тому же слову, либо подчиняют себе одно и то же слово.

Примеры:

*Эмээлтэй зэ*ᵊ*рдэ морин* 'Рыжая лошадь с седлом'
Газаа тугал гүйнэ харайна 'Во дворе бегает и прыгает теленок'

В первом примере сочиненные слова (подчеркнутые) подчинены одному и тому же слову (*морин* 'лошадь'), определениями которого они и являются. Во втором же примере сочиненные слова, с одной стороны, подчинены одному и тому же слову (*тугал* 'теленок') и, с другой стороны, подчиняют себе одно и то же слово (*газаа* 'во дворе').

При сочинении очень часты и такие случаи, когда несколько равноправных слов либо подчиняются нескольким же равноправным членам, либо подчиняют себе последние, например: *Бадма Гарма хоёр гүйнэ харайна* 'Бадма и Гарма бегают и скачут'.

В этом примере подлежащие подчиняют себе два сказуемых, а последние, в свою очередь, подчиняются двум подлежащим.

---

[1] В этом же смысле отдельно взятое слово со своим окончанием, некогда бывшим самостоятельным словом, может быть членимо на: 1) основу как подчиненную часть и 2) „окончание" как подчиняющую часть, потерявшую свое самостоятельное ударение.

[2] Ср. Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, стр. 222.

Ниже мы вкратце изложим перечисленные выше формы грамматической связи или грамматические приемы в бурят-монгольском языке, при этом в ходе нашего изложения обнаружатся кое-какие переходные случаи и взаимные отношения между перечисленными формами или приемами связи. Здесь оговоримся лишь, что детальное рассмотрение данного предмета должно быть сделано в специальном сравнительно-историческом исследовании.

ПОДЧИНЕНИЕ

Порядок слов

Порядок слов в бурят-монгольском языке играет весьма важную грамматическую роль, значение которой в монголистике до сих пор не разъяснялось. При помощи этого грамматического приема выявляется синтаксическая функция того или иного слова в тех случаях, когда для этого оказываются бессильными средства управления — морфологические показатели. Лишь по месту своего расположения во фразе устанавливаются в большинстве случаев определение и определяемое, подлежащее и сказуемое в неглагольных (номинативных) предложениях; зависимость управляемого глагола от управляющего также определяется порядком слов. Представляется совершенно несомненным то, что все монгольские языки на предшествующей стадии своего развития в качестве существенной и, может быть, решающей формы грамматической связи имели именно порядок слов в предложении. В самом деле, в языках, в которых нет, например, согласования, отношения между словами-понятиями выражаются чаще всего порядком слов, чем особенно характерен теперь, например, китайский язык. С порядком слов, как справедливо замечает Э. Сэпир,[1] не считаются там, где господствует согласование. Там, где в том или ином конкретном случае наличие согласования или управления оказывается недостаточным для разумения предложения, порядок слов становится решающим, например: 1) „мать любит дочь и дочь любит мать", 2) „мать любит сына и сын любит мать". В первых примерах подлежащие („мать" и „дочь") определяются порядком слов, так как сказуемое „любит" одинаково согласуемо и с „мать" и с „дочь". Во вторых примерах характер оформления винительного падежа в слове „сын" нейтрализует действие порядка слова, и здесь последний влияет лишь на расположение логического ударения.[2]

Но в русском языке порядок слов не играет грамматической роли иногда и в тех случаях, когда винительный падеж по внешней форме совпадает с именительным падежом, зато отношения между словами улавливаются по логике вещей, например: „Мать любит сало или сало любит мать" (не обладает же сало способностью любить!). Когда мы говорим об объективной логике вещей, то подразумеваем, что то или иное положение одинаково понимается всеми членами общества без исключения.

Возьмем еще пример: „Бытие определяет сознание". Хотя это положение и отражает адэкватно объективную действительность, тем не менее нельзя вместо „бытие определяет сознание" сказать „сознание определяет бытие", так как это в корне исказило бы действительное положение вещей.[3]

---

[1] Э. Сэпир. Язык, М. 1934, стр. 91.

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 98.

[3] О роли порядка слов в русском языке при недостаточной четкости флективных признаков (средний род, например, в своем склонении не дает возможности различить именительный и винительный падежи) говорит также Л. А. Булаховский, к сожалению, не упоминая о значении логики вещей (см. его назв. соч., стр. 315—316).

Что касается бурят-монгольского языка, то в нем мы имеем нечто похожее на „мать любит дочь и сало любит мать", именно похожее, так как субъект (именительный падеж) и объект (винительный падеж) формально разграничиваются весьма точно, если это необходимо.

Итак, порядок слов определяет подлежащее и сказуемое в номинативных предложениях, например: *Морин бол гэрэй амитан мүн* 'Лошадь есть домашнее животное'.

В этом примере подлежащее как в русском языке, так и в бурят-монгольском по необходимости поставлено на первое место, ибо при обратной постановке получилось бы обратное же: 'домашнее животное есть лошадь'.

Порядком слов выражается не только разграничение подлежащего и сказуемого в именных предложениях, но и определения и определяемого и т. д.

Примеры:

Аадар гэжэ түргэн ехэ бороое хэлэнэ	'Ливнем называют быстрый и большой дождь'
Аадар гэжэ ехэ түргэн бороое хэлэнэ	'Ливнем называют очень быстрый дождь'

В первом случае слово *ехэ*, находясь перед *бороое* и являясь определением последнего, имеет значение „большой". Во втором случае то же слово, находясь перед *түргэн* 'быстрый' и являясь определением этого качественного имени, перестает, конечно, быть определением слова *бороое* 'дождь' и в русском переводе уже означает „очень", а не „большой".

Моримнай хашан байгаа	'Наша лошадь была ленивой' (сказуемое)
Хашан моримнай хайшаа арлаяб	'Куда девалась наша ленивая лошадь' (определение)

Эти примеры в русском языке, при наличии в последнем согласования, можно всячески переставлять без всякого ущерба для грамматического смысла: 1) „Ленивой наша лошадь была = Была ленивой наша лошадь = Наша лошадь ленивой была = Наша лошадь была ленивой". 2) „Куда девалась наша лошадь ленивая? = Ленивая наша лошадь куда девалась? = Куда девалась наша ленивая лошадь?" Подобная перестановка слов (определения и определяемого) невозможна в бурят-монгольском языке, в котором отсутствует согласование определения с определяемым.

1. *Түмэр тулгуур*	'Железная подпорка'
Тулгуур түмэр	'Подпорочное железо'
2. *Багша ерэһэн байна*	'Учитель пришел'
Ерэһэн багша байна	'Находится учитель, который (откуда-то) пришел'

Как уже выше говорилось, порядок слов при прочих равных условиях влияет также на характер логической акцентуации на том или ином члене предложения, что собственно относится к области стиля речи: член предложения, несущий в себе логическое ударение, ставится непосредственно перед сказуемым или во всяком случае занимает ближайшее место по отношению к сказуемому.

Примеры:

Бидэнэр үсхэлдэр ерээ гээшэбди	'Мы приехали вчера'
Усхэлдэр бидэнэр ерээ гээшэбди	'Вчера приехали мы'

В тех случаях, когда морфологические показатели дают гарантию для разумения отдельных членов предложения, порядок слов в бурят-монгольском языке перестает играть синтаксическую роль и как-бы нарушается. Это происходит, главным образом, в тех случаях, когда сказуемым данного предложения оказывается не причастие, а прочие глагольные формы. Что же касается причастного сказуемого, то ставить после него какое-либо имя „опасно", ибо тогда причастие окажется определением, а не сказуемым (см. выше примеры со словом *багша* 'учитель'). Следовательно, порядок слов в бурят-монгольском языке имеет некоторое ограничение, хотя и не столь сильное, как в русском. Нарушение традиционного месторасположения сказуемого в монгольских языках (всегда в конце предложения) часто наблюдалось и в монгольском классическом письменном языке. В разговорной речи, в особенности „небрежной", диалогической по своей форме, это „нарушение" порядка слов представляет собой довольно частое и распространенное явление. Причина этого явления коренится в том, что изъявительные, деепричастные и императивные формы в предложении могут быть только сказуемыми, тогда как причастия могут быть любым членом предложения в зависимости исключительно от позиции в предложении. Но так как в бурят-монгольском и калмыцком языках на данной стадии их развития все сказуемые стали сопровождаться особыми показателями местоименного происхождения — личными окончаниями или частицами, то и причастные сказуемые стали сопровождаться этими же окончаниями. Благодаря лишь этому причастные сказуемые могут находиться в предложении не на последнем месте: со сказуемостными показателями и перед именем они не могут быть поняты как определение данного имени. Например: *Олооб морёо тэндэһээ* 'Нашел (я) коня там'.

Настояще-прошедшее причастие *олоо* 'нашел', оказываясь в этом примере сказуемым, сопровождается сказуемостной частицей *б*, показывающей первое лицо единственного числа. Поэтому оно не может быть понято как определение к имени *морёо* 'коня'.

Ябахаб морёороо хээрэ 'На коне я поеду в поле'. В этом примере тот же сказуемостный показатель или частица не дает возможности понимать будущее причастие *ябаха* 'ехать' как определение к имени *морёороо* 'на коне'. Стоит только „убрать" сказуемостную частицу *б*, как причастие *ябаха* приобретает значение определения к указанному имени, например: *ябаха морёороо хээрэ* 'на коне, на котором (куда-то) поедут, в поле (что-то делать)'.

То же самое мы имеем в следующем примере (из стиха Д. Дамдинова):

Үгөөб дүүрэн дуугаа 'Из глубины правдивого сердца
Үнэн зүрхэнэй оёорһоо... отдал я свой голос.
Бэхижэг, дэбжэг Совет Пусть крепнут и растут Советы'

В связи с излагаемым не лишним будет указать, что на лингвистической конференции в Улан-Удэ (1936 г.) вносилось предложение „считать завершенным процесс перехода формы на *аа* из ряда причастий в ряд изъявительных форм". Такое предложение было вызвано тем, что эта форма (настояще-прошедшее причастие) стала употребляться преимущественно в качестве сказуемого, почти совершенно утратив свои прочие синтаксические функции. Как уже говорилось, это причастие, как и все прочие причастия, сопровождается в качестве сказуемого сказуемостными частицами. Именно только наличие сказуемостных частиц „спасает" сказуемостную функцию данного причастия от какого-либо смешения. Но это предложение было отвергнуто на той же конференции потому, что было указано на употребление данного причастия

с отрицанием и в качестве других членов предложения, в частности определения: *ябаа үгэй хүн* 'человек, который еще не отправился'. Следовательно, наличие не только согласования, но и каких-либо формативов вообще, устраняет надобность в определенном порядке слов или, во всяком случае, значительно ослабляет эту потребность. В бурят-монгольской разговорной речи, в которой использование интонационного членения фраз возможно более часто, нежели в письменной речи, порядок слов в предложении играет еще меньшую роль, нежели в литературном языке: *Үнэшэн хүбүүн моришиень унажа гарба, дэлхэй эргихэеэ* 'Сирота-мальчик выехал на его коне, чтобы обозреть мир (путешествовать)'. В этом примере оборот *дэлхэй эргихэеэ* оказался после сказуемого *гарба*, что как будто „нарушает" обычный порядок членов предложения.

В старых монгольских текстах (Гесер Хан, Шидиту Кур и т. п.), в которых особенно часто употребляются слова без падежного оформления, порядок слов в общем очень строг, кроме употребления личных местоимений в конце предложения. Но в стихах, в которых интонационное членение предложения и рифмы дифференцируют отношения между словами, порядок слов нарушается особенно часто; в современных стихах бурят-монгольских поэтов к тому же прибавился еще один важный фактор дифференциации отношений между словами, который не был известен старомонгольским поэтам, это графическое выделение строк и строф. Зато в устных песнях, в большой степени носящих в себе исторически сложившиеся синтаксические каноны, традиционный порядок слов соблюдается неукоснительно во всех монгольских языках; впрочем в одной современной халха-монгольской пионерской песне мы нашли одно, вообще необычное в речи, сочетание: *бāтар улāн* вместо *улāн бāтар* 'красный богатырь'; это „нарушение" обычного порядка было вызвано требованиями рифмы: необходимо было рифмовать *бāтар* с начальным *багачӯд* 'дети' следующей строки.

Порядок слов в бурят-монгольском языке продолжает выполнять свою функцию, и теперь еще рано говорить о том, что он уже отмирает; сама наша формулировка „нарушение" указывает на достаточную пока жизненность описанной нами формы грамматической связи. Выражается она хотя бы в том, что если сказуемое оказывается не на последнем (своем обычном) месте, то во всяком случае после него может находиться одно или два-три дополнения (по преимуществу обстоятельственного характера). Об этом и свидетельствуют приведенные выше примеры. И если мы больше говорили о случаях и условиях нарушения порядка слов, то делали это исключительно с целью показать условия функционирования того грамматического приема, который достаточно известен монголистам, тюркологам и вообще лингвистам как „строгий порядок расположения слов". Мы не преминули указать также на то, что если процесс нарушения порядка слов под влиянием усиления других форм грамматической связи будет все больше усиливаться, то порядок определения и определяемого станет последней цитаделью этого приема; ведь наличие сказуемостного показателя открывает широкую возможность для нарушения данного приема прежде всего в отношении позиции подлежащего, дополнения и сказуемого даже в именных предложениях. Так, например, и теперь можно услышать выражение (в литературе мы не нашли): *багшаш ши* 'Ты учитель', а не "учитель — ты", ибо наличие окончания *ш* в слове *багша* 'учитель' указывает на его сказуемостную функцию независимо от места, занимаемого им в предложении. В общем же, при определении характера синтаксической связи между словами необходимо исходить из того, что слово подчиняющее (кроме подлежащего) всегда ставится после подчиненного.

Примыкание

Как известно, в русском языке примыканием „называется тот тип связи, в который вступают полнозначные формы, лишенные флективной гибкости (наречия, деепричастия, инфинитива)“,[1]

например:

сильно ударить,
выступить вперед,
протекает журча,
надежда победить,
шел медленно
и т. д.

Что касается бурят-монгольского языка, то в нем примыканием следует считать тот тип связи, в который вступают слова, полнозначные в своей „чистой“ основе (имена и т. д.) или лишенные способности изменяться под влиянием управляющего слова (наречия).

Сказанное означает, что в этом языка 1) деепричастия являются управляемыми (и, конечно, управляющими) словами, а не примыкающими, как в русском языке, 2) предметные, качественные имена, числительные, причастия и местоимения, вообще не лишенные способности морфологически изменяться, могут быть в предложении или словосочетании примыкающими словами наравне с наречиями, если они употреблены в форме своей основы.

Здесь не следует упускать из виду одного существенного отличия, наблюдающегося в русском и бурят-монгольском языках. Глагольные основы в русском языке, будучи активны лишь морфологически, не являются полнозначными единицами в синтаксическом и лексическом отношениях. В бурят-монгольском же языке глагольные основы, равно как и именные, во всех отношениях могут выступать в предложении или словосочетании в качестве самостоятельных единиц (без каких-либо окончаний). Но, в сущности, и в русском языке деепричастия можно считать управляемыми словами на том основании, что вопрос „как“ или „каким ѣбразом“ требует, чтобы глагол стоял в деепричастной форме. Кроме того, надо помнить, что в бурят-монгольском языке имеется около десяти деепричастий, в отношении которых никак нельзя сказать, что они (особенно обстоятельственные) являются в предложении примыкающими словами.

Переходим к краткому перечню случаев примыкания в бурят-монгольском языке.

а) Качественные имена в функциях определения глагола (обстоятельства образа действия) или имени являются примыкающими словами, поскольку они в таких случаях употребляются в форме своей основы.

Примеры:

Цэрэмпэлэй дотор сэлмэг цуужам болжо... (Х. Н.)	‘В сердце Церемпила стало светло и широко (т. е. расчувствовался)’...
Манай аха һайн ябана	‘Наш старший брат живет хорошо’
Эндэ һайн газар бии	‘Здесь имеется хорошее место’

б) Предметные имена и причастия в функции определения имени являются примыкающими словами, если они употреблены в форме своей основы.

---

[1] Л. А. Булаховский, назв. соч. стр. 224; см. также А. М. Пешковский, назв. соч., стр. 55.

Примеры:

Модон хүрзэ	'Деревянная лопата'
Тумэр харгы	'Железная дорога'
Ороһон гэртэ	'В юрте, в которую вошли'
Миниі ябаха морин	'Лошадь, на которой я поеду'

в) Предметные имена в отдельных случаях и идиоматических выражениях могут быть примыкающими словами, если они и не являются определениями.

Примеры:

Шарайнь гэрэл орожо	'Лицо его просветлело' (буквально: 'его лицо свет вошло')
Шэнээ орохо	'Набираться сил' (буквально: 'сила войти')
Москва ябахаб	'Поеду в Москву' (буквально: 'Москва поеду')
Тугал гаргахаш	'Выгонишь теленка' (буквально: 'выгонишь теленок')
Город ошохо	'Ехать в город' (буквально: 'ехать город')
Сай уунаб	'Пью чай' ('*сай*' без окончания винительного падежа)
Мори бариха	'Поймать коня' (буквально: 'конь поймать')

Основу имени при переходных глаголах по ее смысловому совпадению с винительным падежом иногда неправильно интерпретируют как неоформленный винительный или просто неоформленный падеж.

г) Примыкающими словами являются, конечно, наречия.

Примеры:

Хаха сабшаба	'Разрубил или расколол пополам'
Мулта татаба	'Выдернул' (буквально: 'тянул до конца', слово *мулта* на русский язык не переводимо)
Дээрэ хэбтэнэ	'Лежит наверху'
Маша һайн	'Очень хорошо'
Урид ерэбэ	'Пришел вперед'
Тугаар намтай ябаа	'Недавно со мною ходил'
Би маргааша харихаб	'Я уезжаю завтра'
Дээгүр юун ниидэнэ	'Что летает наверху'

д) Глаголы являются примыкающими словами, если они употребляются при глаголе же *гэхэ* 'говорить', например: *Энэ хүн намай яба гэбэ* 'Этот человек сказал, чтобы я пошел' (буквально: 'этот человек меня „иди" сказал').

Есть некоторые случаи употребления слов, которые являются переходными или находятся между примыканием и управлением или сочинением.

Примеры:

Дуула дуулаһаар ерэбэ	'Приѣхал все распевая и распевая' (буквально: 'распевай + продолжая петь')
Аалиханаар ябана	'Идет медленно'

В первом случае „примыкающее" слово *дуула* 'распевай' (основа глагола) находится на грани между сочинением (сложением) и примыканием; во втором случае слово *аалиханаар* 'медленно' находится на грани между управлением и примыканием, поскольку оно представляет собою качественное имя в орудном падеже (можно допустить, что качественные имена в этом падеже иногда переходят в группу наречий).

Отношение имени, употребленного в форме своей основы, к послелогу, также следует считать примыканием.

Примеры:

Гэр соо	'В юрте' (буквально: 'юрта в')
Хүүхэд дотор	'Среди детей' (буквально: 'дети внутри')
Энээн дээрэ	'На этом' (буквально: 'этот на')
Шам шиги	'Тебе подобно' (буквально: 'ты подобно').

Напомним, что основы местоимений и их употребление разъясняют нам различие между основой имен вообще и именительным падежом.

Продолжая наш анализ мы приходим к выводу, что отношение основы вообще к окончанию или суффиксу исторически является также отношением подчиненного к подчиняющему путем примыкания, например:

малда (= *мал* — основа, *да* — окончание дательно-местного падежа) 'скоту'. *ябаба* (= *яба* — основа, *ба* — окончание прошедшего времени) 'пошел'.

Стало быть, на ранней стадии развития языка, когда (при отсутствии суффиксации вообще) не было ни управления, ни тем более согласования, примыкание на ряду с позицией слов является единственным приемом грамматической связи. То слово, которое было на этой стадии подчиняющим элементом, при появлении суффиксации превратилось в свою противоположность — подчиненный элемент: суффиксация или ее возникновение есть не что иное, как превращение подчиняющего слова в подчиненное, превращение слова в суффикс или окончание (через послелог). Дальнейшие исследования, если учтем, что некогда не было именительного падежа, несомненно позволят нам установить обратный мост от агглютинации к инкорпорации и определить характер перехода языковой структуры от последней к первой. В сущности, сочетание сказуемостного слова с лично-местоименным окончанием или частицей есть не что иное, как инкорпорация, например: *Багшаб* 'Я учитель' (буквально: 'учитель + я: *багша + б* ← **би*).

Не следует еще упускать из виду того обстоятельства, что в современном бурят-монгольском языке случаи примыкания по своему происхождению — это явления двоякого порядка. Так, например, если отношение неоформленного определения к своему определяемому является как-бы исконным примыканием (*модон гэр* 'деревянная юрта', буквально: 'дерево-юрта'), то отношение некоторых производных наречий к глаголу есть такое примыкание, которое как-бы сложилось из управления, в свою очередь возникшего из примыкания на более ранней стадии развития языка (*эндэ ябана* 'здесь ходит': *энде* ← **эн + дэ* есть омертвелая форма дательно-местного падежа от основы *эн*, значение которой в данное время пока трудно установить). Точно так же и примыканию основ к некоторым послелогам предшествовало управление, например: *гэр дотор* 'в юрте' (буквально: 'юрта в') получилось из *гэрэй дотор* 'внутри юрты' (*гэрэй* есть форма родительного падежа от *гэр* 'юрта'). Об ослаблении роли падежных окончаний, которое имело место под влиянием усиления роли послелогов, будет сказано ниже.

Наличие одного лишь примыкания при отсутствии управления не могло давать возможности установить, какой из членов данной пары является подчиняющим, какой — подчиненным. Поэтому примыкание в таких случаях дополнялось и дополняется таким грамматическим приемом, как порядок слов, при котором подчиняющее слово всегда стояло и стоит после подчиненного (см. предыдущий раздел). Таким образом, примыкание необходимо дополняется порядком слов.

Интонация

Интонация или интонационное членение предложения играет в бурят-монгольском языке чрезвычайно большую роль, главным образом для разграничения значения примыкающих неоднородных членов предложения, ибо последние очень часто выступают без того или иного оформления даже при наличии возможности использования соответствующей морфологической формы для данного значения. Например: *Гэртэ һууһан Очирой эхэ.*

Это предложение в зависимости от интонационного членения, выражаемого в живой речи паузой (ниже пауза отмечается условно знаком тире), может быть понято двояко:

Гэртэ һууһан — Очирой эхэ 'Мать Очира, сидящая в юрте'
Гэртэ һууһан Очирой эхэ 'Мать Очира, сидящего в юрте' (пауза перед словом *Очирой* отсутствует)

В русском языке при согласовании причастного определения с определяемым в роде, числе и падеже („сидевшая и сидящего") порядок слов и отсутствие или наличие паузы роли не играют.

Предложение делится на ряд групп своих членов, объединенных смежностью положения, выделенностью по значению и по произношению. Каждая отдельная группа однородных членов предложения располагается в определенном порядке и произносится обособленно. Это обособленное произношение мы и называем интонационным членением предложения. Конечно, смысл словарного состава того или иного предложения помогает безошибочно понять последнее и в том случае, когда в письме интонационное членение не отмечено. Например: *Манай хони бариһан хээрын шоно* 'Степной волк (буквально: 'волк степи'), схвативший нашу овцу'.

В этом предложении между словами *бариһан* 'схвативший' и *хээрын* 'степи' имеется неотмеченная пауза, однако необозначение ее не может вызвать каких бы то ни было недоразумений в отношении понимания содержания данного отрывка, ибо не может же степь схватить овцу! Не то будет, если, например, при перечислении ряда собственных имен и в письме и в речи не прибегать к интонационному членению:

Цэрэн Доржо Гарма Жаб гэхэ мэтэ нүхэд ябана (пример, составленный нами для иллюстрации ad hoc): Идут товарищи...

1) Цэрэн, Доржи, Гарма, Жаб и другие.

Или:

2) Цэрэндоржи, Гармажаб и другие.

Амархан улад тэрэ шабартай гол тэргээрээ гарба 'Через эту реку с (топкой) грязью люди спокойно переправились на своих телегах'. В этой фразе между *амархан* и *улад* несомненно разумеется пауза, и потому первое слово оказывается не определением к подлежащему *улад*, а обстоятельством образа действия сказуемого *гарба* (спокойно переправились). При отсутствии паузы слово *амархан*, оказавшись определением подлежащего, значило бы: 'спокойные (люди)'.

Или еще один пример: *Түргөөр гол гаталжа гараад морёо буулгаад эдеэлэе* 'Поскорее переправимся через реку и накормим своих лошадей'.

Особенность этого примера заключается в том, что качественное слово *түргэн* дано в форме орудного падежа — *түргөөр*, ибо в противном случае фраза имела бы другой смысл: 'Переправимся через быструю реку и накормим своих лошадей'. Но если после *түргэн* обозначить паузу (знаком тире), то это слово означало бы „поскорее" и в форме своей основы. Таково соотношение ролей паузы и суффиксации.

Особенностью интонационного членения в бурят-монгольском языке является то, что оно выполняет определенную синтаксическую функцию, тогда как в русском языке это членение определяет логическое ударение во фразе, за исключением таких случаев, как „дочь любит мать и мать любит дочь" или „вели ему помочь": 1) „вели (кому) ему (что?) помочь", 2) „вели (что?) помочь (кому помочь?) ему".[1] Обусловлено это тем, что в бурят-монгольском языке слабо развита формальная дифференциация частей речи, отсутствует склонение по родам и т. д., как мы видели, при этих же условиях большую роль играет в языке и порядок слов.

Можно думать, что интонация как форма грамматической связи начала употребляться сравнительно поздно, когда в языке появились богато распространенные предложения при слабо развитом управлении слов.

К роли интонационного членения предложения мы еще вернемся ниже в разделе об определении.

Согласование

Возможно, что наиболее спорной формой грамматической связи в бурят-монгольском языке является согласование; обычно считалось, что его нет. В отношении согласования в уйгурском языке А. Н. Боровков утверждает, что „согласование сказуемого-глагола с существительным-подлежащим в лице обязательно, в числе же вообще обязательно..." Что же касается бурят-монгольского (и калмыцкого) языка, то в нем можно установить следующее: любое сказуемое в лице согласовано с любым подлежащим (за исключением третьего лица единственного числа, при котором отсутствует сказуемостный показатель местоименного происхождения; но, следуя за Пешковским, можно заключить, что единственное число третьего лица сказуемого имеет нулевую форму, — тогда и окажется, что любое сказуемое согласовано в лице с любым сказуемым без исключения). Превращение прежних местоименных подлежащих, т. е. грамматикализация личных местоимений в качестве показателей сказуемости (сопровождающаяся редукцией и потерей гласных в этих местоимениях, отчего последние превращаются и по форме и по значению в лично-предикативные частицы или окончания) и выделение изъявительных и повелительных форм, употребляемых лишь в предикативных функциях, вызывают ослабление такого грамматического приема, как порядок слов. В бурят-монгольской литературе согласование сказуемого с подлежащим третьего лица множественного числа нами пока не обнаружено, хотя оно широко распространено в ряде говоров.[2] Так как о согласовании сказуемого с подлежащим речь будет ниже, здесь мы ограничиваемся лишь одним примером из бытовой речи: *Морёо тэрээгүүр ябаад бэдэрхэб, үгэй һаань нуурай хойто захаар ябахаш* 'Буду искать свою лошадь в том направлении; если ее там не окажется, то пойдешь (ты) по северной стороне озера (Исинги)'.

В этом примере сказуемые *бэдэрхэб* 'буду искать' и *ябахаш* 'пойдешь' согласованы с подлежащими первого и второго лиц (сами подлежащие отсутствуют и, как принято говорить, подразумеваются).

Что касается согласования сказуемого с подлежащим в числе, то согласование в лице как бы покрывает его, а вообще же согласование в числе (как и в падеже, если речь идет о согласовании определения с определяемым) отсутствует. Согласование определения с определяемым вообще отсутствует, но за последнее время часто стало наблюдаться и такое явление, когда определяемое (а не определение!)

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 40.
[2] Н. Н. Поппе. Аларский говор, часть I, стр. 93.

„согласуется" с количественным определением в числе. Речь идет о „нарушении" одного правила, которое относительно монгольских и тюркских языков формулировалось следующим образом: „если число предметов определено числительным именем, множественное число не употребляется", например: *хоёр хүн* 'два человека' (буквально: 'два человек'), *олон модон* 'много деревьев' (буквально: 'много или множество дерево'. Примерами такого своеобразного „согласования" в числе определяемого со своим количественным определением являются следующие сочетания (в скобках буквальные переводы):

олон хүнүүд 'многие люди' (много люди)
олон жэлүүд 'многие годы' (много годы)
арбаад нүхэд 'десятки товарищей' (десятки товарищи)
долоон үбгэд 'семь стариков' (семь старики)

Как видно из примеров, количество которых может быть увеличено, речь идет не об обычном согласовании, а о „согласовании" такого рода, когда определение по форме является единственным числом (множество), а по содержанию включает в себя понятие множества. Если это явление для иллюстрации передать по-русски, то получится:

хоёр нилхад 'два дети'
зурган эсэгэд 'шесть отцы'
долоон үбэгэд 'семь старики'
олон гарнууд 'много руки',

т. е. двое детей, шесть отцов, семь стариков, много рук.

Из изложенного видно, что в бурят-монгольском языке наблюдается то же самое, что и в немецком, с той разницей, что в последнем числительные ein, zwei и drei согласуются с определяемым в падеже. Должно, однако, заметить, что изложенное явление встречается лишь факультативно.

Особенно характерно то, что в некоторых диалектах бурят-монгольского языка определение дается во множественном числе, тогда как определяемое формально остается в единственном числе.

Примеры:

ехэнүүд гэр 'большие юрты'
багануд модон 'маленькие деревья'

(Буквально: 'большие юрта', 'маленькие дерево'). Но это явление не следует считать новым.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в бурят-монгольском (и калмыцком) языке наличествует собственно согласование (в лице) сказуемого с подлежащим. Согласование это, как мы видели выше, несколько иного типа, чем то, которое имеется в индоевропейских языках, где речь может итти лишь о глагольно-сказуемостном согласовании, заложенном в спряжении глаголов по лицам, чего нет в монгольских (и тюркских) языках. В последних с подлежащим согласуется любое сказуемое, хотя бы оно было выражено тем, что называется наречием, частицей, послелогами. Иначе говоря, если в индоевропейских языках согласование глагольного сказуемого с подлежащим проникает в морфологию и в ней заложено, то в монгольских языках согласование любого сказуемого с подлежащим не затрагивает морфологии, являясь исключительно фактом синтаксиса. Почему? Потому что соответствующие имена и глаголы, в положении сказуемого принимающие личные „окончания" (показатели сказуемости), не принимают этих „окончаний" тогда, когда они оказываются вне предложения (т. е. как бы в словаре) или в качестве любого члена последнего (подлежащего, дополнения и т. д., кроме ска-

зуемого). Это, между прочим, есть наглядное доказательство того, что в монгольских (и тюркских) языках нет спряжения глаголов по лицам, а также и того, что языки при отсутствии каких-либо одних грамматических приемов и форм прибегают к другим средствам.

Особняком стоит вопрос о повелительных (императивных) формах глагола, в которых последний как-бы действительно спрягается по лицам и, что не совсем отчетливо, числам. В халха-монгольском языке отчетливо выражены „спряжения" по лицам во всех повелительных формах, кроме желательно-сослагательной (ірēсеі — кабы пришел); бурят-монгольский язык в этом отношении отличается от халха-монгольского более частым употреблением сказуемостных показателей; в результате этого повелительные сказуемые бурят-монгольского языка согласованы с подлежащим и по числам, кроме третьего лица. При этом сказуемые согласуются с местоименным подлежащим, поскольку подлежащим повелительного предложения может быть только местоимение (за исключением третьего лица, когда подлежащим может быть имя любой категории; к тому же, как известно, в монгольских языках вообще нет местоимений третьего лица, которые исчезли очень давно, оставив лишь свои рудиментарные формы в виде притяжания).

Своеобразную форму согласования объекта с владельцем-подлежащим представляет собою так называемое безличное притяжание (см. выше). Как известно, в бурят-монгольском языке дополнение очень часто дается в форме безличного притяжания, имеющего значение „свой".

Примеры:

Хоёр үрэёв үхүүлжэ һэргэг болопон Бадматан гурбадахи энэ хүбүүгээ хүгжөөн дэгжээжэ оролдобо (Х. Н.) 'Потерявши двух своих детей и ставшие оттого осторожными, бадмаевцы стараются как можно лучше воспитать и вырастить своего третьего сына'

Юундэ шабартай хүлөөрөө һая үгааһан шал дээрэ оробош! 'Ты чего это своими грязными ногами пачкаешь только что вымытый пол!'

В этих примерах *үрэёв* (своих) 'детей', *хүбүүгээ* '(своего) сына' и *хүлөөрөө* '(своими) ногами' даны с безличным притяжанием, несмотря на то, что в бурят-монгольском языке имеется возвратное местоимение *өөрын* 'свой'.

Следовательно, по бурят-монгольски в каждом данном случае необходимо указывать, принадлежит или нет предмет-дополнение или предмет-обстоятельство предмету-подлежащему. Если, например, по-русски достаточно сказать „Ученик выпил дома чай" или „Иван вымыл руки", то по бурят-монгольски обязательно надо сказать: *Гэртээ һурагша сайгаа уугаа* 'Ученик в своем доме выпил свой чай'. *Иван гараа үгааба* 'Иван вымыл свои руки'.

По-русски иногда даже неудобно в каждом данном случае употреблять местоимение „свой".

Таким образом, дополнения и обстоятельства в бурят-монгольском языке, с одной стороны, управляются глаголами, с другой, согласуются по принадлежности с подлежащим (сигнализация собственности, как и в данном случае сказал бы, вероятно, Н. Я. Марр). В этом смысле согласование дополнения с подлежащим обязательно (если дополнение не является собственностью подлежащего, то это обстоятельство выражается нулевым согласованием, т. е. отсутствием безличного притяжания).

Вот почему в бурят-монгольском языке подлежащее и сказуемое являются организующими центрами предложения, или главными членами

последнего; по этой же причине мы должны считать неправильным тот тезис, по которому сказуемое считается фундаментом или минимумом предложения и которого мы в свое время придерживались.[1]

Заслуживает внимания своеобразное употребление безличного притяжания — возвратной формы имен при страдательном и побудительно-страдательном залоге. Суть сказанного заключается в том, что при страдательном залоге субъект и его принадлежность-собственность по отношению к сказуемому не различаются. В этом смысле монгольские языки перекликаются с языком немепу (в Америке), в котором „представления о частной собственности воспринимаются слитно с самим владельцем. Владелец и принадлежащий ему предмет представляют собой одно целое. Действие на мой предмет есть действие на меня, действие принадлежащего мне предмета является моим собственным действием... и тем самым получается как бы возвратная форма".[2] Такое явление в языке имеет место тогда, когда „я" противополагается „тебе" не как физическая же, а как моя социальная единица твоей такой же. Все, что происходит внутри данной социальной единицы (коллективного индивида), все это передается безобъектною формою глагола (непереходною)».[3] Страдательный залог и есть по значению непереходная форма глагола.

Примеры:

Бидэнэр малаа эдигдэбэбди	'Наш скот съеден' (буквально: 'Мы свой скот съедены')
Хүбүүгээ шулмада абтаба (из сказки)	'Шимнус отобрал (у него) сына' (буквально: '(Некто) взят своего сына шимнусу')
Шубуун даляа түлигдөөд ниидэжэ одобо	'Птица улетела, спалив свое крыло' (буквально: 'Птица, свое крыло будучи спалена, улетела')

Так как эти примеры однообразны, мы ограничимся анализом только первого из них. В нем сказуемое-глагол в форме страдательного залога согласовано с подлежащим *бидэнэр* 'мы', хотя по значению фразы съеденным оказывается не оно (подлежащее), а его собственность — скот: „Мы свой скот съедены", т. е. „Съеден наш скот". Следовательно, действие на наш предмет есть действие на нас же.[4] Следовательно же, в бурят-монгольском переводе русских фраз „Мы съедены" и „Наш скот съеден" сказуемые будут согласованы в лице с именем-владельцем, хотя во втором случае съеденным оказывается скот, а не мы:

Бидэнэр эдигдэбэбди	'Мы съедены'
Бидэнэр малаа эдигдэбэбди	'Наш скот съеден' (буквально: 'Мы свой скот съедены') (См. еще выше изложение залогов)

Управление

Наиболее частой формой грамматической связи в бурят-монгольском языке является управление. Управление заключается в том, что формы одних слов зависят от других слов, независимо от формы последних.

[1] Г. Д. Санжеев, Синтаксис монгольских языков, стр. 10; см. еще Н. Н. Поппе, Грамматика письменно-монгольского языка, стр. 8. Тезис о примете сказуемого был в свое время выдвинут еще представителями так называемой логической теории (особенно C. F. Becker'ом), обстоятельный разбор которой дается в книге И. В. Нетушила. Этюды и материалы для научного синтаксиса латинского языка, т. II. Харьков, 1885.

[2] И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 137—138.

[3] Там же.

[4] Там же.

Имеется управление именами со стороны глаголов и имен же, управление одних глаголов другими. Так, например, слово *гадана* 'кроме' требует от управляемого слова формы исходного падежа: *тэрээнһээ гадана* 'кроме того', *түлеэнһөө гадана* 'помимо или кроме дров'; если *гадана* употребляется в качестве определения со значением „лучше чем", то управляемое слово продолжает оставаться в том же исходном падеже, а после *гадана* никоим образом не допускается пауза (интонационное членение): *намһа гадана хүн эндэ үгэй* 'нет человека, который бы превосходил меня' (с паузой между *гадана* и *хүн:* 'человека нет, кроме меня').

Как известно, если требуется выразить превосходство или, как иногда неправильно формулируют, необходимо образовать превосходную степень от качественных имен, прибегают к тому же исходному (иногда и родительному) падежу: *һайнһаа һайн* 'лучший' (буквально: 'хороший из хорошего', сравни русское 'лучший из лучших') *муухаа муу* 'худший', *багаһаа бага* 'меньший', 'самый малый', *шамһаа ехэ* 'больше тебя'. Едва ли нужно указывать, что если качественное имя не управляет предыдущим словом, данным в исходном падеже, то перед ним обязательно употребляется пауза. Ибо в противном случае, несмотря на сопротивление словаря, может иметь место какое-либо недоразумение: *аймагһаа ехэ хүн ерэбэ* 'из района прибыл большой человек' (о „начальстве"); без паузы между *аймагһаа* и *ехэ* получится: 'прибыл человек, более ответственный, чем (работник) района'.

Некоторые глаголы, выражающие „страдательные психологические" состояния, управляют (в отличие от своих русских эквивалентов) исходным падежом: *хэмшеэрхэхэ* 'стесняться', *эмеэхэ* 'смущаться', *эшехэ* 'стыдиться', *айха* 'бояться'.

Разумеется, активные глаголы управляют винительным падежом и сохраняют этот падеж даже в том случае, когда они преобразуются в имена, например: *газедые эрхилэгшэ* 'редактор газеты'. Но случаи управления отглагольных имен винительным падежом редки и относятся большей частью к причастиям. Есть и такие глаголы, которые управляют винительным падежом там, где соответствующие русские глаголы требуют творительного падежа: *эзэлэхэ* 'завладеть', *эрхилэхэ* 'заведывать', *захирха* 'управлять'. Имеются, конечно, и такие случаи, когда глаголы управляют рядом других падежей, но о них речь должна итти в специальных работах.

Своеобразное управление имеется при винительном падеже, например: *Энэ доро үгэнүүдые бэшэһые унша* 'Прочти фразу, написанную ниже'.

В этой фразе сказуемое *унша* 'прочти' управляет причастием *бэшэһые* 'то, что написано', которое, в свою очередь, управляет именем *үгэнүүдые* 'фразу'. Следовательно, во-первых, причастие *бэшэһые*, с одной стороны, в форме винительного падежа управляется глаголом *унша* 'прочти', а, с другой, оно само управляет именем *үгэнүүдые* 'фразу', данным также в форме винительного падежа; во-вторых, причастие *бэшэһые* оказывается определением к своему собственному прямому дополнению. Буквально эта фраза означает: „Прочти написание фразу ниже", т. е. „фразу, написанную ниже".

Еще более разителен следующий пример из одной бурят-монгольской песни:

Эрээн нохоёо тэжээһэмнай 'Пестрая собака, которую мы вскормили,
Эжэндээ мэдэхээр эрхэлнэл! Ласкается к своему хозяину!'

В этой фразе логически подлежащим оказывается „собака", хотя по бурят-монгольски *нохоёо* по форме есть винительный падеж с притяжанием (буквально „свою собаку"), а формальным подлежащим является

причастие *тэжээһэмнай*, так сказать, „наше кормление", которым и управляется само логическое подлежащее.

Буквально эта фраза переводится следующим образом: „Свою пеструю собаку «кормление наше» своему хозяину ласкается".

Заметим, что сказуемое *эрхэлнэл* 'ласкается' согласовано с формальным подлежащим путем нулевого показателя, а не с логическим подлежащим *нохоёо*, которое по форме есть прямое дополнение к причастию — формальному подлежащему *тэжээһэмнай*. Выходит формально, что ласкается кормление наше, а не собака.

Почти все служебные имена требуют родительного падежа; этого же падежа требуют соответствующие определяемые, выражающие такие предметы, которые являются, например, частью или принадлежностью чего-либо (предмета, выраженного в определении).

Примеры:

минии хойно	'после меня'	*мориной һүүл*	'хвост коня'
гэрэй урда	'впереди юрты'	*уулын орой*	'вершина горы'
харгын хажуу	'около дороги'		

Многие качественные имена управляют орудным падежом.

Примеры:

малаар баян	'богат скотом'	*уһаар элбэг*	'изобилен водою'
шадалаар муу	'плох умением'	*модоор дутуу*	'беден лесом' (буквально: 'недостаточен деревом')

Формы управления имен именами в основном исчерпываются сказанным; отдельные же случаи иных форм управления будут предметами нашего дальнейшего изложения (в работе о синтаксической функции падежей в монгольском языке).

Относительно глаголов и отглагольных слов следует указать, что служебные глаголы (*болхо* в значении 'можно') и некоторые другие требуют чаще всего соединительного деепричастия, например: *Ябажа болно* 'можно итти', *уншажа һур* 'учись читать'. Условного деепричастия требуют некоторые качественные имена и глагол *зохихо* 'должно'; например: *ерэбэл һайн* 'хорошо, если придет', *гүйсэдхэбэл зохино* 'необходимо выполнить', *ябабал дээрэ* 'лучше итти'. Имена *хэрэгтэй* 'нужно' и *ушартай* 'должно' требуют будущего причастия, например: *гарха хэрэгтэй* 'нужно выйти', *орохо ушартай* 'должен войти'. Но в последних случаях мы имеем, однако, примыкание причастий (определений) к именам, а не управление в точном смысле этого слова.

В предложении слова так или иначе связаны со сказуемым. Если форма того или иного дополнения иногда зависит от характера сказуемостного глагола, то это еще не значит, что все дополнения по форме определяются характером этого сказуемостного глагола (залог и переходность или непереходность). Относительно всех дополнений, кроме случаев примыкания, можно сказать, что они связаны со сказуемым в порядке управления. Вообще говоря, все члены предложения, не исключая подлежащего, являются надстройкой сказуемого (применяя прием педагогов, можно сказать, что все члены предложения отвечают на какой-либо вопрос, исходящий от сказуемого, являющегося, следовательно, как бы „возбудителем" грамматических вопросов). Недаром Франке еще в 1872 году утверждал, что всякий падеж есть только ближайшее определение глагола.[1] Слова, подчиненные сказуемому или определяемому

[1] Franke. Ursprung der indogerm. Casusformen, Leipzig, 1872, S. 221.

в порядке примыкания, никак не оформляются, оставаясь в своей чистой основе. В последнем случае играют роль порядок слов и интонационное членение предложения (пауза), значимость которых ослабевает по мере усиления роли управления (и наоборот).

СОЧИНЕНИЕ

Большую роль в бурят-монгольском языке играет сочинение. Когда в предложении несколько слов выступают в одинаковой синтаксической функции как однородные члены (предложения), отвечая на один и тот же вопрос, исходящий, скажем, от сказуемого, то все эти слова оформляются одинаковым образом. Это и есть сочинение. Сказанное, конечно, не означает того, что сочиненными могут быть только главные члены предложения. Но сочинение в бурят-монгольском языке существенно отличается от индоевропейского сочинения тем, что чаще всего ту или иную форму (морфологическую) принимает последнее из сочиненных слов. Например: *нюур гараа бүлеэн үһаар бү угаа!* 'свое лицо и руки не мой теплой водою'. В этом примере однородные члены *нюур гараа* ('свое лицо и руки') сочинены, т. е. не зависят друг от друга и одинаковым образом относятся к сказуемому, отвечая на один и тот же вопрос: что? (чего не мой?) Но форму возвратного притяжания приняло только второе из сочиненных слов *(гар+аа)*. Следовательно, при сочинении значение формы последнего из сочиненных слов как бы распространяется на все сочиненные слова аналогично тому, как русские предлоги управляют сразу же несколькими словами (в строке лермонтовского стихотворения „с свинцом в груди и жаждой мести" предлог „с" одновременно управляет и свинцом и жаждой, требуя творительного падежа).

Глаголы управляют также несколькими глаголами же: *орохо гарха болжо байна* 'собирается и войти и выйти'. В деепричастиях, как известно, время действия определяется временной формой последующего глагола: *хабар болжо, саһан хайлба* 'весна настала, и снег растаял'; — в этом примере время глагола *хайлба* распространяется и на предыдущий глагол *болжо*.

В тесной связи с сочинением находятся такие явления в бурят-монгольском языке, как сложение и удвоение слов, которые необходимо подвергнуть краткому обзору.

1. Сложение слов

Сложение слов чаще всего применяется в словопроизводстве, в образовании новых слов, так называемых пар или парных слов. В качестве способа словообразования этот прием особенно часто используется в наше время в Монгольской Народной Республике. В связи с появлением новых понятий, отражающих явления новой эпохи в жизни народа и новой культуры, в языке естественно появилась необходимость в новых словах. Сложение дает парное слово, новое слово, в котором его составные части, состоящие из отдельных слов, иногда, как бы утрачивают свое самостоятельное значение. Парное слово бывает двоякого типа: в одном случае слова, входящие в пары, сохраняют свои значения и по существу не создают новых понятий; в другом — получается как бы совершенно новое слово, в котором его составные слова теряют свои значения. Иными словами, в первом случае мы имеем механическое сложение слов, а во втором — как бы нечто похожее на химическое соединение элементов.

Практически уловить различие между этими двумя типами парных слов бывает иногда чрезвычайно трудно. Возьмем, например, парное

слово *аха дүү*, состоящее из *аха* — 'старший' вообще и *дүү* 'младший' вообще и переводимое по-русски как „братья". В бурят-монгольском языке нет слова „брат", а есть „старший" вообще *(аха)* и „младший" вообще *(дүү)*. Это объясняется, конечно, особенностями родового быта, пережитки которого до недавнего времени сохранялись у бурят-монголов. Утверждать, что путем сложения *аха* и *дүү* получается "отвлеченное" слово „брат", было бы неверным, так как *аха дүү* значит „братья" (вернее старший и младший), но не „брат"; точно так же, как неверно было бы называть русское сочетание „братья и сестры" собирательным или отвлеченным словом лишь потому, что оно соответствует одному немецкому слову: Geschwister. К этому надо добавить, что едва ли кто скажет про себя в одном лице *аха дүү* в значении „брат такого-то", но *аха* или *дуу* (хотя, надо сказать, что в героических улигерах, например в „Хан Харангуе", можно встретить выражение *аха дүү болхо* 'стать братом и в отношении одного лица', надо полагать: „старшим по отношению к младшему и младшим по отношению к старшему"). Еще более показательным является сочетание *эхэ эсэгэ* 'отец и мать', т. е. родители; это сочетание по отношению к русскому „родители" характеризуется теми же особенностями, какие имеются в русском сочетании „братья и сестры" по отношению к немецкому „Geschwister". Иначе говоря, одно лицо про себя никоим образом не скажет *эхэ эсэгэ* в значении русского „родитель" или „родительница".

Если мы обратимся к такому примеру как *эб хамта* (монг.) 'коммунизм', то в нем его составные части, *эб* 'согласие' и *хамта* 'вместе' потеряли свои значения (монгольские примеры условно даем в бурят-монгольском оформлении). Такой полный отрыв составных частей парного слова от своих значений не был раньше присущ монгольским языкам. Несомненно, что подобный способ терминотворчества должен был отпасть, это и случилось в Бурят-Монголии с терминами типа *эб хамта*, замененными интернациональными „коммунизм" и т. д.; то же самое начинает происходить и в Монгольской Народной Республике.

Сложение или образование парных слов бывает двоякое по составу и по значению. В соответствии с этим мы имеем парные глаголы и парные имена (по составу), и смежнопарные слова и контрастнопарные слова (по значению).

1) Парные глаголы:

а) смежные по значению:

тээхэ нэбтэрүүлхэ (монг.) 'транспортировать' (буквально: 'класть и внедрять')
гүйхэ харайха 'бегать' (буквально: 'бегать и прыгать')

б) контрастные по значению:

үйлаха дуулаха 'плакать' (буквально: 'плакать и петь')
орохо гарха 'входить и выходить'

2) Парные имена:

а) смежные по значению:

арга хэмжээ 'мера' (как 'акт', буквально: 'способ и мера измерения')
фабрик завод 'фабрика и завод'
нам эблэл (монг.) 'партия и союз'

в) контрастные по значению:

эхэ эсэгэ 'родители' (буквально: 'мать и отец')
эндэ тэндэ 'кое-где' (буквально: 'здесь и там')

Употребление этих пар таково, что, во-первых, смежные или контрастные слова, образовав пары, как бы выражают собирательные и отвлеченные понятия, например: *эхэ эсэгэ* 'родители'; во-вторых, эти пары выражают иногда неопределенность, например: *фабрик заводоор ябаба* 'ходил не то по фабрике, не то по заводу' или 'по фабрикам и заводам'. В-третьих, эти пары сохраняют самостоятельность значений своих составных частей, например: *нам эблэлын гэшүүд* (монг.) 'члены партии и союза'.

В отдельных случаях частое употребление того или иного парного слова приводит к тому, что последнее как бы становится одним словом, в котором составные его части уже не осознаются, претерпевая при этом некоторые фонетические изменения. В этом отношении характерно аларское (у бурят-монголов) *үхибүүд* 'дети', 'ребенок', в котором аларцы уже не различают *үхин* 'девочка' и *хүбүүн* 'мальчик' (в этом сочетании выпали конечный *н* из *үхин* и начальный слог во второй его части *хү* из *хүбүүн* (даже более того: теперь не всем аларцам известно слово *үхин*).

Парные глаголы, которых по сравнению с парными именами не так много, чаще всего употребляются в изъявительных и причастных формах, в форме соединительного, слитного и разделительного деепричастий; почти не употребляются в повелительных формах.

Парные слова употребительны, как известно, не только в монгольских языках, но и в ряде других, например тюрко-татарских, в которых мы наблюдаем то же самое, что и в монгольских. При этом „увлечение" парными словами доходит до того, что наскоро "придумываются" ничего незначащие „слова", состоящие из определенного набора звуков и представляющие собой как-бы фонетическую вариацию того или иного слова. Например, как только в западные говоры бурят-монгольского языка проникло русское слово „перо", к нему же подобрали пару в виде *мироо* (получилось *пироо-мироо*). Звукосочетание *мироо* в отдельности ничего не означает. Такие словообразования можно назвать ложнопарными словами. Очень часто к какому-нибудь слову в качестве пары подбирается другое слово, например, к слову *малгай* 'шапка' подбирается *толгой* 'голова', получается *малгай толгой* 'шапка и голова', хотя речь идет только о шапке. Ложнопарные слова, по аналогии с тюркскими языками, возникают и в русской шуточной речи в Средней Азии, например, "баран-маран" (сообщил нам К. К. Юдахин). В наше время появление ложно-парных слов объясняется, конечно, действием закона аналогии. Но генезис возникновения парных слов вообще коренится, очевидно, в другом, именно в скрещении, по теории Н. Я. Марра, имевшем место на ранних стадиях развития языка. „Скрещение имело этапы своего развития в любой среде, — пишет Н. Я. Марр,[1] — начинаясь парным употреблением двух самостоятельных слов, и лишь в конечном результате оно завершилось их не только полным, как бы физическим сращением, но и химическим слиянием, т. е. с такой переработкой двухэлементного слова, что от четырех согласных двух элементов, если не интересоваться участью гласных, присущих каждому из них по одному, оставалось три, часто всего-навсего два". Далее Н. Я. Марр говорит и о том, что у великого грузинского поэта Шота Руставели наблюдаются „под влиянием процесса скрещения возникшие параллелизмы". То же самое он подмечает в языках Средней Азии, коми и т. д. Правда, у Н. Я. Марра речь идет о парных соединениях слов разного языкового круга: например, одного коми (*му* 'земля') и другого русского (*земь* 'земля'). Употребляются такие скрещенные слова и параллелизмы для того, чтобы

[1] Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 120—121.

„их сумма, при известности хотя бы одного из слагаемых каждой стороны, была обоюдопонятна для обеих сторон, вовлеченных в общение единством хозяйства и из него нараставшей общественности", — пишет Н. Я. Марр. Конечно, когда бурят-монгол говорит: *хул гараараа* или *гар хулвэрвв* в значении только 'своей рукой' (а не 'рукой и ногой'), то он вовсе не имеет в виду быть более понятным, чем при употреблении только одного слова *гараараа* 'рукою'. Это лишь свидетельствует о том, что на предыдущих стадиях развития тех наречий и языков, из которых сложился впоследствии бурят-монгольский язык, выражение, аналогичное *хул гараараа* действительно употреблялось для того, чтобы сумма слагаемых была „обоюдопонятна" при известности, допустим, одному племени *гар*, а другому *хул* в одинаковом значении рука. Следовательно, согласно учению Н. Я. Марра, сначала было скрещение элементов-слов, а потом, на иной стадии развития языка, соединение одинаковых по значению слов. Само собою разумеется, скрещение или соединение на новейших стадиях играет уже иную роль (стилистическую — для уточнения и выражения оттенков одного и того же понятия, перевода иностранных слов, как это в VIII—IX веках имело место у грузинских переводчиков, передававших одно греческое слово парой грузинских, „обозначающих каждое в отдельности то же самое").

Что касается генезиса появления ложных парных слов типа *пирооmирoo* или среднеазиатско-русского шуточного *баран-маран* (в значении *баран*), то тут мы тоже имеем дело с пережитком своеобразного скрещения, но в кругу более близких друг к другу языков. Дело в том, что на определенной стадии развития языка употребление в той или иной позиции разных, но однотипных звуков (например, губных *б*, *п*, *м*, или плавных *л* и *р*) является совершенно безразличным, по крайней мере, в определенных положениях (это пережиточно сохраняется до сих пор, например, в бурят-монгольском языке; слова в орудном падеже с окончанием на *д* и *с*: *ородоор — орохоор — оросоор* — по-русски). С течением времени в языке того или иного племени закрепляется то или иное звуковое оформление (в связи с тем, что язык начинает различать разные, но сходные между собой звуки); так и получилось у бурят-монголов *дэгэл* 'шуба', у халхасцев *дээл*, у ойратов *девл*, в монгольско-письменном *debel ~ degel*. Можно условно допустить, что некогда разные монгольские племена, общаясь между собой, говорили *degel — debel* (чтобы быть обоюдопонятными), при этом могло быть, что для одного из племен *дэгэл* (скажем, для ойратов) или *девл* (скажем, у ранних хоринцев) звучало так же бессмысленно, как нынешнее *мироо* при понятном *пироо* 'перо'. В дальнейшем уже действует закон аналогии, и ныне ложно-парные слова являются предметами лишь стилистической необходимости, т. е. выполняют иную функцию, нежели раньше, оказываясь иногда лишним балластом.

На ряду с изложенными типами парных и ложно-парных слов существуют и такие, в которых одна из их частей-слагаемых является по отношению к другой синонимом, но позабытым и в отдельности не употребляемым, например: *хубсаһа-хунар* 'одежда' (буквально: 'одежда-одежда'); ныне в живых монгольских языках слово *хунар* в сущности позабыто, употребляется оно лишь в паре с *хубсаһа*, и только в дагурском наречии, как сообщает об этом Н. Н. Поппе, оно бытует как самостоятельное слово.

Встречаются так называемые „скрещенные" пары, по терминологии Т. А. Бертагаева (по сути дела — смежные, ибо все пары скрещенные). Они составляются, например, из одного бурят-монгольского слова и другого — заимствованного (русского и т. д.), в отдельности обозначающего то же самое, например: *город-тура* 'город' (буквально: 'город-город').

Со словами такого типа происходит следующая история, отражающая собою различные этапы терминотворчества в бурят-монгольском языке за последние 15—20 лет: сначала какое-либо русское или иностранное слово переводится, хотя его иногда и не следовало переводить; затем на ряду с переводом в качестве пары употребляется заимствованное слово, и, наконец, перевод устраняется, в результате чего это заимствованное слово закрепляется монопольно. Так, например, случилось со словами типа "партия" и т. д., историю которых по этапам их проникновения в бурят-монгольский язык можно изобразить следующим образом:

I этап — нам (партия)
II „ — парти нам
III „ — парти

Помимо образования парных слов, сложение используется и для образования сложных собственных имен, как например, *Цэрэндулма ~ Серендулма* — Церендулма (а не: Церен и Дулма), *Гармажаб* — Гармажаб (а не: Гарма и Жаб) и т. п. Здесь мы имеем нечто аналогичное западноевропейским феодальным имяобразованиям типа Карл-Евгений-Август и т. д. В феодальной Монголии чем феодал был выше по рангу, тем сложнее у него было и имя (иногда из пяти-шести отдельных имен).

С парными словами нельзя смешивать сложные слова или композиты, образующиеся синтаксическим путем (управлением, сочетанием определяемого с определением и т. д.), типа *мяхабэлэдхэл* 'мясозаготовка' (буквально: заготовка мяса, первая часть данного композита *мяха* по отношению ко второй части *бэлэдхэл* есть прямое дополнение в форме основы), *моторбарилга* 'моторостроение'.

2. Удвоение

Удвоение основы как грамматический прием в бурят-монгольском языке следует признать живым и действующим. Используется этот прием для усиления значений качественных имен и глаголов, например: *эхэ ехээр* 'помногу', *бага ба·аар* 'понемногу', *гүй гүйһээр* 'все бегом', *яба ябаһаар* 'идя и идя'. Изредка удвоению подвергаются и предметные имена, например, *гэр гэртээ* 'по домам, каждый в своей юрте', *айл айлаараа* 'всеми айлами'. Удвоению подвергаются имена в измененных формах, т. е. в форме того или иного падежа, кроме именительного, а глаголы только в форме продолжительного деепричастия. С удвоением не следует смешивать повторение типа *эндэ, эндэ* 'здесь, здесь'; *бага, бага* 'мало, мало', в котором слова представлены в неизмененной форме. Особняком стоят звукоподражательные слова, которые всегда удвоены и неизменяемы, например: *хер-хер* — подражание звуку, когда что-либо грызут зубами; *һар-һар* — звук ходьбы по замерзшему снегу; *һам-һам* 'гав-гав' (собачий лай) и т. д. Звукоподражания протяжного типа (блеяние овец *май*... с протяжным эмфазисом, мычание коров *мөө*... и т. д.) почти никогда не удваиваются, причем от этих слов возможны образования глаголов: *майлаха* 'блеять', *мөөрэхэ* 'мычать'.

* * *

Установив роль и значение отдельных грамматических приемов в бурят-монгольском языке и характер их взаимоотношений, мы пришли к выводу, что некоторые приемы начинают все более господствовать за счет отстранения других (например, мы говорим об ослаблении роли и значения порядка слов в предложении в результате наличия и распространения личных показателей сказуемости). В связи с этими явлениями должны быть отмечены и такие, как, например, „исчезновение" окончания

родительного (точнее — притяжательного) пред послелогами; это объясняется тем, что внимание концентрируется на служебных словах — послелогах, например: *толгой дотор* 'в голове' (буквально: 'голова внутри'), *сонхо дээрэ* 'на окно'... Неупотребление родительного падежа в этих примерах объясняется тем, что роль и значение этого падежа ослаблены соответствующими послелогами, к которым и приковано внимание говорящего (пишущего) и слушающего (читающего). И родительный падеж, как „ненужный" и лишний в смысловом отношении, в определенных положениях начинает исчезать. Процесс этот в бурят-монгольском языке еще полностью не завершился. Поэтому на ряду с приведенными выше примерами (количество их можно было бы увеличить до бесконечности) встречаются и такие, в которых при тех же послелогах родительный падеж сохраняется, например: *багашуулай дотор* 'среди детей', *бидэнэй дотор* 'среди нас' (буквально: 'внутри нас').

Несомненно, что в дальнейшем родительный падеж перед послелогами совершенно отомрет; сейчас он употребляется все меньше и меньше, семантически он уже мертв. Аналогичные прецеденты имеются и в других языках, например во французском, где благодаря колоссальной грамматической нагрузке предлогов оказалось возможным обойтись без падежной флексии (истории этого явления мы здесь не касаемся). Тенденция к исчезновению родительного падежа, которая наблюдается во всех монгольских языках, напоминает аналогичные явления, происходившие в английском языке после норманнского завоевания. Падежные окончания тогда начали отмирать, ибо под влиянием предлогов они „перестали быть носителями ценных семантических и грамматических функций", как сказано в одном очерке по истории английского языка.

Этим самым мы вовсе не собираемся утверждать, что монгольские языки находятся на путях к ликвидации своих падежей. Наоборот, на ряду с ослаблением роли родительного падежа перед послелогами, усиливается роль и значение винительного падежа как показателя прямого объекта, который некогда обозначался и обозначается ныне основой данного имени, называемой иногда неопределенным падежом. Мы хотели только показать, что в новейшее время в бурят-монгольском языке усиливается роль и значение послелогов, количество которых все более увеличивается. Это приводит к серьезной перестановке изложенных выше грамматических приемов и форм связи между словами (и членами предложения). Возможно произойдут чрезвычайно важные изменения, которые приведут агглютинативный (по морфологии) и "препредикативный" (по синтаксису) бурят-монгольский язык, к некоторой близости с аналитическими языками. Строй последних, как известно, заключается в том, что отношения между словами выражаются при помощи особых слов (предлогов, послелогов, местоименных окончаний, служебных и вспомогательных глаголов, показателей субъектности и предикативности и т. д.).

О СОСТАВЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В бурят-монгольском предложении мы должны различать следующие его члены: сказуемое, подлежащее и дополнение. Далее идут определения и служебные члены (связки, показатели членов предложения, слова союзного значения и усиления). Простейшим видом предложения надо признать такое, которое состоит из подлежащего и сказуемого, дополнения и сказуемого или только из одного сказуемого, в котором имеется и выражение субъекта.

Сказуемое в предложении почти всегда занимает последнее место, за исключением особых случаев.

Рассмотрим сначала предложения с подлежащими и сказуемым:

Хура тогтобо	'Дождь прекратился'
Наран гарба	'Солнце появилось'
Харгы хатана	'Дорога сохнет'

Простейший вид предложения иначе образован быть не может: сказуемое, за исключением особых случаев, никоим образом не может находиться впереди подлежащего. По существу самым простейшим видом предложения, выражающего законченную мысль, является такое предложение, которое передается одним сказуемым, имеющим в себе указание на субъект действия или состояния; стало быть речь идет о таком предложении, в котором „опущено" лично-местоименное подлежащее, например: *ябанаб* 'иду', *орохош* 'войдешь', *багшабди* '(Мы) учителя'.

Хотя и могут быть предложения, в которых подлежащие отсутствуют, однако такие случаи весьма редки: они сводятся всего лишь к нескольким глаголам, которые по своему содержанию не требуют обязательного наличия подлежащего или даже исключают последнее.

Примеры:

Бороожобо	'Пошел дождь, дождит'
Хүйтэрбэ	'Стало холодно, похолоднело'
Һалхилна	'Дует ветер'

Поскольку в подобного рода примерах речь идет о природных или атмосферных явлениях, подлежащее не может наличествовать (в качестве последнего „мыслится" космос, внешняя природа). С такими „безличными" предложениями не следует смешивать неполные по значению и форме предложения, в которых при соответствующем построении речи или контексте обстановки допускается подлежащее, например: *эрэбэ* 'прибыл', *гарба* 'вышел' и т. д. Но при „безличных" предложениях не возникает вопроса „кто?" или „что?" (например, *хэн* или *юун бороожобо* 'кто или что дождит?'). В неполных односказуемостных предложениях типа *гарба* и *ерэбэ* естественно напрашивается вопрос *хэн ерэбэ?* или *юун гарба?* 'кто прибыл?' или: 'что вышло?' Вопрос этот напрашивается, когда по контексту речи не совсем ясно, о ком или о чем говорится.

Дополнение относится к сказуемому, являясь его надстройкой, и всегда ставится перед ним.

Примеры:

Сонхо тоншоно	'Стучит в окно'
Гэнтэ һууна	'Мигом усаживается'
Конюушни соо заана	'Показывает на конюшню'
Газаа тээшэнь түлхинэ	'Выталкивает вон'

Если в предложении мы имеем и дополнение и подлежащее, то ближе всего к сказуемому стоит тот из членов, на который падает логическое ударение:

Примеры:

Бидэ гэртээ наадаабди	Мы играли дома
Наранай гэрэл хурса болбо	Солнечный свет стал жгучим
Багашуул үлигэр уншаба	Дети прочитали сказку

В этих примерах логическое ударение падает на дополнения, так как внимание говорящего устремлено на вопросы „где (мы играли)? каким (стал солнечный свет)? что (читали дети)?" Если бы логическое ударение падало на подлежащие, то они стояли бы перед сказуемым.

Примеры:

Гэртээ бидэ наадабабди	'Дома играли мы'
Үлигэр багашуул уншаба	'Сказку читали дети'
Тарыагаа артель сохибо	'Хлеб молотила артель'

В итоге мы получаем предложения с логическим ударением то на подлежащем, то на дополнении; в зависимости от этого получаются предложения с различной расстановкой их членов. Таким образом мы имеем следующие схемы предложения:

$$П — Д — С \text{ или } Д — П — С,$$

в которых П — подлежащее, Д — дополнение и С — сказуемое.

Нет оснований к тому, чтобы в бурят-монгольском языке находить особую категорию обстоятельства, отличную от категории дополнения, как то имеет место в русском синтаксисе. И обстоятельство и дополнение это — надстройки сказуемого, отличающиеся от подлежащего тем, что они не выражают субъекта действия или состояния. Мы уже не говорим о том, что русские синтаксисты до сих пор спорят о границе между дополнением и обстоятельством. Это доказывает, что разграничение обстоятельства и дополнения, внесенное по формальным соображениям, построено весьма искусственно, поскольку то и другое по своему логическому содержанию иногда выражает одно и то же.[1]

Определение — это член предложения, отвечающий на вопросы: какой?, чей?, сколько? Определение относится или может относиться к любому члену предложения. Член предложения, имеющий определение, является определяемым. Определение всегда ставится непосредственно перед своим определяемым.

Примеры:

Колхозно таряалан тэндэ байна	'Колхозные посевы находятся там'
Комсомольско суглаан болбо	'Состоялось комсомольское собрание'
Олон трактористнар ажалдаа гарба	'Много трактористов вышло на работу'
Хурса наран гарба	'Взошло яркое солнце'

В этих примерах определениями являются *колхозно* 'колхозные', *комсомольско* 'комсомольское', *хурса* 'яркое', или 'палящее' и *олон* 'много, многие'; определяемыми — прочие слова. Определение, как мы видим, не является в предложении самостоятельным членом, ибо оно относится не к сказуемому (глагольному), а к прочим членам предложения: подлежащему и дополнению.

К определениям мы относим и обстоятельства образа действия, выраженные деепричастиями первой группы, если они не являются в предложении слитными или сочиненными сказуемыми и отвечают на вопросы: „как? каким образом?"

Хатаргаад ябаһан харгыгаа	'Дорогу, по которой мы промчались вскачь (буквально: 'прибыли проскакавши'),
Хажуушаа хаража танихалди	запомним по приметам (буквально: 'смотря по сторонам');
Ханидай зугаалһан зугаае	песню, пропетую друзьями, поймем
Шэбшэн байжа ойлгохолди (А. П.)	размышляя'

[1] К вопросу о разграничении обстоятельства и дополнения см. статьи М. Л. Ванловой „О границах между обстоятельством места и дополнением" в журнале „Русский язык в школе", 1937, № 4, стр. 85—90, и С. И. Абакумова „Изучение второстепенных членов предложения (проект методразработки)", там же, № 2, стр. 62—68.

В этой песне деепричастия *хатаргаад* 'прискакавши', *хаража* 'смотря' и *шэбшэн* в данном случае 'размышляя', нами рассматриваются как определения к последующим глаголам, так как они выражают обстоятельства образа действия, отвечая на вопросы „как? каким образом?"

Различного рода частицы и послелоги не являются самостоятельными членами предложения, как бы ни была значительна их роль в высказывании. Эти частицы и послелоги имеют значение постольку, поскольку они оттеняют положение того или иного члена предложения или определяют отношение дополнения к сказуемому. Следовательно такие „определения" и служебные слова (частицы и послелоги) входят в состав предложения не сами по себе, не самостоятельно, а только находясь в составе одного из членов предложения.

Примеры:

Би шамда боли гэжэ хэлээ һэн шуу даа 'Я же говорил тебе: „перестань"' (частицы относятся к сказуемому)

Морёор ла ябаа гэшэб 'На коне же я ехал' (частица относится к дополнению)

Хада дээрэ мал бэлшэнэ 'На горе пасется скот' (*дээрэ* относится к дополнению)

Ан ой соо ябадаг 'Зверь живет в лесу' (*соо* относится к дополнению)

Шоно болбол хорто ан 'Волк — вредный зверь' (*болбол* относится к подлежащему, как его показатель)

Все эти частицы, послелоги и т. д. могут быть названы служебными членами предложения, к числу которых нельзя относить определения, поскольку они не определяют отношения дополнения или подлежащего к сказуемому.

Из послелогов особенную роль играют *һаа* 'если', *хада* 'или' (с притяжанием) *хадаа* 'когда', 'если'. Послелог *һаа* по своей функции напоминает условное деепричастие с той разницей, что употребляется лишь при именных формах глагола, например: *ябаа һаа* 'если пойдет', *арляа һаа* 'если уйдет' и т. д. Таково же значение послелога *хада*, например: *ябаа хадаа* 'если пойдет', *хүн хадаа* 'если человек', *эндэ хада* 'если здесь' и т. д.

Вспомогательный глагол *аад* чаще всего употребляется в уступительных оборотах со значением "хотя".

Примеры:

Үсхэлдэр хура ехээр ороһон аад, үнөөдэр харгы шимэ хуурай байна. 'Хотя вчера шел сильный дождь, сегодня дорога так суха'

Хүлгүй аад гүйбэ, далигүй аад ниидэбэ 'Без ног, а побежал; без крыльев, а полетел' (загадка: облако)

Все члены предложения отвечают на вопросы, исходящие от сказуемого.

Үбэлэй хүйтэндэ багашуул дулаан хубсаһаа үмэдөөд ябаган шаргаар мүлһэн дээгүр наадана 'В зимние холода дети одевают свои теплые одежды и на саночках катаются на льду'. В этом предложении все члены отвечают на вопросы, исходящие от сказуемых *үмэдөөд* и *наадана*:

Үбэлэй хүйтэндэ	— *хээзэ*	'когда?'
багашуул	— *хэн*	'кто?'
дулаан хубсаһа	— *юу*	'что?'
ябаган шаргаар	— *юугаар*	'на чем?'
мүлһэн дээгүр	— *хаана*	'где?'

Какой-либо ответ на вопрос, исходящий от сказуемого, может быть простым или развернутым. Так, на вопрос — „когда приехал?" — можно ответить и одним словом *үдэшэ* 'вечером' и синтаксическим целым: *үдэшэ хура орожо байхада* 'когда вечером шел дождь'.

С точки зрения и логической и формальной мы не видим принципиальной синтаксической разницы между двумя приведенными ответами на вопрос: когда приехал? Вся разница только в том, что во втором случае ответ составлен как бы из целого сочетания, а в первом — только из одного слова: *үдэшэ* 'вечером'.

Следовательно, член предложения может состоять как из отдельных слов, так и из целых групп слов. Член предложения, составленный при помощи целых групп слов, т. е. из причастного или деепричастного оборота, мы называем развернутым членом. Развернутый член предложения исторически предшествует придаточно-подчиненному предложению (в аналитических языках с развитой предложной системой).

Развернутый член предложения представляет собой организацию слов, которая строится в общем так же, как и предложение вообще, с одной только разницей, заключающейся в следующем: причастное или деепричастное дополнение преобразуется в причастный или деепричастный оборот, т. е. обрастает своими объектами-дополнениями, один из которых в родительном падеже выражает логический субъект действия, например, на вопрос: 'когда растет трава?' можно ответить и *зун* летом и *болходо* 'когда становится'. Последний ответ, формально вполне правильный, но по содержанию явно недостаточен; поэтому дополнение *болходо* (будущее причастие в дательном падеже) начинает обрастать своими дополнениями: *зун дулаан болходо (ногоон ургана)* 'когда летом становится тепло (растет трава)'.

Как известно, причастное дополнение в монгольских (и тюркских) языках почти всеми лингвистами, кроме А. Бобровникова, Ж. Дени и Г. Д. Санжеева, признавалось придаточным предложением на том только основании, что оно иногда переводится на русский язык придаточно-подчиненным предложением („когда летом становится тепло"). Такой переводческий подход к явлениям языков коренится в том, что лингвисты не задавались вопросами стадиальной периодизации. Игнорирование этой периодизации языков приводит их к неразрешимому вопросу о границе между простым и сложным предложениями. Ответ, по их мнению, заключается в том, что достаточно причастному дополнению обрести „свое" дополнение или „подлежащее", как оно „превращается" в придаточное предложение. Подход, как видно, поверхностный, улавливающий лишь количественные явления, но не качественные, ибо появление „подлежащего" еще не образует нового качества.

Причастные дополнения могут быть развернутыми во всех падежах. Развернутым может быть и причастное подлежащее.

Примеры:

Танай хэлэһэн зүб байна.	'То, что вы сказали, совершенно справедливо'
Энүүн тухай нэлэ һонин зүйлые уни сагта дуулаһамни нимэ байна	'Это как раз и есть что-то такое интересное, о чем я когда-то слышал'

Как известно, дополнениями или обстоятельствами являются в предложении и деепричастия второй группы. Будем ли мы (в методических целях для школы) называть деепричастия с их собственными дополнениями деепричастными оборотами или обособлениями, или же будем называть их (по переводным мотивам) придаточными предложениями

(что гораздо хуже), все равно деепричастия не перестанут оставаться дополнениями или обстоятельствами. В случае обрастания своими дополнениями деепричастия становятся развернутыми дополнениями.

Деепричастные дополнения, как и причастные, ничем не отличаются от „обычных" дополнений:

Примеры:

Наранай гарбал үбэһэмнай хатаха — 'Если взойдет солнце, наше сено просохнет'

Миниі аймагһаа ерэтэр таа эндэһээ ябахагүй бэзэт — 'До моего приезда из аймака (или до тех пор пока я не приеду из аймака) вы, вероятно, не уйдете отсюда'

Итак, причастие или деепричастие второй группы, обрастая своими дополнениями, становятся развернутыми членами предложения. Развернутый член предложения, образуемый из причастного или деепричастного оборота (см. ниже), по своей структуре есть „предложение"; следовательно, при развернутом члене мы имеем предложение в предложении.

Именно в силу изложенного мы не считаем возможным согласиться с теми старыми лингвистами, которые устанавливают в монгольских языках наличие сложно-подчиненного предложения: то, что они называют придаточно-подчиненным предложением, оказывается лишь развернутым членом предложения.

Обращает на себя внимание распространение в современном бурят-монгольском языке (в газете чаще всего, но встречается также в художественной литературе и в разговорной речи) „настоящих" придаточных предложений.

Примеры:

Хэмнай модо холо шидэнэб, тэрэмнай оброк абаашуужа (Д — 20, из перевода сказки А. С. Пушкина „О попе и работнике его Балде") — 'Кто далее палку бросит, тот и пускай оброк уносит'

Хэниинь ехэ показательтайб, тэрэнь ошохо ёһотой даа (Ш.) — 'Кто имеет большие показатели, тот и должен поехать (на слет)'

Хаанаһаа ерээбшэ, тэндээ ошо (Х.) — 'Откуда пришел, туда и ступай'

Хайша шиглэнэб, тэрэ эүгтэ ябана (Х.) — 'Куда повернут, туда и идут'

Энэ үедэ хэн һайн хүдэлмэрилээб, тэрэ болбол энэ хүдэлмэриһээ таһаржа болхогүй һайн мэдэнэ (Ү. 2343) — 'Кто в это время хорошо работал, тот хорошо знает, что от такой работы нельзя отрываться'

Суть употребления таких конструкций заключается в том, что вопросительные слова при наличии в главном предложении указательных слов, потеряв свой вопросительный характер, начинают использовываться в качестве союзов подчинения. При этом придаточные предложения с вопросительными словами по существу оказываются определителями указательных слов, имеющихся в главном предложении.

Распространенность подобных конструкций усиливается, понятно, под влиянием переводов с русского языка (синтаксические кальки), хотя, надо сказать, что такие обороты были присущи самому бурят-монгольскому языку. Но эти конструкции не следует смешивать с причастными оборотами. И особенно потому, что причастный оборот оказывается подлежащим:

Танай хэлэһэн тон зүб 'То, что вы сказали, совершенно справедливо'. По теории сторонников сложного предложения окажется, что в этом предложении нет подлежащего, поскольку *танай хэлэһэн* 'то, что вы сказали', оказывается придаточным предложением.

Причастие (или деепричастие) в составе своей надстройки, т. е. в своем собственном обороте, есть сказуемое и потому занимает в ней последнее место. Конструируется развернутый член предложения так же, как и предложение вообще с той, однако, разницей, что логический субъект почти всегда выражается родительным падежом (в халха-монгольском языке и винительным), а само причастие или деепричастие, в составе своей надстройки являясь сказуемым, не обладает теми особенностями, которые свойственны вообще сказуемому (в частности, деепричастия и причастия в этих случаях не принимают сказуемостных частиц).

Примеры:

Танай 'ваш' — логический субъект
хэлэһэн 'сказанное' — сказуемое, но подлежащее в предложении
Это значит: 'То что вы сказали'

Миниі 'меня' — логический субъект
аймагһаа 'из аймака' — дополнение
ерэтэр 'до прибытия' — дополнение

Это значит: 'До моего приезда из аймака'.

Следовательно, причастие или деепричастие второй группы должны быть определены двояко: как тот или иной член предложения и как сказуемое в составе своей надстройки, т. е. в развернутом члене предложения или в своем обороте. Сказанное можно представить в виде следующей таблицы:

„Если я не приду, то ждите меня здесь".

Миниі	„подлежащее"	развернутого дополнения
ерээ үгэй хада	сказуемое	
та	подлежащее	
эндэ	дополнение	
хүлеэжэ	дополнение	
һуугаарайт	сказуемое	

Первый член этого предложения является развернутым, в котором имеются свое подлежащее (*миниі* 'я') и свое сказуемое (*ерээ үгэй хада* 'если не приеду'). Остальные члены (*эндэ хүлеэжэ һуугаарайт* 'то ждите меня здесь') — простые, а не развернутые. Необходимо еще обратить внимание на то, что „подлежащее" в развернутом члене предложения (*миниі*) необходимо оформлено в родительном падеже. Если форма сказуемого развернутого члена, т. е. причастного и деепричастного оборотов, зависит от того, в качестве какого из членов предложения высту-

пает данный развернутый член, то подлежащее развернутого члена почти всегда дается в форме родительного падежа, что особенно касается местоимений. Только когда речь идет о явлениях природы или о явлениях космического и атмосферного порядка, подлежащее выражается именем в „форме" основы, например: *Хура ороходо* 'Когда будет дождь'.

Надо, впрочем, сказать, что кое-когда и эти подлежащие даются в родительном падеже:

Хурын ороходо 'Когда будет дождь'. *Наараиай гархада* 'Когда восходит солнце'. Заметим, что *үглөө* 'утро' и *үдэшэ* 'вечер' при глаголе *болхо* 'становиться' не являются подлежащими.

В халха-монгольском языке подлежащим развернутого члена является винительный падеж, в турецком языке — родительный, в письменно-монгольском языке (при отсутствии влияния живой речи) — родительный же падеж.

Все же надо отметить, что имя в родительном падеже в качестве подлежащего развернутого члена встречается значительно чаще, чем в винительном падеже. Относительно формы падежа подлежащего развернутого члена в монгольском письменном языке А. Бобровников полагал, что именительный падеж употребляется тогда, когда речь идет о „неодушевленном" предмете. Имя, выражающее „одушевленный" предмет, ставится в именительном падеже тогда, когда речь идет об отношении этого предмета к действию основного сказуемого. Винительный падеж, по Бобровникову, употребляется тогда, когда речь идет о разумных существах, а причастие дано в местном или дательном падеже. Мы же полагали, что в монгольских языках подлежащее развернутого члена дается в родительном падеже в том случае, если причастие или деепричастие выражено переходным глаголом. Что касается винительного падежа, то мы думали, что этот падеж употребляется при непереходном глаголе.[1] Именительный же падеж нами рассматривался как основа имени (бессуффиксальный винительный падеж). А ныне мы пришли к выводу, что все эти положения, сформулированные А. Бобровниковым и нами, нуждаются в ряде оговорок. Необходимо учесть, что во всех монгольских языках формы подлежащего развернутого члена оказываются перепутанными, при этом трудно уловить роль переходности глаголов.

Но, несомненно, мы стояли на верном пути, когда утверждали, что винительный падеж тяготеет к непереходному глаголу, а родительный — к переходному глаголу, поскольку речь идет о халха-монгольском языке. Надо учесть, что в бурят-монгольском языке „именительный" падеж, т. е. в действительности основа, часто заменяется родительным, но последний никогда не заменяется основой (винительный падеж, как уже говорилось, в бурят-монгольском языке в качестве подлежащего развернутого члена не употребляется). Мы были правы, когда утверждали, что „именительный" падеж — в действительности основа.

Так, если бурят-монголы и говорят *Сана ороходо* 'Когда снег идет', то никогда не скажут *Санан ороходо*, а *сана*, как известно, есть основа.

Что винительный падеж оказывается подлежащим при непереходном глаголе, становится понятным в свете учения Н. Я. Марра, по которому непереходные ныне глаголы при тотемном построении были переходными. А при тотемном построении действующим лицом представлялся тотем,[2] сначала — космический, а потом племенной; реальное же действующее лицо представлялось тогда объектом тотема. Поэтому не случайно, что

---

[1] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, стр. 65—69.

[2] Или „мифологический субъект", как называет акад. И. И. Мещанинов (см. его „Новое учение о языке").

ныне основа употребляется тогда, когда речь идет о космическо-атмосферных явлениях:

нара гархада 'когда солнце восходит'
үбэл үнгэрхэдэ 'когда зима миновала'
хура бороо ороходо 'когда дождь идет' и т. д.[1]

Заметим, что невозможно сказать: *наран гархада, бороон ороходо, сahан унахада* (мы не берем лишь те случаи, когда именительный падеж по форме совпадает с основой, т. е. слова с иным окончанием в именительном падеже, кроме *н*). Не случайно и то, что если речь идет о людях и активных предметах, то никогда не употребляется основа или винительный падеж; например, невозможно сказать *хүн ерэхэдэ* 'когда человек придет' или *эсэгые ябабал би баһа ябахаб* 'если отец уйдет, то и я уйду', следует: *хүнэй ерэхэдэ, эсэгын ябабал.*

Итак, вопреки утверждениям А. Бобровникова, именительный падеж никогда не употребляется в качестве подлежащего развернутого члена предложения. Если ныне при непереходных глаголах чаще всего употребляется только винительный падеж (а при переходном глаголе — родительный), то, очевидно, это свидетельствует лишь о том, что в языке продолжает происходить близкий к концу процесс ликвидации пережитков пассивной стадии развития. В халха-монгольском языке пережитки этой пассивной стадии представлены в более ощутительной форме, нежели в бурят-монгольском языке; но не надо забывать, что действительное сознание носителей монгольских языков давно уже отошло от пассивного строя мышления, несмотря на то, что в языке продолжают сохраняться пережиточные формы этого строя. При таких условиях употребление основы или даже винительного падежа вместо родительного объясняется не тем, что мышление в том или ином случае продолжает оставаться близким к пассивному строю, а исключительно тем, что в языке действует закон аналогии, который, однако, может действовать лишь в течение определенного времени до определенных границ и рамок.

Таким образом, именительный падеж не может быть падежом подлежащего в развернутом члене предложения.

Итак, предложение состоит из членов: простых или развернутых. Фундаментом или основой предложения является сказуемое, которое является носителем всех синтаксических вопросов, кроме вопросов, вызывающих определения (чей? какой? который? сколько?). Слова входят в состав предложения членами лишь постольку, поскольку они отвечают на какой-либо „отсказуемостный" вопрос. Таким образом и дополнения и обстоятельства в современном бурят-монгольском языке являются надстройками сказуемого. Что же касается определений, то они относятся не только к сказуемым, но и к прочим членам предложения.

Но в речи употребляются слова, которые не относятся ни к сказуемым в качестве дополнения или подлежащего, ни к прочим членам предложения в качестве их определений. Такие слова в предложении как-бы являются инородным телом, не отвечая ни на отсказуемостные вопросы, ни на вопросы, исходящие от прочих членов предложения. Такие слова в предложении называются вводными словами. Это, главным образом, обращения и различные восклицательные выражения, вкрапленные в начале или в середине предложения.

Хайран хөөрхээдмни! Гэрымнай хойморые голлулжа, үүргайгаа заһаһантнай һайн гээшэ даа (Н.) 'Э, бедняжки мои! Хорошо, что вы устроили в нашей юрте свои гнезда'

[1] Выше мы уже говорили, что в некоторых диалектах в этих случаях вместо основы употребляется родительный падеж, например: *үүрэй сайхада* 'когда занимается заря', *наранай гархада* 'когда восходит солнце'.

Э э, б а р а h а д м и н и, h а й н и и е з ү г н э ж э м а н а й д а т ү р э h э н h а й х а н х о ё р ш у б у у д м н а й, h а й н б а й д а л ы м н а й г э э ж э х а р а ж а б у с а х а т н а й г э э ш э (Н.)

'Э, милые мои, славные две птички, родившиеся у нас, предвещая счастье, вернетесь к себе, посмотревши на нашу счастливую жизнь'

З а а, ш и м н и ю у н г э ж э х э л э х э б а й н а б ш и? (Н.)

'Итак, что же ты скажешь?'

В этих примерах слова, выделенные в разрядку, являются вводными, так как они не относятся ни к сказуемому, ни к прочим членам предложения. К вводным же оборотам должны быть отнесены и такие, как, например: *минии бодоходо* 'по-моему', *минии мэдэхээр* 'как я знаю' и т. д.

СКАЗУЕМОЕ

Связки

Недостаточный глагол *би* имеет лишь следующие формы, употребляющиеся в качестве связок:

[*би* 'есть', находится']
бэлэй 'было' (точнее не переводимо)
бээ 'вероятно, наверное'.

Эти связки встречаются, главным образом, при именных сказуемых, в том числе причастных. Форма *би* или *бии* часто чередуется с *байна*, отличаясь от нее тем, что она выражает понятие о наличии того или иного предмета или действия ('имеется'), тогда как *байна* выражает то или иное состояние предмета ('стоит').

Үгэй, би хүн лэ би (Н.) 'Нет, я (есть) человек'
Эндэ уһан би 'Здесь есть вода'

Недостаточный глагол *би* может быть только сказуемым со значением „есть" или „есмь", например:

Уур бэе зобоохо, уула мори зобоохо гэжэ үгэ би 'Ведь есть же пословица, что гнев тяготит тело, а гора — коня (т. е. когда сердишься, себя мучаешь...)

Тэндэшни хүн бии ха (Ш.) 'Кажется, там у тебя есть человек'

Глагол *бэлэй* употребляется в качестве связки прошедшего времени и выражает действие или состояние, результат которых в настоящее время отсутствует: *Байза, тэрсэгэн бэшэг бэшэхэб гэһэн бэлэйш* (Ш.) 'Погоди, ты недавно говорил, что напишешь письмо'.

Этот же глагол после качественного имени выражает сослагательность: *Эхэ эсэгэтэймни ошожо хөөрэлдэбэл һайн бэлэйт* (Н.) 'Хорошо было бы, если бы вы навестили нас и поболтали с моими родителями'.

Глагол *бээ* или *биизэ*, как уже говорилось, выражает вероятность, например:

Яаралтай бэшэг байха бээ (Ш.) 'Наверное, это спешное письмо'
Бээрээ мэдээд байгаа бээш (Ш.) 'Ты, вероятно, сам уже знаешь'
Пушкинше уншаа һэн бээш (Ш.) 'Ты Пушкина, наверное, читал'

По значению с *бээ* близка также связка *ха*, особенно употребительная в устной речи: *Амань хамартаа яабаш хүржэ шадахагүй шуу гэлдэнэ ха* (Н.) 'Говорят, кажется, что ртом ни за что не достать до носа'.

А. Д. Руднев эту связку относит к частицам, что едва-ли справедливо.[1] Эта связка представляет собою омертвелую форму будущего причастия от „недостаточного" глагола *а* 'быть'. Этой связкой в речи очень часто злоупотребляют, особенно при медленном темпе речи, что было правильно отмечено А. Д. Рудневым. При частом употреблении эта связка в речи почти не имеет никакого значения.

В качестве связки очень употребительна форма прошедшего причастия от того же недостаточного глагола *а — һан* (в орфографии почему-то обозначающаяся в виде *һэн*). Эта связка показывает, что данное действие или тот или иной предмет должны были иметь или имели место в прошлом.

Примеры:

Галдан хүйхэр үү гэжэ бодоо һэм (Ш.) 'Я думал, не Галдан ли это прыткий'

Убэшэн ерэхэдээ асуужа ерэхэ һэн үү даа (Ш.) 'Разве болезнь, когда приходит, спрашивает (прийти ей или нет)'

Употребляется в качестве связки неопределенного значения *юмэ* (буквально: „вещь, нечто"), например:

Али компрес табиха юмэ үү? (Ш.) 'Не поставить ли компресс?'

Тэндэ ехэ гоё һайхан газар бии юмэ (Ш.) 'Там есть одно очень красивое место'

Эта связка употребляется после именных сказуемых. Если встречается пример *эндэ байха юм* 'кажется, что здесь есть', то надо иметь в виду, что *юм* в данном случае следует после *ха*, представляющего именную форму (будущее причастие от недостаточного глагола *а* 'быть').

В качестве связки употребительно слово *гээшэ* — именная форма от *гэ* 'скажи, назови', например:

Бэйза, хаашуур ошохо гээшэб? (Ш.) 'Погоди, по какому бы месту пойти?'

Яаһаншье бэрхэтэй гээшэб даа! (Ш.) 'Как это трудно!'

Эта связка употребительна как после именных сказуемых, так и после прочих (глагольных, местоименных и т. д.), что видно из примеров.

К связкам надо отнести также частицы *шуу* и *даа*, поскольку они употребляются только при сказуемом. Что касается частицы *лэ*, то ее нельзя относить к связкам, ибо она употребляется при любом члене предложения в качестве показателя логического ударения. Все эти частицы имеют значение постольку, поскольку они усиливают оттенок того или иного члена предложения.

Примеры:

Гэмүй даа (Ш.) 'Ничего'

Энэхэн һайхан хоншоорыешни эльбен байжа эрхэлүүлэгшэ бэлэйб даа (Н.) 'Ласкал же я тебя, глядя на твою красивую мордочку'

Залуу хүндэл байгаагүй хэндэ байхаб! (Ш.) 'У кого же будет, как не у молодого человека!'

К наиболее распространенным связкам относятся *бай* и *бол*. Первая из этих связок выражает наличие в пределах определенного времени того или иного предмета или процесса, а вторая (*болхо* 'становиться') — ста-

[1] А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, § 194.

новление. Эти связки употребляются во всех спрягаемых формах и соответствуют русским „есть“ и „будет“, „становиться“.

Примеры:

Нэгэ үнеэгээ Хоёр болгожо, Хоёр хониёо Гурба болгожо (Номт.)	Вместо одной коровы иметь две, вместо двух овец — три (буквально: одну корову превратить в две, а две овцы — в три)
Түүниие ойлгоо мэдээгүй ябаа гэжэ яажа болхо юм (Н.)	'Как можно сказать, что он не знает и не понимает этого'
Ехэ һонин юумэ бэшэһэн байгаа даа (Ш.)	'Наверное тут было написано нечто очень интересное'
Юун һонитой байнаш (Ш.)	'Что у тебя нового?'
Бэеэрээ мэдээд байгаа бээш (Ш.)	'Ты, наверное, уже сам знаешь'

Таким образом, в бурят-монгольском языке выявляются следующие связки:

		һэн	'было'
бэлэй	'было'	*юм*	'нечто'
бээ или *биизэ*	'вероятно'	*гээшэ*	'говорится'
ха	'вероятно, ведь'	*шуу*	'ведь'
даа	'ведь'	*бол*	'стать'
бай	'быть'	*болго*	'сделать'

Кроме того, в качестве связки употребляются следующие глаголы: *яба* 'итти, ходить', *һуу* 'сидеть'. Эти глаголы в качестве связок отличаются только тем, от *бай*, что *яба* употребляется тогда, когда действие осуществляется в состоянии движения: *хүдмэри хэжэ ябана* 'работает' (в состоянии движения)'; *нааджа ябана* 'играет'.

Что касается глагола *һуу* 'сидеть', то как это явствует из его значения, он употребляется в тех случаях, когда имеется в виду действие, выполняемое в сидячем положении:

ном уншажа һууна	'читает книгу (сидя)'
юумэ оёжо һууна	'что-то шьет (сидя)'

Как известно, в Аге связка *һуу* употребляется даже в таких выражениях, как *морёор ябажа һууна* 'едет на коне'. Глагол „сидеть“ в качестве связки употребляется, как нам сообщил Х. Хайбулин, в башкирском языке, например: *аэроплан килеп утра* 'аэроплан летит' (буквально: идя сидит).

В бурят-монгольском языке глагол *һуу* настолько укрепился в качестве связки, что если нужно указать, что действие необходимо выполнить сидя, то этот глагол употребляется перед сказуемым в разделительном, соединительном или слитном деепричастии:

тэндэ һуугаад бэшэ	'пиши, сидя там'
эндэ һуужа эдеэлэ	'кушай, сидя здесь'

То же самое надо сказать относительно глагола *бай* 'быть' (*эндэ байгаад үзэ* 'смотри, стоя здесь').

Во всяком случае некоторые глаголы только тогда являются связками, когда они в данном предложении частично теряют свое основное значение.

Из перечисленных выше связок такие, как *бай* и *яба*, употребляются и не в качестве связок, например:

Сэнхэгэр лэ үдэшэ байна (Ш.)	'Приятный же стоит вечер'
Тэндэшни хүн ябана ха (Ш.)	'Там у тебя, кажется, идет человек'

Как известно, в бурят-монгольском языке при помощи глаголов *бай* 'быть', *орхи* 'бросить', *ерэ* 'приходить', *яба* 'итти' и т. д. образуются составные или сложные глаголы. В соответствии с изложенным, эти глаголы не должны рассматриваться как связки в том случае, если они употребляются в качестве служебной части составного глагола, находясь в любой спрягаемой форме после основного глагола в составном глаголе. Например, в предложении *хабар болжо байна* 'весна наступает', глагол *байна* не может быть рассматриваем в качестве связки, поскольку он вместе с *болжо* составляет один сложный глагол. Иными словами, глаголы *бай* 'быть', *бол* 'стать' и т. д. не являются связками после других глаголов в одной из деепричастных форм.

Связки в бурят-монгольском языке можно подразделить на две группы, из коих одна в составе *бээ, юм, даа, шуу, гээшэ* передает то или иное отношение говорящего к тому, что выражено в сказуемом, например, допущение вероятности, усиление и т. д. Вторая группа связок, в составе *бэлэй, бол, болжо, яба, һуу* и т. д., передает оттенки, относящиеся ко времени, характеру действия сказуемого и т. д., т. е. нечто объективное. Связки *бэлэй, бай* особенно необходимы в тех случаях, когда сказуемым оказывается какое-нибудь имя или причастие, поскольку требуется выразить время, к которому относится то или иное действие или предмет, выраженные в сказуемом. Для иллюстрации проанализируем один пример: *Минии дүү багша болбо* 'Мой младший брат стал учителем'.

В этом предложении подлежащее *минии дүү* 'мой младший брат', сказуемое *багша* 'учитель', связка *болбо* 'стал'. Если же связку опустить, то получим: „мой брат — учитель". Стало быть, связка *болбо* показывает, что состоялся факт становления кого-то учителем, в данном случае — „моего младшего брата".

При причастных сказуемых, особенно временных, связки служат для выражения того, что время того или иного действия рассматривается не по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени же, выраженному в связке.

Примеры:

1)	*ябаха байгаа һэн*	'должен был итти'
2)	*ябаха байна*	'пойдет, должен пойти'
3)	*ябаһан байгаа*	'оказался ушедшим, уже ушел'
4)	*ябаһан байна*	'ушел'
5)	*ябаһан байха*	'окажется ушедшим' и т. д.

В соответствии с изложенным можно говорить о будущем в прошедшем (1), будущем в настоящем (2), прошедшем или давно-прошедшем (3), прошедшем в настоящем или просто прошедшем (4) и прошедшем в будущем (5) в глаголах или формах последних.

Относительно связки *бэлэй* при будущем причастии трудно установить какое-либо точное правило, но в основном она близка к *байгаа: Одоо иигээд яаха бэлэйб?* 'Как мне теперь быть?'

Особенно значительна роль связок при многократном и однократных причастиях, последние не имеют в себе оттенка времени:

Примеры:

Тээд, юун дээрэһээ тэрээниие „организатор" гэжэ нэрэлдэг байгааб? (У.79)	'Так почему же его называли „организатором"?'
Эндэ таряа хаядаг болжо байна	'Здесь начинают заниматься хлебопашеством'

Если вместо *болжо* сказать *болхо байна* или *болхо*, то тогда весь пример примет иной вид: „будут заниматься или станут заниматься..."

То, что сказано о невременных причастиях с временными связками, в полной мере относится и к именам вообще:

һайн байгаа 'хорошо было'
һайн байна 'хорошо (есть)'
һайн байха 'будет хорошо' и т. д.

Из обзора всех деепричастных, причастных и прочих глагольных форм, а также связок, вытекает, что в бурят-монгольском языке сказуемое играет огромную роль, указывая на различные оттенки действия. Когда-то А. М. Пешковский писал, что „чем важнее для языка какое-нибудь формальное значение, тем более разнообразными и тем более многочисленными способами обозначается оно в звуковой стороне речи, как будто-бы язык всеми доступными ему средствами стремится к поставленной себе цели выразить данное значение.[1]

Нет необходимости говорить о том, что связочные глаголы типа *бай* 'быть' сами по себе могут быть сказуемыми и иметь при себе связки: *Хүн байна ха* 'Человек стоит'.

В этом примере глагол *байна* — сказуемое, имеющее при себе связку *ха*, которая может изменяться по временам: *байгаа һэн* 'стоял'.

Глагольные сказуемые

Сказуемые в бурят-монгольском языке вообще характерны тем, что они имеют свои показатели местоименного происхождения. Их наличие давало повод лингвистам утверждать, что в бурят-монгольском языке имеется личное спряжение глаголов. Не имеет показателя лишь сказуемое третьего лица, особенно единственного числа.[2] Нет особой формы этого третьего лица потому, как замечает Н. Я. Марр, что „третье лицо это тотем — действие, впоследствии орудие и способ труда, техника".[3]

Эти сказуемостные показатели не должны рассматриваться как суффиксы личного спряжения потому, что глаголы принимают их только в положении сказуемого. Показатели эти принимаются не только глаголами, но и именами, выступающими в качестве сказуемого. Курьезно, что А. Д. Руднев утверждал, что в бурят-монгольском языке спрягаются... имена.

Показатели эти следующие:

1-е лицо:	2-е лицо	3-е лицо
Единств. число *б, би, м*	*ш, ши*	нет
Множеств. число *бди*	*та, т*	*д* (чаще нет)

Примеры:

Би бэшэг бэшэхэб 'Я напишу письмо'
Ши юу хэжэ байнаш? 'Ты что делаешь?'
Бидэ ажалдаа гархабди 'Мы выйдем на работу'
Таа хаагуур ябанат? 'Где вы бродите?'
Нүхэрнай город орохоор байна 'Наш товарищ собирается ехать в город'

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 44.
[2] Ср. А. Боровков. Учебник уйгурского языка, стр. 86.
[3] Н. Я. Марр. О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье, 1934, стр. 128.

Если действие предполагают совершить в момент речи или же сразу после речи, то при будущем причастии употребляются притяжательные частицы, *мни, шни, тнай, мнай, нь*.

Примеры:

Иигээд ябахамнай	'Итак, мы (теперь же) едем'
Би ошохомни	'Я пойду (сейчас же)'
Нүхэрнай гархань	'Товарищ (вот-вот) выходит'

К показателям сказуемости следует отнести и некоторые связки, поскольку они употребляются только при сказуемом, например: *даа, шуу, ха, бэээ, бэлэй* (см. выше).

Повелительные и изъявительные формы глаголов и том или ином высказывании являются только сказуемыми; при этом мы, конечно, исключаем такие случаи, когда какое-либо предложение со сказуемым в одной из изъявительных форм оказывается в другом вводным, например, монгольские *ягуун-чу болба ябумуй* 'пойду, что бы ни случилось'.

Сказуемое, выраженное настояще-будущей изъявительной формой, выражает не только действие настоящего или будущего времени, но и так называемого расширенного настоящего времени. Это происходит в тех случаях, когда какое-либо действие или состояние приписывается природе какого-либо предмета.

Примеры:

Зун халуун болно	'Летом бывает жарко'
Загаһа тэрэ нуурһаа барина	'Рыбу ловят в том озере'
Бүд фабрикта нэхэнэ	'Материю ткут на фабрике'

В подобного рода фразах вовсе не имеется в виду сказать, что бывает жарко, ловят рыбу и ткут на фабрике именно в момент речи. В этих фразах хотят только сказать, что жарко бывает летом, а рыбу — ловят там-то, т. е. указывается общее свойство данного действия. Особенно показательно, когда такие фразы произносятся зимой: если кто-либо зимою скажет: *загаһа барина*, то, конечно, никто не подумает, что рыбу ловят именно в это, зимнее, время. Поэтому-то в подобного рода выражениях настояще-прошедшая изъявительная форма часто заменяется многократным причастием: *Бүд фабрикта нэхэдэг* 'Материю (обыкновенно) ткут на фабрике'.

В общем настояще-будущая изъявительная форма выражает действие настоящего времени, если не имеется в виду „расширенное" время, о котором только что говорилось. Эта форма выражает действие будущего времени лишь при наличии времяуказующих дополнений вроде *маргааша* 'завтра' и т. п.

Примеры:

Хэн маргааша ерэнэ?	'Кто приедет завтра?'
Бодожо кармаангаа һабардана (Ш.)	'Встает и роется в своих карманах'
Эрдэнил һэрюун һууна (Номт.)	'Эрдени сидит спокойный'

В монгольских языках вообще редко бывает так, чтобы в слитных предложениях сказуемые выражались рядом друг за другом следующих изъявительных глаголов. И в бурят-монгольском языке это встречается все же не так часто.

Примеры:

Ехэ оронойнгоо илалтые харахадаа энэӨбхилэнэб, хүхинэб жарганаб (Нанзатов)	'Как посмотрю на победы моей родины, так радуюсь и горжусь'
Эхэ басаган хоёр сайгаа шанаха гэжэ гэртэ газаа ороно гарна (Н.)	'Мать с дочерью, чтобы сварить чай, входят и выходят из юрты'

В бурят-монгольском языке такие изъявительные слитные сказуемые употребляются для того, чтобы избежать скопления деепричастных форм, которые, как известно, выражают и обстоятельственные действия (отвечая на вопрос: „как?") Тем не менее приходится отметить, что слитные сказуемые, выраженные только изъявительными формами, встречаются сравнительно очень редко. Вообще в живой речи такие сочетания употребляются, главным образом, при передаче контрастных или парных действий (*ороно гарна* 'входит и выходит', *эдинэ ууна* 'ест и пьет' и т. п.).

Настояще-прошедшая изъявительная форма чаще всего выражает такое действие, которое совершилось либо в момент речи, либо в момент другого описываемого действия.

Примеры:

Эрдэни хүбүүн энээниие һайшаадаг болбо (Номт.) 'И стал к этому относится Эрдени с одобрением'

Должодой һаарал морин үгэй байба (Н.) 'Не оказалось темносерой лошади Должода (при осмотре)'

Если действие совершено до момента речи или другого действия, то тогда, как правило, настояще-прошедшая изъявительная форма по возможности избегается и „заменяется" настояще-прошедшим причастием.

Примеры:

Зай зай! ямар нэрэ һанаабаш? (Н.) 'Так, так! Какое же имя ты придумал?'

Мүнөө тэнэг хүбүүн тэрэ үеын хуули дүрэмэй ёһоор ноён болжо һуугаа һэн ха (Н.) 'И этот глупец по законам того (царского) времени, стал нойоном'

Настояще-прошедшая изъявительная форма имеет отрицание *үгэй* 'не' не во всех говорах бурят-монгольского языка. Это отрицание сопровождает данную изъявительную форму, главным образом, в восточном диалекте, чего мы не наблюдали почти во всех других монгольских языках и диалектах. Описываемая изъявительная форма, кроме вышеизложенного, выражает также действие, приближающееся к завершению, правда, в редких случаях (при глаголе *ерэхэ*), например: *Хурдан морёо унаад, хөөн гүйсэжэ ерэбэ* (Л. сб.) 'Сел на быстроногого коня и уже догоняет (гонясь, настигая, прибывает)'.

Заведомо прошедшая изъявительная форма, в общем, выражает то же самое, что и предыдущая форма, отличаясь от нее тем, что в некоторых говорах (аларском и др.) она иногда передает опасение, о чем уже упомянуто у Н. Н. Поппе, например: *Зай, хүбүүн, миниі үхэхэ наһа ойро боллой* (Ф. сб.) 'Итак, сын, приблизилась пора моей смерти'.

Изъявительные формы глаголов, как и повелительные, в отличие от всех остальных глагольных форм являются как-бы морфологизованными сказуемостными формами, поскольку они не употребляются в качестве прочих членов предложения: подлежащего, дополнения или определения.

Деепричастия первой группы, т. е. соединительное, слитное и разделительное, могут быть сказуемыми лишь при наличии связок с временным значением: *бай* 'быть', *бол* 'стать', *һуу* 'сидеть', *ерэ* 'притти' и т. д. Соединительное деепричастие со связкой *бай*, даваемой в одной из спрягаемых форм, выражает действие или состояние, длящееся в течение того или иного времени, например: *Тэдэнэр ямар нютагта эмхидхэгдэһэн лагерта хүдэлмэрилхэеэ мэдэжэ байна* 'Они знают, где и как работать в организуемых лагерях'.

Слитное деепричастие в основном выражает то же, что и соединительное, от которого оно отличается только тем, что может принимать отрицание *үгэй* 'не', на основании чего Н. Н. Поппе справедливо допускает именной характер происхождения этого деепричастия (однако мы видели, что и изъявительные формы принимают это же отрицание). Стилистически слитное деепричастие без отрицания иногда отличается от соединительного тем, что выражает действие, протекающее в течение определенного времени (указанного в связке), как бы с перерывами, тогда как соединительное деепричастие передает непрерывно длящееся действие.

Примеры:

Муухай абяан гарган байба (Номт.) 'Время от времени рычит' (буквально: 'нехороший звук издавая есть')

Нюргаа үргэлөөд ехэлэгээр ябан байна (Ш.) 'Похаживает горделивый, заложив свои руки назад (буквально: 'поднявши свою спину)'

Разделительное деепричастие выражает действие, которое по отношению ко времени связки является минувшим. Обычно это деепричастие употребляется в тех случаях, когда русский язык прибегает к слову „уже", и не принимает отрицания *үгэй*:

Бэеэрээ мэдээд байгаа бэзэш (Шад.) 'Наверное сам уже знаешь'

Урда бүүргэнь хойшоо, хойто бүүргэнь урагшаа хараад байгаа (Ш.) 'Передняя лука была перевернута назад, а задняя — вперед' (буквально: 'смотрела назад...')

Именные сказуемые

Именные сказуемые подразделяются на причастные и собственно-именные, сопровождаемые чаще всего связками. Связки при именных сказуемых служат для того, чтобы приурочить к определенному времени то, что говорится в самом сказуемом. При этом связки настоящего времени очень часто опускаются, главным образом — в загадках, песнях, диалогах и т. д.

На причастных сказуемых нет особенной нужды останавливаться, так как значение их достаточно известно по целому ряду учебных пособий и лингвистических трудов по бурят-монгольскому языку. Здесь следует сделать лишь некоторые общие замечания.

Будущее причастие не всегда обязательно выражает действие будущего времени, оно может передавать и настоящее время в таких, например, выражениях, как *мэдэхэб* 'знаю', *мэдэхэгүйб* 'не знаю'. Затем в поговорках и загадках это причастие выражает действие так называемого расширенного настоящего времени, т. е. такое действие, которое признается свойством какого-нибудь предмета, например: *Түргэн горхон адагтаа хүрхэгүй* (Ф. сб.). 'Быстрый ручеек до конца не дойдет' (т. е. 'до устья').

Прошедшее причастие почти не употребляется без связки (*байна, байгаа, бэлэй, бээ* и т. д.). Вообще без связок могут быть употреблены все причастия, кроме прошедшего, употреблявшегося без связки, главным образом, в шаманских гимнах и призываниях.

В качестве сказуемого может выступать любое имя. Именные сказуемые выражают собою класс предметов, качеств и т. д., т. е. то общее, к чему подлежащее относится как частное. Как уже сказано, сказуемые в бурят-монгольском языке сопровождаются особыми показателями местоименного происхождения и некоторыми связками; это и является характер-

ным и решающим оформлением сказуемого. Именные сказуемые в бурят-монгольском языке выражают предмет, положение, качество, отношение подлежащего к чему-либо, состояние, предмет обладания и т. д. Как уже говорилось, связки настоящего времени могут быть опущены.

Если сказуемое выражает собою предмет, к которому относится подлежащее как единичное к общему, то тогда именное сказуемое очень часто дается с личным притяжанием, но в том лишь случае, если само сказуемое составляет часть или собственность третьего предмета. Это замечание необходимо сделать потому, что подобные сказуемые по форме напоминают подлежащие, даваемые с притяжанием, вследствие чего эти сказуемые ошибочно могут быть поняты как подлежащие, а, связки, которые иногда опускаются, как сказуемые.

Примеры:

Агуу Улаан Армида Ахамни ошохонь (Галсанов) — 'Брат мой старший идет в Красную Армию!'

Энэ болбол манай нүхэрэй эгээ һайн агтань мүн гээшэ — 'Это — самая лучшая лошадь нашего товарища!'

Бадма гээшэмнай колхозоймнай эгээ һайн ударнигань — Бадма является самым лучшим ударником нашего колхоза!'

В этих примерах слова *агтань* и *ударнигань* — сказуемые, сопровождаемые связкой *мүн* 'есть'. В прочих случаях именные сказуемые, выражающие предметы, личных притяжаний не принимают (в отличие от русского оформления) и всегда даются в именительном падеже, а не в орудно-творительном.

Примеры:

Инженер летчик болхобди, Совет эхэ оронойгоо Эрхим хүнүүд болхобди (Номт.) — 'Мы будем инженерами и летчиками Мы будем знатными людьми нашей родины советской'

Ардам — противогаз, хажуудам — патронташ (Номт.) — 'Сзади у меня — противогаз, сбоку — патронташ'

Именные сказуемые обозначают также предмет, к которому относится другой предмет, выражаемый в подлежащем или подразумеваемый. В таких случаях, если нет связки, будут тщетны попытки „отыскать" подразумеваемое глагольное сказуемое, ибо можно „найти" только связку *байна* или *болно*. Если приведенные выше примеры обнаруживают в своем составе предметные сказуемые, то в нижеприводимых фразах мы найдем притяжательные сказуемые, выраженные именами в родительном (точнее — притяжательном) падеже. Например: *Хүдэһэ оёхо һанаанай* (Ф. сб.) 'Шитье кисета (зависит) от желания'.

Предметными сказуемыми выражаются также различные пространственно-локальные отношения. В таких случаях сказуемые оформляются предметными именами в исходном или дательно-местном падеже, а также наречиями. Предложения с такими сказуемыми нельзя называть бессказуемостными, потому что, во-первых, эти сказуемые имеют свои показатели (и нулевые в том числе), при наличии которых, конечно, никоим образом невозможно подразумевать какое-нибудь иное сказуемое (кроме связки), во-вторых, мысль-цель предложения оказывается выраженной вполне достаточно.

Примеры:

Шуурхма городтоб (М.) — 'Я в шумном городе'

Хашан моринда газар холо, харуу хүндэ хани холо (Ф. сб.) — 'Для ленивой лошади дорога (буквально 'земля') длинна, для скупого человека друг далек'

Равным образом, именные сказуемые выражают количество предмета, выраженного в подлежащем; в качестве таких сказуемых выступают числительные и качественные имена количественного значения, например: *Багшанар сомон соотнай олон гү, хэр хүдэлмэрилжэ байнаб?* (Y. 105) 'Много ли в вашем сомоне учителей, и как они работают?'

В именном сказуемом могут быть выражены различные качества, передаваемые качественными именами. Подобные сказуемые также могут употребляться без связки настоящего времени.

Примеры:

Гүн худагай уһан хара (Ф. сб.) 'В глубоком колодце вода черна'

Үрэгүй хүнэй нюдэн нойтон (Ф. сб.) 'У бездетного человека глаза в слезах'

Как известно, в бурят-монгольском языке нет глагола со значением „иметь" поэтому предмет-принадлежность какого-либо другого предмета выражается именем в совместном падеже.

Примеры:

Ахам ямар жаргалтайб! (Ф. сб) 'Какое счастье имеет (как счастлив) мой брат!'

Үглөө эдихэ өөхэнһөө үнөө эдихэ уушхан амтатай (Ф. сб.) 'Легкие сегодняшнего стола вкуснее завтрашнего жира' ('Лучше сегодня съесть легкие, чем завтра жир', — по смыслу соответствует русской пословице: не сули журавля в небе, а дай синицу в руки).

В качестве сказуемых могут употребляться, конечно, различные местоимения и прочие части речи.

Примеры:

Кандидатнай хэн гэшэб? 'Кто у вас кандидат?'

Ехэ таруу һуудаг аад, суглуулхань бэрхэ байна (Y.105). 'Так как живут разбросанно, то устроить собрание трудно'

Үглөө бодоод хархадамни өөрын дайда бэшэ даа (Ф. сб.) 'Когда я утром очнулся и посмотрел, то оказалось, что это — не мое кочевье'

Эндэмнай шоно олон болбо 'Здесь волков стало много'

То основное, что определяет сказуемостную функцию какого-нибудь слова, заключается в возможности сопроводить данное слово сказуемостными показателями и частицами типа *шуу, даа, б, ш, бди* и т. д.

При наличии этих данных на второе место отодвигается другой признак сказуемого, а именно его порядок — место в предложении. Как известно, сказуемое в предложении, как правило, занимает последнее место; и это-то правило безболезненно „нарушается" в тех случаях, когда иные условия устраняют возможность каких-либо недоразумений, например, наличие сказуемостного показателя. Разумеется, не всегда сказуемые сопровождаются показателями, особенно в третьем лице. Для того чтобы понять и уловить сказуемое третьего лица, необходимо произвести синтаксический эксперимент: удалить связки, а подлежащее из третьего лица „переделать" в первое или второе лицо; тогда неизбежно обнаружится сказуемостная позиция того или иного слова в предложении. Мы получим такие, например, сказуемостные слова: *эндэб* 'я здесь'; *тиимэш* '(ты) таков', *оломди* '(нас) много' и т. д.

Итак, при анализе любого предложения необходимо исходить от сказуемого, являющегося, на ряду с подлежащим, основой или фундаментом предложения. Само же сказуемое по составу бывает простое и составное. Простым сказуемым называется такое, которое выражено любым словом без какой бы то ни было связки, например: *Шэнэ саг ерэбэ* 'Новое время пришло'.

Составным будет любое сказуемое, которое сопровождается связкой, например:

Хаанаһаа хүржэ ерэбэ гээшэбта? 'Откуда вы прибыли?'
Энэ хирэдэ ерэхэ байгаа 'В эту пору должен был прибыть'
и т. д.

Мы полагаем, что нет никакой необходимости по характеру значения сказуемого говорить о различных предложениях, как то: эмоциональном, повелительном и т. д., если они не образуют особую синтаксическую форму.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Подлежащее выражает предмет, о котором идет речь в предложении или которому приписывается то, что сказано в сказуемом. В соответствии с этим подлежащее есть либо действующий субъект, либо то единичное, которое относится к общему, выраженному в сказуемом. Таким предметом может быть любое явление: материальное (физическое) тело или его свойство и качество, процесс или действие, количество чего-либо и т. п.

Подлежащее в бурят-монгольском языке может быть выражено только именем (в том числе причастием) в именительном падеже. В старомонгольском языке подлежащее может быть оформлено не только в именительном падеже, но также в исходном и орудном. Необходимо иметь в виду, что подлежащее не всегда выражает логический субъект действия, обозначенного в сказуемом. Так, например, если сказуемое выражено страдательным или побудительным глаголом, то подлежащее логически означает объект данного действия:

Нэгэ хүнэй хоолойгоо заһаха абяан дуулдаба (Н.) 'Послышалось, как кто-то кашлянул' (буквально: 'послышался голос, как один человек исправил свое горло'). В этом примере подлежащее *абяан* 'голос' по отношению к *дуулдаба* 'послышалось' логически представляет собою объект, а не субъект.

Так как качественные, причастные и числительные имена в определенных позициях употребительны преимущественно в качестве сказуемых и определений, то они, употребляясь в качестве подлежащего, должны иметь особые показатели. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в определенных сочетаниях имена предметов являются дополнениями и в том случае, если они формально стоят в основе, внешне сходной с именительным падежом, например: *Үбгэн үлигэр хэлэбэ* 'Старик рассказал сказку'.

В этом предложении дополнение *үлигэр* 'сказку' формально дано в своей основе и, тем не менее, не является подлежащим. При совокупности указанных обстоятельств (и если нет особо благоприятного стечения определенных слов) наличие при подлежащем особых показателей устраняет возможность его смешения с дополнением или определением и именным сказуемым. Эти показатели мы условно называем показателями подлежащего; называем же их так условно потому, что эти же показатели могут относиться и к дополнению и к сказуемому. В качестве показателей употребительны следующие слова и частицы:

1) *болбол* или сокращенно *бол* (форма условного деепричастия от глагола *болхо*) 'стать, сделаться, быть';
2) притяжательные частицы:

мни	'мой,	мои',	*тнай, най*	'наш,	наши'
шни	'твой,	твои'	*тнай*	'ваш,	ваши'
нь	'его',		*нь*	'их'	

3) *хадаа* 'если', омертвелая форма будущего причастия от глагола *а* 'быть', данная в дательном падеже с притяжанием;
4) *гэгшэ*, однократное причастие от глагола *гэ* 'говорить, именовать';
5) *гэжэ*, соединительное деепричастие от того же глагола.

Форма *болбол* употребляется в тех случаях, когда предмет, выраженный в подлежащем, не представляется принадлежащим какому-нибудь другому предмету в качестве собственности или части последнего. Необходимо иметь в виду то, что *болбол* также соответствует такому русскому выражению, как „что касается того-то..."

Примеры:

Тэрэ болбол литературна ажал ябуулаггада бүхы бэеэ үгэжэ оронон байгаа (Ү.2) 'Он отдавал все свои силы литературной деятельности'

Энэ болбол Пушкинэй бэшэһэн роман гээшэ 'Это (есть) роман, написанный Пушкиным'

Энэ бол хэн гээшэб? 'Это кто?'

В этих предложениях *болбол* и *бол* — показатели подлежащего, причем в первом примере *болбол* выполняет роль выявителя логического ударения. Наличие показателя особенно необходимо во втором примере, поскольку подлежащим оказалось указательное местоимение *энэ* 'это', которое перед именами может также означать „эта, этот, эти" и т. д. Далее, *болбол* может быть показателем только в том случае, если соответствующее имя дано в именительном падеже, ибо, если это *болбол* следует после имени в каком-нибудь косвенном падеже, то оказывается лишь показателем того, что логическое ударение падает на данное слово.

Притяжательные частицы употребляются в качестве показателя подлежащего в тех случаях, когда предмет, выраженный подлежащим, представляется принадлежащим какому-нибудь другому предмету в качестве его собственности, части, свойства, качества, действия, количества и т. д. Эти частицы, в отличие от *болбол*, являются не только показателями подлежащего, но и самостоятельно значимыми, в особенности тогда, когда в данном отрезке предложения отсутствует местоимение в родительном падеже или имя, выражающее предмет-владельца предмета, выраженного в подлежащем, например: *Шүһам халуу бусална* 'Кровь моя горячая играет'.

В этом примере частица *м* является не столько показателем подлежащего, сколько „заместителем" местоимения первого лица единственного числа в родительном падеже *минии* 'моя', каковым она и является по происхождению. Подлежащее и его показатель формально строятся следующим образом: имя в именительном падеже (т. е. само подлежащее) плюс та или иная притяжательная частица, которая должна писаться слитно с именем, выражающим подлежащее, например:

Хүрэн жороо моримни хүреэ соогоо хэнхинэхэй. Хөөрэлдөөд ябаһан амаргни колхозой станда хүлеэнхэй (Ш.) 'Темнорыжий мой конь-иноходец ржет у своей изгороди. Мой друг ждет в колхозном стане'

Показатель подлежащего может отсутствовать в тех случаях, когда по смыслу излагаемого функция данного имени, как подлежащего, не подвергается сомнению, тем более, что в живой речи между подлежащим и последующим членом предложения делается мгновенная пауза.

Примеры:

Аба түлеэндэ ошобо	'Отец отправился за дровами'
Хүн гэртэ оробо	'Человек вошел в дом'
Колхоз үбэһөө машинаар сабшана	'Колхоз косит свое сено машинами'

Сравнительно весьма редко употребляются в качестве показателя подлежащего слова *хадаа, гэгшэ, гэжэ* (см. выше). Последние два слова употребляются в тех случаях, когда речь идет о предметах, названия которых сами по себе представляются требующими разъяснения, и в этом смысле эти слова очень употребительны в живой речи. Они встречаются также и в литературе. Приведем лишь следующий пример:

Бадма гээшэ хаана ябанаб?	'Где находится Бадма' (буквально: 'Где тот, которого зовут Бадмою)?'
Би хадаа маргааша город орохоб	'Я завтра поеду в город'

Притяжательные частицы употребляются в качестве показателя подлежащего, как уже сказано выше, лишь в тех случаях, когда предмет, выраженный в подлежащем, кому-либо принадлежит, т. е. является чьей-то собственностью или частью. А так как качественные имена (включая количественные, а также предметные имена в совместном падеже) и причастия выражают свойства, процессы, действия и т. п., то они, употребляясь в качестве подлежащего, почти всегда сопровождаются притяжательными частицами; это положение особенно касается частицы *нь*.

Предметные имена, являющиеся в том или ином предложении подлежащими, сопровождаются этими частицами лишь в том случае, если ими выражаются предметы, являющиеся чьей-либо собственностью или частью (особенно тогда, когда эти подлежащие не сопровождаются определениями в родительном падеже, выражающими „владельцев" предмета, обозначенного через подлежащее).

Сопровождение притяжательными частицами почти всегда качественных имен и причастий в положении подлежащего объясняется и диктуется тем обстоятельством, что в бурят-монгольском языке качество и действие не могут представляться абстрагированными от их носителей. Этим же обстоятельством объясняется и то, что в бурят-монгольском языке отсутствуют в большинстве случаев предметные имена, выражающие отвлеченные качества типа красота, краснота, долгота и т. д. Поэтому нет и неопределенного наклонения, по своему свойству выражающего действие вообще (инфинитив).

Когда в русском языке предметом речи является действие определенного времени, то связь между реальным подлежащим и сказуемым устанавливается посредством сочетания „то, что", при чем указательное местоимение „то" может быть опущено. Что же касается самого предмета речи (т. е. действия определенного времени), то он выражается глаголом в одной из изъявительных форм. Например: "То, что ты сказал (= сказано тобою), совершенно справедливо".

Иначе говоря, мы имеем тут сложное предложение, в котором подлежащим формально является указательное местоимение, а по существу — придаточное предложение, начинающееся со слова „что". По бурят-монгольски это предложение имеет следующий вид: *Шинии хэлэһэн тон зүб байна* (буквально: 'Тебя сказанное справедливо есть').

Мы уже указывали, что одним из фундаментов, или смысловым центром, предложений является сказуемое, а остальные члены предложения — это надстройки над сказуемым. Если мы устанавливаем, что сказуемым в приведенном предложении является слово *зүб*, 'справедливо' то, очевидно, подлежащим будет то слово, которое отвечает на вопрос: что? („сказано" или: „то, что сказано"). Указательное местоимение „то" имеет лишь служебную функцию: его можно назвать фиктивным подлежащим или заместителем последнего, как бы „скрытого" в качестве придаточно-определительного предложения („что сказано тобой по отношению к своему заместителю"). Чем вызван подобный способ выражения временного процессного подлежащего в русском языке? В этом языке отглагольные имена существительные выражают действия или процессы вообще, действия определенного времени могут быть выражены только изъявительными формами. Причастия же в русском языке выражают не процессы или действия, а субъекты или их аттрибуты. Так, например, относительно слова „сказывание" нельзя сказать, что оно выражает действие прошедшего, настоящего или будущего времени, оно выражает действие вообще, неопределенное действие, не приуроченное к тому или иному времени. Причастие „сказавший" выражает лишь лицо, которое сказало, но не действие, хотя и содержит в себе категорию времени.

В бурят-монгольском языке причастие выражает не только аттрибут субъекта действия, но и самое действие. Вот почему в бурят-монгольском языке причастие *хэлэһэн* означает не только „сказавший", но и то, что сказано, сказанное. Поскольку, следовательно, в бурят-монгольском языке реальное процессное подлежащее может быть выражено само по себе, постольку не ощущается надобности в дополнительных словах типа русского „то".

Но действие мыслится имеющим своего выполнителя, субъекта, ибо действие не может протекать само по себе. Поэтому причастие, оказываясь подлежащим, приобретает показатель этого субъекта в виде притяжательной частицы. Однако эта частица может быть опущена при двух условиях: 1) если логический субъект выражен именем в родительном падеже, например: *шинии хэлэһэн* 'то, что сказано тобой', и 2) если после соответствующего причастия нет такого слова (а именно, предметного имени), которое было бы понято как его, причастия, определяемое, ибо причастие перед именами является процессным определением, например: *хэлэһэн үгэ* 'сказанное слово'.

О причастных подлежащих подробнее уже сказано в другом месте, поэтому больше мы говорить о них не будем; приведем лишь некоторые примеры:

Иимэ орондо ажа һууха ба ажал хэхэ ямар жаргал зол гэшэб! (Y.27) 'Какое счастье, какая радость жить и работать в нашей стране!'

Урда ябаһаншинь уһаа шабхаба 'Те, что шли впереди, выпили всю воду (о скоте)'

Качественные имена, употребляясь в качестве подлежащего, чаще всего сопровождаются притяжательными частицами, которые могут быть опущены при тех же условиях, что и при причастных подлежащих.

Качественные имена в положении подлежащего выражают либо то или иное отвлеченное качество, либо носителей этих качеств.

Примеры:

Унаганай хурдан юунһээб? 'От чего быстрота у жеребенка?'
Үндэгэн хара туруунһаань 'От черных круглых копыток его'
Үетэней зугааша юунэһээб? 'От чего песнопение у сверстников?'
Хоёр хара нюдэнһээнь (А. П.). 'От черных очей их'

Хүнэй муу ху дайраха,	'Худший из людей — людей задевает',
Мориной муу модо дайраха (Ф. сб.)	'Худший из коней — деревья задевает'
Хэлэнэй хурдан тархи оройхо,	'Длинный язык голову вскружит',
Хормойн ута хүл оройхо (Ф. сб.)	'Длинный подол ноги спутает' (буквально: 'Быстрота языка..., и долгота подола...')

Как видно из приведенных примеров, точное значение качественного имени, находящегося в положении подлежащего, определяется в каждом данном случае контекстом. В одном качественное подлежащее выражает какое-либо отвлеченное качество (например, „быстрота" в первом примере: *хурдан* вообще означающий „быстрый" или „быстро"), в другом — носителя определенного качества из числа предметов, выраженных именем в родительном падеже (например, „худший из людей" во втором примере). В последнем значении качественные имена в положении подлежащего особенно употребительны. Иногда качественное имя в положении подлежащего логически оказывается определением к своему формальному определению, данному в родительном падеже (например, „длинный язык" в третьем примере).

Следовательно, качественное имя в положении подлежащего выражает либо одно из качеств или состояний какого-нибудь предмета (см. первый и второй примеры), либо один из предметов, обладающий данным качеством (см. третий пример). Во втором примере *унаганай хурдан* взято одно из качеств жеребенка, а именно — быстрота. В третьем примере качественное имя *муу* выражает по смыслу не качество человека, людей, а, наоборот, носителя данного качества из числа людей: „худший из людей".

Если представить себе пример в виде *хүнүүдэй муунь ерэбэ*, то он может иметь одно только значение, а именно: „Пришел худший из людей". В возможном выражении *хүнэй муунь мэдэгдэбэ* допустимо двоякое понимание: 1) 'Стал известным худший из людей' и 2) 'Стало известным плохое (свойство) какого-то человека'.

Следовательно, в изолированно взятом предложении трудно уловить подлинное его значение: чтобы понять его, необходимо обнаружить контекст, в котором оно (предложение) употребляется. Одно лишь можно бесспорно установить, а именно: если определение данного качественного имени выражено предметным именем во множественном числе и родительном падеже, то тогда это качественное имя чаще всего будет выражать один из предметов, обладающий данным качеством, например:

Моридай хурданиинь	(Самый) быстрый из коней'
Хүнүүдэй муунь	'Худший из людей'

Числительные и указательные местоимения по своему существу призваны быть вообще определениями, каковыми они и являются, оказываясь перед именами. И тогда, когда они оказываются в предложении подлежащими, то снабжаются показателями подлежащности, ибо в противном случае они могут быть поняты как определения следующего за ними имени.

Примеры:

Хоёронь дахатай, хоёронь даха үгэй (Ф. сб.)	'Двое имеют дохи, двое — без дохи' (Загадка об ушах и рогах скота)
Энэтнай юун гээшэб?	'Что это у вас такое?'

Как видно из примеров, показатель подлежащего особенно необходимым оказывается в предпоследнем примере, ибо без этого показателя числительное *хоёр* может быть понятно как количественное определение к слову *дахатай*, и тогда весь смысл предложения приобрел бы следующий вид: „имеет кто-то две дохи“ и „не имеет кто-то две дохи“...

Необходимо ответить на вопрос, являются ли подлежащими имена *хабар* ‘весна’, *дулаан* ‘тепло’, *хүйтэн* ‘холод’ в предложениях:

Хабар болбо ‘Настала весна’
Дулаан болбо ‘Стало тепло’
Хүйтэн байна ‘Холодно, холод есть’

По нашему мнению, все имена, непосредственно примыкающие к глаголу *болхо*, это — сказуемые, а самый глагол *болхо* есть связка. Следовательно, приведенные примеры являются безличными предложениями. Это легко доказать на анализе самого глагола *болхо*, означающего „стать“, т. е. процесс становления. В наших примерах подлежащими являются „опущенные“ предметы, как то: *саг* ‘время’ и т. д. (*Саг хүйтэн болбо* ‘Время стало холодным’). Вот почему *хүйтэн* ‘холод’, *үбэл* ‘зима’, *дулаан* ‘тепло’ не даются ни в родительном ни в винительном (с пропуском конечного *н*) падежах, когда глагол *болхо* в форме дательного падежа будущего причастия оказывается причастным дополнением, например, нельзя сказать ни *хүйтэнэй болходо* и ни *хүйтэ болходо*, но следует: *хүйтэн болходо* ‘когда станет холодно’. Равным образом, нельзя сказать ни *дулаанай болходо* и ни *дулаа болходо*, но следует: *дулаан болходо* ‘когда будет тепло’. То же самое почти с любым именем: нельзя *үбэлэй болходо, хүнэй болходо, комсомолой болходо* в значении ‘когда настанет зима’, ‘когда будет человеком’, ‘когда сделается комсомольцем’, но следует: *үбэл...*, *хүн, комсомол...*

ДОПОЛНЕНИЕ

Дополнение, как уже сказано выше, есть слово, отвечающее на какой-либо вопрос, исходящий от сказуемого. Так, например, в предложении *нохой гэртэ оробо*, дополнение *гэртэ* ‘в юрту’ отвечает на вопрос „куда собака вошла?“ Следовательно, дополнение всегда относится к сказуемому как по своей смысловой функции, так и по месту своего расположения в предложении. Дополнение, стало быть, выражает отношение предмета к процессу или предмету, выраженному в сказуемом. Какое-либо действие, выраженное в сказуемом, протекает при определенных условиях, в силу каких-либо причин, сопровождается какими-либо побочными действиями и т. д. Значит, дополнение выражает собой обстоятельства места, времени, причинности, следствия и условия, при наличии которых протекает действие, выраженное в сказуемом. Некоторые глагольные сказуемые обязательно требуют, чтобы было указано то, на что направлено действие, ими выражаемое, например, в предложении *багша хэлэбэ* необходимо напрашивается вопрос *юу хэлэбэ* ‘что сказал учитель?’ Другие же глагольные сказуемые такого вопроса не требуют, если они в самом себе выражают объект своего действия. Например при глаголе *шандагалба* невозможно спросить *юу шандагалба*, поскольку этот глагол в самом себе выражает объект своего действия, ибо он значит „охотился на зайца“.

Если в учебных пособиях, кроме подлежащего, сказуемого, дополнения и определения, говорят об обстоятельствах, то для этого здесь нет особых оснований. Мы уже не говорим о том, что русские синтаксисты говорят о дополнении и обстоятельстве лишь исключительно по формальным основаниям. Дело ни в какой степени не меняется оттого,

что первоначально формально выделенные дополнение и обстоятельства закрепляются логическими или семантическими моментами. Игрой в слова едва ли можно скрыть то, что выведено по формальным признакам. Что служит для нас основанием к тому, чтобы дополнение не подразделять на собственно дополнения и обстоятельство? То, что дополнение иногда и есть обстоятельство. Обстоятельство есть категория семантическая, а дополнение — формальное выражение и обстоятельственного слова в предложении. Дополнение есть слово, которое дополняет сказуемое, расширяет содержание сказуемого, указывая на объект, условие, орудие, время, место и т. д. действия. Сказуемое может быть дополнено не только указанием на объект или обстоятельство действия, но на побочные и модальные (обстоятельственные) действия. В самом деле, в предложениях *тэргэ хүлээд ябана* и *тэргээр ябана* трудно видеть какую-либо логическую разницу: в первом предложении говорится, что „(некто) едет, запрягши (что-то) в телегу", а во втором — „едет на телеге". Значит, дополнение формально может быть выражено как именем в том или ином косвенном падеже, так и глаголом в той или иной спрягаемой форме. Но в учебниках для средней школы по методическим соображениям можно лишь условно „договориться", что считать дополнением, а что — обстоятельством (по вопросам: *хаана* 'где', 'куда', *хэзээ* 'когда' и т. д.). Структурной особенностью дополнения вообще является то, что оно в предложении занимает строго определенное место, а именно — перед сказуемым, после или перед подлежащим в зависимости от того или иного логического ударения. Как уже говорилось выше, ближе всего к сказуемому ставится тот из членов предложения, на который падает наибольшее логическое ударение. Однако последнее может быть выражено не только порядком слов в предложении, но и употреблением частицы *ла* или *л;* тот из членов предложения, на который падает логическое ударение (т. е. тот, который, как принято говорить, подчеркивается), и принимает эту частицу.

Примеры:

Намдал түлхүүрээ орхёод ошоо hэн (Y.105) 'У меня именно оставил он свои ключи'

Залуу хүндэл байгаагүй хадаа хэндэ байхаб? (Ш.) 'У кого же может быть, как не у молодого человека?'

В этих предложениях логическое ударение падает на слова *намда* 'у меня', *хүндэ* 'у человека', и поэтому-то они снабжены частицей *лэ*, при наличии которой место того или иного слова в предложении роли не играет (с точки зрения определения логического ударения).

Дополнение по своей форме может быть именным и деепричастным, по составу же — развернутым и простым. Что же касается содержания того или иного дополнения, то оно выявляется в зависимости от того или иного падежа или определенной деепричастной формы. Развернутое дополнение представляет собой причастное или деепричастное дополнение, обросшее, в свою очередь, собственными дополнениями и подлежащими, это по внешней форме. По содержанию же развернутое дополнение выражает собою какое-либо действие, явившееся или оказывающееся обстоятельством действия, выраженного в сказуемом, например:

СССР-эй олон ниитэ ажалшанай ажабайдал ба соёл культура үзэгдөөгүйгөөр дэбжэн ябаһаниие бидэ бүгэдэ хаража байнабди (Y.27) 'Мы все видим, что благосостояние и культура трудящихся в СССР развиваются как никогда'.

В этом предложении при сказуемом *хаража байнабди* 'мы видим' имеется дополнение *ябаһаниие*, которое в винительном падеже со своими

собственными дополнениями представляет собой определенную организацию слов по типу предложения (причастный оборот).

Причастное или деепричастное дополнение, почти всегда необходимо перерастающее в развернутое, может быть представлено любым деепричастием, деепричастием второй группы — в особенности, и причастием в одном из косвенных падежей. Следовательно, формальным признаком именного дополнения вообще является форма косвенного падежа; исключение из этого правила представляют качественные имена и наречия, которые в определенных случаях по своей природе призваны быть дополнениями, выражающими различные обстоятельства качества или образа, места, времени и т. п. действия. Однако и предметное имя в определенных позициях (в форме основы) со значением косвенного падежа может быть в предложении дополнением. Анализ показывает, что не всегда речь может итти об „именительном" падеже; так, например, предметное имя без какого бы то ни было падежного суффикса употребляется со значением либо винительного падежа, либо — дательно-местного.

Примеры:

Үбгэн үлигэр хэлэбэ 'Старик рассказал сказку'
Бадма Москва оробо 'Бадма поехал в Москву'

Дело, очевидно, сводится к тому, что некогда отношения между словами улавливались по смыслу — при так называемой аморфно-синтетической стадии развития языков, когда еще не было ни деления речи на формальные части, ни склонения имен со спряжением глаголов, как то имеет место до сих пор в китайском языке. Именительный падеж, как падеж действующего субъекта, есть категория очень поздняя.

Надо иметь в виду также то обстоятельство, что если предметное имя с конечным *н* оказывается в предложении прямым дополнением (т. е. приобретает значение винительного падежа), то оно теряет это *н*. Следовательно, в бурят-монгольском языке формальное различие между субъектом и объектом проводится очень строго. Не то в халха-монгольском языке, — там конечный *н* утрачен даже тогда, когда имя оказывается субъектом, т. е. подлежащим. Иными словами, халха-монгольский язык в определенных случаях утратил формальное различение между именительным и винительным падежом.

В связи со сказанным отметим, что в бурят-монгольском языке имена с конечным *н* теряют его в следующих падежах: винительном, орудном и совместном.[1] Это явление мы объясняли тем, что родительный, дательный и исходный падежи являются новыми падежами. „Принимая во внимание, — писали мы, — круг вопросов, на которые отвечают эти три падежа, можно безошибочно полагать, что они появились лишь тогда, когда укрепился институт собственности, ибо вопросы и ответы этих падежей связаны с категориями и понятиями, порожденными указанным институтом".[2]

Но особенность употребления имен в форме основы со значением косвенного падежа заключается в том, что косвенно-падежное оформление не имеет места только тогда, когда объектное значение того или иного имени определено логикой вещей. Например, в предложении *Үбгэн үлигэр хэлэбэ* дополнение — *үлигэр* — потому оставлено без суффикса винительного падежа, что и без этого объектное положение этого слова

[1] См. также о других случаях выпадения *н* в статье Н. Н. Поппе. Основы, оканчивающиеся на *н* в монгольских языках. (Советское языкознание, т. I, стр. 169—171).
[2] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, М., 1934, стр. 106.

самоочевидно: не может же сказка сказать старика! Или в предложении *Бадма Москва оробэ* Москва не может отправиться в Бадму! Как только субъектно-объектное отношение между двумя именами-предметами не может быть определено логикой вещей, так сразу же представляется необходимым указать, что один из предметов есть объект, а другой — субъект. Например: *Багша Бадмые ерэхэ гэбэ* 'Учитель вызывает Бадму'.

В этом предложении дополнение Бадма необходимо оформлено в винительном падеже, ибо по логике вещей и Бадма может вызвать учителя.

В уйгурском языке, по свидетельству А. Боровкова, суффикс винительного падежа тоже опускается, но только тогда, когда речь идет о каком-то неопределенном предмете. Если же речь идет об определенном предмете (логическое ударение? — с.), то суффикс названного падежа будто-бы употребляется обязательно.[1] Некоторые уверяют, что то же самое можно установить и в отношении халха-монгольского языка, но факты этого не подтверждают. Лингвисты впадают в ошибку, сближая различные вещи: артиклы западноевропейских языков с описываемым здесь явлением. Во всех монгольских языках не удалось найти примеров выпадения винительного падежа в случаях, когда объектное положение сомнительно в силу свойств данного предмета. Например: если можно сказать *мори унаха* 'сесть на коня' или *мал тууха* 'гнать скот', то никоим образом нельзя сказать *аха нүгаха* в значении 'научить брата' или *эхэ ябуулха* в значении 'отправить мать'.

Если в предложении имеется несколько слитных дополнений, т. е. несколько однородных дополнений при одном сказуемом, то падежный показатель имеет последнее из дополнений, например: *адуу малабр баян* 'богат табунами и стадами'. Употребительны при перечислениях числительные (*хоёр* — 'два', *гурбан* 'три'), слова *мэтэ* 'подобный', *зэргэ* 'то же самое' и т. д. При наличии этих слов падежный показатель получают не имена, а эти служебные слова: сами же имена формально остаются без падежного оформления, например: *Цэрэн Балдан хоёрто* 'Цэрэну и Балдану' (буквально: Цэрен, Балдан двоим).[2] Если имя имеет окончание *н*, то теряет его, оказываясь в ряду слитных членов предложения; так, например, нельзя сказать *адуун мал*, следует *адуу мал* 'скот', где в слове *адуун* утерян конечный *н*. Если надо сказать, что что-то не сравнится с овцами и козами, то следует: *хони ямаанда хүрэхгүй*. В этом примере вместо *хонин* дано *хони*, ибо в противном случае все предложение значило бы: 'овца не сравнится с козою' *хонин ямаанда хүрэхгүй*. Стало быть, в бурят-монгольском языке конечный *н* сохраняется как показатель именительного падежа, падежа грамматического субъекта, т. е. подлежащего. Из изложенного явствует, что падежная форма последнего из однородных членов предложения распространяет свое значение на все эти члены. Это и служит основанием для некоторых лингвистов называть падежные суффиксы послелогами, с чем, конечно, нельзя согласиться.

Но если несколько дополнений со значением одного и того же падежа относится к одному и тому же сказуемому различным образом, то падежное оформление получает каждое из дополнений. Известно, например, что дательно-местный падеж отвечает на несколько вопросов: кому? где? когда? и т. д. Дополнения только тогда должны считаться однородными, когда они отвечают на один и тот же вопрос, исходящий от сказуемого. Дополнения, будучи даны в одном и том же падеже, могут отвечать на различные вопросы.

---

[1] А. Боровков, назв. соч, стр. 44.
[2] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, стр. 73—75.

Например, в предложении

Нёдонон жэлдэ энэ гэртэ суглаан болоо һэн 'В прошлом году в этом доме было собрание'

— дополнения *жэлдэ* и *гэртэ* даны в дательно-местном падеже, и каждое из них имеет данное падежное оформление. Почему? Потому, что *жэлдэ* отвечает на вопрос „когда?" а *гэртэ* на вопрос „где?" Иначе говоря, хотя эти дополнения и даны в одном и том же падеже, но отвечают на разные вопросы: „когда?" и „где?" Следовательно, они не являются однородными дополнениями.

Но не все дополнения обязательно представляют собой по форме имя в одном из косвенных падежей. Наречия и наличные местоимения чаще всего не приобретают каких-либо падежных суффиксов, тем более, что некоторые из них являются по форме именами, застывшими в каком-нибудь падеже, например: ...*эндэ, морин байна* 'здесь находится конь'.

Качественные имена, находясь в положении обстоятельственного дополнения перед глаголом, чаще всего даются без какого бы то ни было падежного оформления (поскольку, как правило, эти имена могут быть подлежащими лишь с притяжанием, о чем речь шла выше.

Примеры:

һайхан Цэрэмпил эхэдээ сэхэ хэлэхээ зүрхэ алдаһан янзатай (Н.) 'Прекрасный Церемпил как будто не хочет прямо сказать своей матери'...

Сэнгэлиг һайхан шанга шадалтай байдалаа олоо гээшэбди гэжэ һайн мэдэдэг, һанадаг ба дурсадаг байнабди (У.27) 'Мы хорошо знаем и помним, что завоевали радостную, счастливую и зажиточную жизнь'

Но качественные имена факультативно употребляются в том же значении в форме орудного падежа, что чаще всего бывает тогда, когда данное качественное дополнение образа действия оказывается удаленным от своего сказуемого (необходимо помнить, что качественное имя перед именем является определением последнего).

Примеры:

Хатуугаар бидэ найданабди 'Мы твердо надеемся (верим)'

Аалиханаар нэгэ хүнэй хоолойгоо заһаха абяан дуулдаба (Н.) 'Послышалось, как один человек тихо закашлял' (буквально: ...исправил свое горло')

В последнем примере дополнение *аалиханаар*, отвечающее на вопрос: 'как закашлял?' — *яажа заһаха?*, необходимо дано в орудном падеже, ибо в противном случае качественное имя *аалихан* было бы понято как определение к *нэгэ хүнэй* 'одного человека' (хотя чаще всего числительное определение предшествует качественному).

Стало быть, дополнения по своей форме представляют собой: а) имя в одном из косвенных падежей, б) имя в форме основы (это — качественные имена и наречия) и в) деепричастия.

Имя в винительном падеже всегда означает предмет, на который направлено действие, выраженное в сказуемом. В тех случаях, когда объектное положение предмета самоочевидно, суффикс этого падежа опускается, т. е. имя употребляется в форме своей основы. В нашем изложении мы не будем касаться тех случаев, когда винительный падеж бурят-монгольского языка соответствует при определенных глаголах другим падежам русского языка.[1]

[1] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, стр. 80—81

Примеры:

Эхэ оронойм һайханиие харыт (Ү.27)	'Взгляните, как прекрасна родина моя' (буквально: ...'красоту родины моей')
Тоһыень эдеэд, торхыень эбдэбэ (Н.).	'Масло съел, а посуду разбил'
Багашуул ном уншаба	'Дети прочитали книгу'.
Айлшан миниі зугаалһые	'То, что я вам пропел, в сердце своем сохраните'
Зүрхэн дороо дараарайт (Ф. сб.)	

В третьем примере мы имеем развернутое причастное дополнение винительного падежа, поскольку *айлшан минии зугаалһые* отвечает на вопрос: что необходимо сохранить в сердце? Во втором примере дополнение *ном* 'книгу' дано в форме своей основы, поскольку его объектное положение само по себе очевидно.

Дательно-местный падеж, будучи управляем страдательным или побудительным глаголом, выражает иногда деятеля, действию которого подвергается предмет, выраженный подлежащим.

Примеры:

Хамта ябаһан бидэндэ	'Отправишься ты, провожаемая нами, твоими друзьями (буквально: вместе ходившими')!
Хүргүүлэн, үдэшүүлэн мордоорой (Н.)	
Саһанда булагдаһан байна	'Зарыт в снегу'

Как видно из примеров, в подобных случаях дательно-местный падеж бурят-монгольского языка соответствует русскому творительному падежу. В остальных случаях этот падеж выражает место, время, адресат действия или сообщения, т. е. отвечает на вопросы: „кому? чему? когда? куда? где? для кого?" и т. д.[1]; в некоторых случаях данный падеж, как уже говорилось, заменяется основой.

Примеры:

Уужам һайхан эхе орондом ургы сэсэг урган һалбараа (Ү.27)	'На прекрасной необъятной родине моей распустились цветы'
Шамдаа томоотой хүн байжа болохо бэзэ	'Для тебя он, может быть, толковый человек'

Если причастие употреблено в дательно-местном падеже, то оно выражает: а) действие, во время которого протекает другое действие; б) действие, в ответ на которое следует другое действие.

Примеры:

Ябаһан ябадалынь мэдэхэдээ хэн гээшэб гэжэ ойлгохот (Ү.78)	'Когда узнаете о его похождениях, тогда будете иметь представление о том, каков он есть'
Тус сомоной совэдтэ орон гэхэдэ түрүүлэгшэ һуужа байба (Ү.105)	'Когда мы зашли в этот сельсовет, там сидел председатель (оказалось, что...)'

Исходный падеж выражает предмет или место, от, из, с которого что-либо удаляется, получается, отличается чем-либо.

---

[1] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, стр. 87—83.

Пример:

Муухаа муу гараха, модонхоо хөө гараха (Ф. сб.) 'От плохого получается плохое, от дерева — уголь'

Хойноһоо үүлэн гарба 'С запада показалось облако'

Исходного падежа требуют некоторые наречия и служебные слова, например: *тэрээнһээ гадана* 'кроме' или 'помимо того', *намһаа хойшо* 'после меня', *миниі гэрһээ урда* 'впереди моего дома'. Служебные слова (послелоги) не составляют самостоятельного члена предложения, они образуют вместе с управляемыми ими словами составной член предложения. Исходный падеж с глаголом *болохо* 'стать' выражает причинность: *намһаа боложо* 'из-за меня'...[1]

Причастие в исходном падеже выражает действие, послужившее причиной другого действия, а также и такое действие, которое явилось исходной точкой другого действия или сравнивается с другим.

Примеры:

Газаа хүл нюсэгэн ябаһанһаан хүйтэ абаа 'Простудился потому, что во дворе ходил босиком'

...нилээд һогтоһонһоон гүйсэд тэлэрэгүй (Н.) '...от сильного потрясения еще не опомнился'

Арбан байһанһаан долооншинь үлэбэ 'Из десяти имевшихся осталось семеро'

Следует отметить некоторые случаи употребления исходного падежа:

1) Он употребляется для обозначения части (ablativus partivus):

Мүнөө һамган тэбшэтэй мяханһаа табагта хэжэ, хойморто һууһан үбгэн тээшээ түлхижэрхёод (Н.) 'Эта женщина, положив на тарелку (часть) мяса, которое было на блюде, пододвинула ее своему мужу, который сидел в задней половине юрты'

Стол дээрэ хамаг эдеэнэй дээжэ бүриһөө табяатай байнаха. Үлэдэжэ дааража ябаһан үгытэй хүн тэрэ эдеэнһээ эдибэ. 'На столе было наставлено все лучшее из разнообразной еды. Голодный и озябший бедняк поел той пищи (из одной сказки)'

Хоёр гурба хоногһоо хэхэб 'На-днях (или: в ближайшие дни) сделаю'

2) Управляется отрицанием *бэшэ:*

Примеры:

Ябахаһаа бэшэ аргам һалаа 'Кроме того, как ехать, у меня никакого другого выхода нет'

Үбэршэлхэ һанаатай байгаа гэхэһээ бэшэ аргагүй 'Кроме того, как сказать: „имел намерение присвоить", другого (ничего) сказать нельзя' (т. е.: Не подлежит сомнению, что хотел присвоить — Y. 2349).

Золой дээдэ зол болохоһоо бэшэ ондоо юун болохо юм! (Н.) 'Чем же можно считать (это), как не верхом счастья!'

3) Некоторые примеры иллюстрируют известные уже функции этого падежа для выражения сравнительной степени:

Примеры:

Энэ арга болбол алиш арганууднаа үрэ гарастай юм 'Этот способ эффективнее всех способов'

[1] Г. Д. Санжеев, назв. соч., стр. 93—99.

Гурбанай хоёр хубиһаа доошо бэшэ, олонхиин шилдхэбэреэр — 'Большинством не менее $^2/_3$ голосов'
Улаан Армида алба хэхэһээ хүндэтэй юумэ үгы — 'Нет ничего почетнее, как служба в Красной Армии'

Орудный падеж выражает: а) материал, из которого что-либо делается; б) предмет и место передвижения и в) предмет, послуживший орудием или средством действия.[1] Например:

Модоор юу хэнэ? — 'Из дерева что делают?'
Харһыгаар хэн ябана? — 'Кто идет по дороге?'
Эдеэ хүнөөр хүлхэ үгыб (Ф. сб.). — 'Мне не нужен человек, чтобы он готовил мне пищу'

Орудный падеж выражает также предмет, совместно с которым что-либо делается.[2] Иными словами, этот падеж иногда употребляется со значением совместного падежа, и имена при этом не теряют конечного *н*, например:

Бог шороӈ эдеэнээр холилдожо бэгые үбшэлүүлнэ (Монгольская запись) — 'Сор и грязь попадают в пищу' (буквально: 'смешиваются с пищей') и причиняют телу болезнь'

Причастие в орудном падеже выражает действие, послужившее целью другого действия или оказавшееся в состоянии готовности. При этом значение данного орудного причастия зависит от соответствующего контекста:

Примеры:

Ехэл ойлгогдохоор бэшэ харюунудые үгэһэн байна (Ү.103) — 'Давал такие ответы, что ничего нельзя было понять'
Загаһа барихаар тухөөн боложо байна — 'Собирается ловить рыбу'

Совместный падеж в качестве дополнения выражает предмет, вместе с которым другой предмет находится в одинаковом состоянии и действии.[3] Кроме того, имена с конечным *н*, теряя этот согласный в совместном падеже, выражают предмет, являющийся собственностью другого предмета:

Примеры:

Түрүүлэгшэ секретарьтаяа һуужа байба — 'Председатель сидел со своим секретарем'
Энээгүүрнай моритой хүн ябаад гараа — 'Здесь проезжал человек, имеющий коня'

Родительный падеж может быть только составным дополнением в сочетании с послелогами и наречиями в значении послелогов.[4] Во всех же остальных случаях родительный падеж оказывается притяжательным определением или сказуемым.[5]

Примеры:

Харанхы болоһоной хойно эдеэлжэ ерэе гэжэ ээзэйнгээ гэртэ бусахаар ябаба (Н.) — 'После наступления темноты он направился покушать в юрту своего хозяина'

---

[1] Г. Д. Санжеев. Синтаксис монгольских языков, стр. 100—103.
[2] См. нашу рецензию на первую часть „Аларского говора" Н. Н. Поппе в журнале "Toung P'ao" за 1931 г.); Н. Н. Поппе, Аларский говор, Л., 1931, ч. II, стр. 215.
[3] Г. Д. Санжеев, назв. соч., стр. 103—105.
[4] Там же, стр. 106—110.
[5] Там же, стр. 119—141, 43.

Юун болоһоной тухай хөөрэлдэжэ һуунат? 'О чем вы беседуете?'
Миниий тула тэндэ ошоод ерэл даа! 'Сходи-ка за меня туда'

Укажем кстати, что если *тула* следует после имени в именительном падеже, то он выражает причинность, например: ... *губи талын дунда түрэһэн хүн болохо тула* ... 'так как он был человеком, родившимся в степи...'

Здесь мы не считаем нужным распространяться о деепричастных дополнениях, поскольку о них речь шла в особой главе о деепричастиях (см. выше). Необходимо только подчеркнуть: деепричастия второй группы со всеми своими собственными дополнениями (деепричастные обороты) в предложении должны рассматриваться как деепричастные дополнения; последние по своей структуре ничем не отличаются от причастных дополнений, поскольку они выражают обстоятельственные действия, а это и является функцией дополнения вообще.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Определение есть имя, выражающее собой признак какого-нибудь предмета.[1] Предмет же, который подвергается определению со стороны своего признака, есть определяемое. В сочетаниях *хара морин* 'вороная лошадь' и *ябаһан хүн* 'ушедший человек' определениями являются *хара* и *ябаһан*, а определяемыми — *морин* и *хүн*. Признак предмета может сводиться к тому, что последний обладает каким-нибудь качеством, размером, порядком, отношением к другому предмету, цветом, владением каким-нибудь другим предметом, действием и т. д. Признак какого-нибудь предмета может заключаться не только в том, что он (предмет) чем-то обладает, но и в том, что он сам, наоборот, является предметом обладания другого предмета. Определение отвечает на вопросы: „какой? который? сколько? чей? что сделавший?"

Определение всегда располагается непосредственно перед своим определяемым, при этом совершенно безразлично, будет ли оно простым или развернутым (т. е. причастным оборотом).

Примеры:

Социалистическэ түрэн 'Социалистическое государство'
Үлэгыһөө гаража өөдөө болоһон сагһаа үелжэ наадажа ябаһан та хоёр нүхэдтөө найданаб (Н.) 'Надеюсь на вас, двух моих друзей, с которыми я вместе играл с самого младенческого возраста'

В этих примерах определяемые *түрэн* и *нүхэд* стоят после своих определений; кроме того, во втором примере мы имеем развернутое определение, т. е. причастие *наадажа ябаһан* со всей надстройкой из шести слов.

Определение не согласовывается со своим определяемым ни в падеже, ни в числе; оно всегда формально остается в именительном падеже и, чаще всего, в единственном числе, тогда как определяемое может быть дано в любом падеже и числе.

Примеры:

хара морин 'вороная лошадь'
хара мориной 'вороной лошади' (род. пад.)

[1] Об определениях в монгольских языках см. также: А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 199—228, 265—280; Г. Д. Санжеев. Синтаксис, стр. 118—141.

хара мориндо	'вороной лошади' (дат. пад.)
хара мори (-ие)	'вороную лошадь'
хара морёор	'вороной лошадью'
хара моритой	'с вороной лошадью'
хара моринһоо	'от вороной лошади'

Если определяемое определено каким-нибудь количественным именем, то оно формально остается в единственном числе; однако из этого правила бывают иногда исключения, имеющие место в том или ином диалекте в большем или меньшем количестве.

Примеры:

хоёр нохой	'две собаки'
арбан түхэриг	'десять рублей'
моритой хоёр хүн	'два человека с лошадьми'
олон хүн	'много людей'
олон жэл	'многие годы'
арбаад нүхэд	'десятки товарищей'

В последнем примере определяемое дано во множественном числе, хотя оно и определено количественным определением. Заметим, что такие исключения из правила не являются обязательными: можно было бы сказать *арбаад нүхэр* в том же значении. Изредка встречаются и такие примеры, когда неколичественное определение дается во множественном числе: *багануд нохой* 'небольшие собаки' (буквально: 'малые собака').

Названия видовые и собственные имена всегда ставятся перед названиями родовыми и нарицательными именами:

нарһан модон	'сосновое дерево (сосна)'
бурят морин	'бурятская лошадь'
бүргэд шубуун	'орел (орел-птица)'
Бай ал-далай	'Байкал-море'
Москва город	'город Москва'

Лишь при слове *нүхэр* 'товарищ', под влиянием русского языка, собственное имя иногда ставится после него: *нүхэр Иванов* 'товарищ Иванов', *нүхэр Гарма* 'товарищ Гарма'.[1]

Какой-нибудь предмет может быть определен со стороны своей принадлежности другому предмету в качестве его собственности или части, а равно как продукт его труда. В этом случае определение представляет собой имя в родительном падеже.

Примеры:

Гётиин зохёол	'сочинение Гете'
уулын орьёл	'горная вершина (вершина горы)'
таряашанай морин	'лошадь крестьянина'

Необходимо здесь пояснить, в каких случаях русское прилагательное соответствует родительному падежу в бурят-монгольском языке. Следует иметь в виду, что русские прилагательные выражают не только качество предмета, но и предмет, являющийся собственником или целым по отношению к другому предмету. Например, горная местность означает, что какая-то местность по своему характеру или качеству является горной или гористой; про такую местность нельзя сказать, что она есть часть горы. Не то в примере горная вершина, здесь то же прилагатель-

[1] Б. Я. Владимирцов. Монгольское nökür. Доклады Ак. Наук СССР, Ленинград, 1929, стр. 288.

ное „горная" вовсе не характеризует вершину со стороны ее качества, оно только указывает, что вершина есть часть горы. В первом случае прилагательное „горная" как-бы отвечает на вопрос: из какого материала состоит местность? Во втором случае то же прилагательное как бы отвечает на вопрос: чья вершина? или: частью какого предмета является вершина? Следовательно, в русском языке между указанными понятиями нет формального разграничения, если не считать того, что во втором случае вместо прилагательного можно употребить имя существительное в родительном падеже, чего нельзя сделать в первом случае.

В бурят-монгольском языке определение всегда дается в родительном падеже, если оно выражает предмет, частью или собственностью которого является предмет-определяемое, а поэтому:

'конский хвост' *мориной һүүл* ('хвост коня')
'горная вершина' *уулын орьёл* ('вершина горы')

Здесь мы имеем притяжательное определение.

Если же определение выражает собой предмет, из которого состоит предмет-определяемое, то оно всегда дается в именительном падеже, а поэтому:

'горная местность' *уула азар* ('гора + место')
'деревянная юрта' *модон гэр* ('дерево + юрта').

Здесь мы имеем предметное определение.

Означает ли, однако, сказанное, что предметное имя в именительном падеже в качестве определения всегда выражает собой предмет, из которого состоит другой предмет, выраженный в определяемом? Никоим образом! Есть достаточное количество примеров, когда предметное имя в именительном падеже, будучи определением, не выражает предмета или материала, из которого состоит другой предмет.

Примеры:

шулуун зүрхэн	'каменное сердце'
морин жэл	'год коня' (буквально: 'конь + год')
гахай жэл	'год свиньи' (и т. д. все двенадцать)
үһан тээрмэ	'водяная мельница'
бурят морин	'бурятская лошадь'
ород хэлэн	'русский язык'
монгол орон	'Монголия (монгол + страна)'
үхэр буу (монг.)	'пушка' (буквально: 'бык + ружье)'
тэмээн хараасгай	'разновидность ласточки' (буквально: 'верблюд + ласточка)'
мяхан һогтуу	'пьяный как мясо' (ср. русское — 'как стелька')

Значит ли, что в этих примерах при помощи определений указывается тот или иной материал, из коего состоит тот или иной предмет, выраженный в определяемом? Значит ли, что в сочетаниях *шоно һанаан* 'волчье намерение' и *боошхо үзээн* 'живот как бочка', хотят сказать, что намерение „сделано из волка", а „живот из бочки"? Очевидно, нет.

Дело в том, что в этих случаях мы имеем чаще всего уподобительные, назывные и орудные определения, при помощи которых предмет-определяемое чему-либо уподобляется: сердце — камню (такое сердце, что его ничем не растрогаешь, — говорится о бессердечном человеке), живот — бочке (карикатура на толстяка). С этими определениями не следует смешивать архаично-аморфные сочетания типа *эмээл морин* 'оседланная лошадь' ('седло лошадь') или *хазаар морин* 'взнузданная лошадь' ('узда лошадь') на ряду с *эмээлтэ морин* и т. д. Но было бы ошибочным

всюду видеть уподобление. Так, в сочетаниях *бурят морин* 'бурятская лошадь', *орос хэлэн* 'русский язык' и т. п. нельзя, конечно, видеть уподобления. В этих сочетаниях определения *бурят* и *орос* по существу представляют нечто близкое к собственным именам и принципиально мало чем отличаются от последних, находящихся перед нарицательными: *Москва город* 'город Москва', *Байгал далай* 'Байкал-море' и т. д. Ведь, в конце концов, и собственные имена по своему происхождению являются уподобительными (нарицательными) именами. Если иметь в виду только „свои" бурят-монгольские собственные имена, то они в большинстве случаев представляют собой нарицательные имена. Так, например, в Аларском аймаке были весьма распространены такие собственные имена, как *Тэхэ* 'Тэхэ', т. е. козел, *Хуса* 'Хуса', т. е. баран, *Хара Нохой* 'Хара Нохой', т. е. черная собака, даже *Мангад Эзы* 'Мангад Эзы', т. е. русская баба (в качестве мужского имени) и т. д. Это не составляет особенности одного только бурят-монгольского языка. Нечто аналогичное имело место почти во всех языках (как известно, ныне собственное имя „Петр" по-гречески означает камень).[1]

Таким образом, оказывается, что предметное имя в качестве определения есть также и назывное определение. Стало быть, предметное имя в именительном падеже может быть:

а) предметным определением, выражающим предмет-материал, из которого состоит то, что выражено в определяемом, например: *модон гэр* 'деревянная юрта' (юрта сделана из дерева);

б) уподобительным определением — то, что выражено в определяемом, уподобляется какому-нибудь предмету, например: *шоно һанаан* 'волчье намерение' (намерение по своей „лютости" уподобляется волку или сравнивается с этим зверем);

в) назывным определением — то, что выражено в определяемом, получает какое-либо наименование от другого предмета в силу какой-либо функциональной или иной связи с последним или по ассоциации, например: *бурят морин* 'бурятская лошадь' (определенная порода лошадей получает свое видовое наименование от места, откуда она происходит);

г) орудным определением — то, что выражено в определяемом, приводится в действие предметом, обозначенным в определении, например: *морин тармуур* 'конные грабли'.

Определяемое с назывным определением должно быть чаще всего рассматриваемо как сложное слово аналогично наименованию учреждения и должности (*үгээрэлэй арадай комиссар* 'Народный комиссар по просвещению') или немецкому композиту. Не надо забывать того, что назывные определения в большинстве случаев исторически восходят к уподоблению, одухотворению „мертвых предметов",[2] к воззрению, что „владелец и владеемый им предмет представляют собою одно целое".[3] Отсюда сочетания типа *орос хэлэн* 'русский язык', *бурят морин* 'бурятская лошадь'.

Свойство какого-либо предмета может быть сведено не только к тому, что он (предмет) „обладается" каким-нибудь другим предметом, как то мы видели в притяжательном определении (*мориной һүүл* 'конский хвост' или 'хвост коня'), но и к тому, что он, наоборот, сам обладает

---

[1] О собственных именах см. Л. Я. Штернберг, Первобытная религия, Л., 1936, стр. 309—314. Нарицательными являются по происхождению и все почти заимствованные бурят-монголами русские и индо-тибетские имена (Любовь, Вера, Надежда; Бадзар и Очир, оба восходящие к санскритскому vajra — жезл и т. д. Бадзар проникло к монголам через тибетский язык, а Очир или Вачир — через уйгурский и согдийский языки, о чем см. Владимирцов Б. Я., Mongolica).

[2] Л. Я. Штернберг, назв. соч., стр. 231, 274.

[3] И. М. Мещанинов, Новое учение о языке, стр. 137.

чем-либо. Иными словами определение отвечает не только на вопрос „чей?" но и „что имеет?" В последнем случае определение нами условно называется относительным (термин введен был еще А. Бобровниковым для иного употребления). Относительное определение выражается предметным именем в совместном падеже или качественно-относительным именем (с окончанием *та*).

Примеры:

нарата газар	'солнечное место (с солнцем)'
эмээлтэ мори	'оседланная лошадь (с седлом)'
үнэтэй товар	'дорогой товар (с ценой)'
уһатай айл	'айл с водой'

Предметные имена, имеющие в основе конечный *н*, оказываясь относительным определением, теряют этот согласный (*уһатай*, но не *уһантай*). Но если же этот *н* сохраняется, то это значит, что предметное имя выступает в качестве дополнения, отвечающего на вопрос: „с кем?" или „с чем?" (*моринтой хүн* 'с лошадью человек', но *моритой хүн* 'человек, имеющий коня'); но такое разграничение — явление новое, и поэтому по диалектам есть колебания, например: *ухаантай хүн* 'умный человек' ('с умом человек'), иногда вместо *ухаантай* встречается *ухаатай* (см. например, „Цыремпил" Х. Намсараева, стр. 8). Отрицательно-относительное определение выражается предметным же именем плюс *үгы* или слитно *үй*, при этом имена с тем же конечным *н* теряют его.

Примеры:

уһа үгы газар	'безводное место' (но: *уһан үгы* 'нет воды'),
ажалгүй хүн	'безработный (человек)',
туһагүй юумэ	'бесполезная вещь'

Между предметным именем в совместном падеже и качественно-относительным именем, являющимися определениями, иногда существует некоторая разница, например: *улаан тугта дивизион* 'краснознаменный дивизион; но: *улаан туртай дивизион* 'дивизион, имеющий красное знамя'.

В отличие от русского языка, в бурят-монгольском языке имеются особые сочетания определяемого с относительным определением: *тогоотой мяхан* 'мясо с котлом', *һуул атай һүн* 'молоко с ведром'. По-русски, как известно, говорят „котел с мясом" и „ведро с молоком".

Иногда встречаются несколько „странные", но архаичные по происхождению сочетания определяемого с определением: *гар муутай хүн* 'человек с плохой (физически) рукой', *хүл нюсэгэн* 'голая нога', т. е. такие сочетания, в которых определения ставятся после определяемого (но буквально эти примеры как бы значат: ручная „плохота", ножная „голость"). Следует иметь в виду, что если *гар муутай* значит 'с плохой (физически) рукой', *ухаа муутай* 'слабоумный', то *муу гартай* значит 'с нечистой (морально) рукой', *муу ухаантай* 'зловредный'. Подобного рода сочетания относятся к той же стадии развития языка, на которой нынешние лично-предикативные окончания были еще подлежащими.

Если логическое ударение падает на определение, то при нем употребляется частица *лэ* например: *сэсэгтэйлэ үргытайла газар* 'место с цветками и одуванчиками' (Ф. сб., стр. 59).

То, что нужно было сказать о количественных определениях, уже изложено выше.

Признак какого-нибудь предмета может заключаться также в том, что последний обладает определенным качеством, например, тем или

иным цветом, размером, свойством, характером и т. д. Эти качественные определения выражают признаки наиболее существенные, более или менее постоянные, как бы лежащие в самой природе определяемого предмета. Выражаются же они качественными именами в форме основы.

Примеры:

һайн хүн	'хороший человек'
ута модон	'длинное дерево'
уужам далай	'широкое море'
дохолон морин	'хромая лошадь'
хара нохой	'черная собака'
түргэн гол	'быстрая река'

Если качественное имя в родительном падеже является определеннем, то оно не выражает качества определенного предмета, а показывает, что последний принадлежит какому-нубудь другому предмету, обладающему данным качеством:

Примеры:

халуунай мал 'рогатый скот в жаркое (время)'
хуушанай нэрэ 'старинное (а не старое) имя'

Если необходимо выразить превосходство в каком-нибудь качестве одного предмета перед всеми прочими и однородными с ними предметами, то родовое наименование ставится в родительном падеже плюс данное качественное имя.

Примеры:

Эмшын хуушанииньһайн (Ф. сб.) 'Из врачей хорош (опытнее) старейший'.

Хүнэй муу хү дайраха, мориной муу модо дайраха (Ф. сб.) 'Наихудший из людей задевает человека, наихудший из коней — деревья'.

Стало быть, собственно именные определения подразделяются на следующие:

а) предметные определения, выражаемые предметным именем в форме основы и передающие материал, из которого состоит или сделан предмет, выраженный в определяемом: *түмэр харгы* 'железная дорога' (дорога „сделана" из железа);

б) уподобительные определения, выражающие предмет, которому уподобляется другой предмет, обозначенный в определяемом: *морин пряник* 'фигурный пряник' (по форме лошади), *тармуур һүхэ* (аларское) 'широкий топор' (по форме напоминающий грабли);

в) назывные определения — то, что обозначено в определяемом, получает какое-либо наименование: *морин хараасгай* 'лошадь-ласточка' (разновидность ласточки), *монгол хэлэн* 'монгольский язык'; уподобительные и назывные определения выражаются предметными именами в форме основы;

г) притяжательные определения, выраженные именами в родительном падеже, обозначают, что предмет-определяемое является частью или собственностью предмета, ими (притяжательными определениями) же выраженного: *мориной һүүл* 'конский хвост' ('хвост коня');

д) относительные определения, выраженные качественно-относительными именами или предметными именами в совместном падеже (при отрицании — *үгы*), обозначают предмет, являющийся частью или собственностью предмета-определяемого: *дахатай хүн* 'человек с дохою';

е) количественные определения, выраженные числительными и количественными словами, обозначают количество предмета-определяемого: *олон хүн* 'многие люди', *хоёр һара* 'два месяца';

ж) орудные определения, обозначающие силу, при помощи которой приводится в действие предмет-определяемое: *морин тармуур* 'конные грабли';

з) качественные определения, выраженные качественными именами, обозначают, что предмет-определяемое обладает определенным качеством: *хара морин* 'вороная лошадь', *ехэ хүн* 'взрослый или большой человек'.

Можно говорить еще насчет вопросительных (чаще всего местоименно-вопросительных), субъектных и объектных определений. В качестве определения встречаются, например, вопросительные местоимения, чаще всего в этом (определительном) положении соответствующие русскому „какой или который": *Ямар ном уншабаш?* 'Какую книгу ты прочитал?'

Субъектные определения выражаются именами в родительном падеже, например: *Улаан Армиин ялалта* 'победа Красной Армии', *айлшадай бусалта* 'возвращение гостей'. Объектные определения также выражаются именами в родительном падеже: *мориной завод* 'конный завод'; *таряанай ажал* 'полевая работа'; *һүнэй ферма* 'молочная ферма'.

Локальными определениями являются следующие: *эндэхи газар* 'здешняя местность'; *үнөөдэрын эдеэн* 'сегодняшняя пища'; *Улаан-үдын завод* 'Улан-удэнский завод'.

Помимо перечисленных выше видов определений, имеется еще причастное или процессное определение. Это определение служит для характеристики какого-нибудь предмета со стороны его собственной или связанной с ним деятельности и выражается причастием. При наличии процессного определения предмету-определяемому приписывается, в качестве его признака, то или иное действие.

Примеры:

ябаһан морин	'ушедший конь'
унаһан модон	'упавшее дерево'
ябаха аха	'брат, который отправится'

Как известно, причастное определение не всегда выражает действие, которое приписывается предмету-определяемому. Иными словами, предмет-определяемое в этих случаях не всегда обозначает субъекта действия, выраженного в причастном определении. Поясним сказанное на примерах: 1) *эдиһэн нохой* и 2) *эдиһэн мяхан*. Здесь определения выражены одним и тем же причастием *эдиһэн*, но различны определяемые (*нохой* 'собака' и *мяхан* 'мясо'), поэтому и различны отношения этих определяемых к своему определению; во втором случае *мяхан* не может быть субъектом действия, выраженного в определении *эдиһэн*, хотя последнее выражено „действительным" залогом, а не страдательным, — оно, *мяхан*, может быть только объектом данного действия. Стало быть, второй пример значит „съеденное мясо" или, вернее, „мясо, которое съели". В первом случае определяемое *нохой* является, конечно, субъектом действия своего определения: „съевшая собака или собака, которая съела." Стало быть субъектно-объектное отношение определяемого к своему процессному определению в каждом данном случае устанавливается логикой вещей, контекстом, характером наличного словаря и т. д. Но определяемое при процессном определении может обозначать не только субъект или прямой объект данного определяющего действия, но и любой иной предмет, связанный с данным действием, например, при том же причастии *эдиһэн* определяемое *гэр*, очевидно, будет означать 'юрту, в которой ели': (*миниі мяха*) *эдиһэн гэр* 'юрта, в которой (я ел мясо), если, конечно, *эдиһэн* в том или ином контексте не означает присвоения.

Примеры:

Уншаха ном үгы, удхаха эм үгы (Ф. сб.) 'Нет книги, чтобы почитать (которую можно почитать), нет лекарства чтобы взять ложечкой'

Эхыншни амиды һууһан сагта бидэ хоёр арга шадаллараа оролдожо байхабди (Н.) 'Мы, пока твоя мать будет жива (буквально: 'во время, когда жить будет твоя мать'), будем помогать ей по мере наших сил'

Последний пример свидетельствует также о том, что прошедшее причастие в качестве определения иногда обозначает действие будущего времени. Кроме того, этот пример представляет собой развернутое определение, т. е. такое причастное определение, которое имеет свою надстройку. Иначе говоря, на вопрос, например, „какой дом?" можно ответить не только одним причастием „построенный", но и указать, когда, кем и из чего построен этот дом.

Нёдонён жэл модошо дарханай тайгын модоор бариһан гэр 'Дом, который построен в прошлом году плотником, из таёжного леса'. В этом примере *гэр* 'дом' — определяемое; все же остальное — его развернутое определение.

Заслуживает особого внимания тот факт, что иногда причастное определение формально оказывается подлежащим сказуемого, а определяемое — прямым дополнением к своему определению, например: *Алаг мориёо унаһамнай арбинтай далантай үтэлэг даа!* (А. П.) 'Наша пегая лошадь, на которой мы ездим, (буквально: 'свою пегую лошадь езда наша'...), пусть состарится в теле и жире'.

Остается напомнить, что в бурят-монгольском языке нет придаточно-определительного предложения и причастного обособления. Им соответствует развернутое определение, т. е. причастие со своими собственными дополнениями, например:

Миниј табиһан гэр тэндэ байна

Придаточно-определительное предложение	Причастное обособление
Дом, который я поставил, находится там	Дом, поставленный мною, находится там

Если внутри развернутого определения имеется свое подлежащее, соответствующее подлежащему придаточно-определительного предложения в русском языке, то оно по правилу, изложенному выше, должно быть поставлено в родительном падеже или в форме основы.

Примеры:

Наранай (или *нара*) *гараха зүг* 'Сторона, откуда восходит солнце'

Миниј ябаһан газар 'Место, где я был'

Процессное определение может быть выражено также настоящее-прошедшим причастием в совместном падеже, правда, в очень редких случаях, например: *уяатай морин* 'привязанная лошадь';... *зарим хүнүүд унтаатай хэбээрээ хэбтэжэ байна* (Н.) 'Некоторые люди лежат попрежнему сонные' (буквально: 'с прежним спящим видом лежат').

Настоящее-прошедшее причастие по форме идентично отглагольному имени. Так, например, *уяа* одновременно значит и „привязь, повязка"

и „привязал или привязывающий" (с отрицанием), чего, однако, нельзя сказать относительно *унтаа*, которое в бурят-монгольском значит только „спал".

Очень часто какой-нибудь предмет определяется „со всех точек зрения": качества, количества, принадлежности чему-нибудь, обладания чем-либо, предметности, уподобления, процессности и т. п. В соответствии с этим при одном определяемом иногда стекается несколько определений (здесь речь идет не об однородных определениях типа *шара, улаан, хүхэ, ногоон сэсэгүүд* 'желтые, красные, зеленые и синие цветы', а о неоднородных определениях типа *хатаһан хүхэ сэсэг* 'засохшие синие цветы'). В таких случаях установить порядок этих определений, установить, какое из определений должно быть поставлено ближе остальных к определяемому, ибо неправильное их расположение может привести к недоразумениям и неясностям.[1]

Конечно, при одном определяемом не всегда можно найти все виды определения. Обычно при одном определяемом стекается около трех-четырех разнородных определений, порядок расположения которых может быть в основном сведен к следующему правилу. Определения, выражающие признаки более постоянные и существенные, занимают по отношению к определяемому ближайшее место. Следовательно, назывные, уподобительные, предметные и качественные определения занимают ближайшее к определяемому место. Общий же порядок расположения определений таков:

1) притяжательное,
2) процессное,
3) относительное,
4) количественное,
5) качественное,
6) предметное, уподобительное, назывное,
7) определяемое.[2]

То, что количественное определение ставится после относительного или притяжательного, объясняется свойством количественных слов: эти слова определяют то слово, перед которым они находятся.

Примеры:

Эмээлтэй хоёр морин 'Две лошади с седлом, или две оседланные лошади'

Моритой хоёр хүн 'Два человека с лошадьми, или два всадника'

Если в этих примерах количественное определение *хоёр* 'два' поставить перед относительными определениями, то они будут тогда определять (если нет паузы) то, что выражено в этих (относительных) определениях: 'лошадь с двумя седлами' (*хоёр эмээлтэй морин*) и 'человек с двумя лошадьми' (*хоёр моритой хүн*).

Стало быть, некоторые определения сами могут иметь при себе свои определения и управлять словами. Так, в примере *хоёр моритой хүн* определение *хоёр* относится не к *хүн* (следовательно, не два человека), а к *моритой* (следовательно, двух коней имеющий). В примере *шуһан зээрдэ моритой хүн* (Ф. сб.) уподобительное определение *шуһан* относится к *зээрдэ* (следовательно, яркорыжая, или буквально: кроваво-рыжая); *зээрдэ*, конечно, относится к *моритой*, а последнее к *хүн*,

[1] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 209—211.
[2] Г. Д. Санжеев. Синтаксис, стр. 135.

следовательно этот пример означает: „человек, имеющий яркорыжую лошадь", а не „яркий рыжий и конный человек".

Соответствующее определение при наличии ряда определений должно занимать такое место, благодаря которому оно относилось бы к своему определяемому, а не к другим словам. Разумеется, установить правило, пригодное для всех случаев, невозможно, — приходится, стало быть, апеллировать к логике вещей, которая предотвращает недоразумения при любых обстоятельствах, как это имеет место и в русском языке:

„Парк культуры и отдыха имени А. М. Горького"

„Библиотека имени Пушкина".

Если в последнем примере определение „имени Пушкина" относится к библиотеке и иначе не может быть понято, то в первом примере отношение аналогичного определения „имени А. М. Горького" к парку улавливается благодаря логике вещей. Если полностью пренебречь логикой вещей, то это определение можно отнести к отдыху. Стало быть переоценивать значение формальных правил не следует.

Еще пример: *Гушаад айлай һамга бэрэнүүд* (Ф. сб.) 'Около тридцати старух и молодых женщин айла'.

А, ведь, формально этот пример можно понять и так, что определение *гушаад* относится к айлу, а не к старухам и молодым женщинам, поскольку оно находится перед *айлай*. И лишь контекст не позволяет понять этот пример в виде „старухи и невестки из тридцати приблизительно айлов".

Не всегда может быть понятно, о чем идет речь, в особености тогда, когда излагается событие, обстоятельства и время которого неизвестны тому, кому это сообщается. Дело в том, что имя в родительном падеже при наличии причастного (процессного) определения может быть понято различно: как логический субъект действия данного причастия или как владелец предмета, выраженного в определяемом. В живой речи определителем значения причастного определения и имени в родительном падеже является пауза. Возьмем в бурят-монгольском оформлении пример, анализированный еще А. Бобровниковым (см. его „Грамматику", стр. 209): *Цотонгой дутааһан морин.* Этот пример, в котором *дутааһан* и основе значит „бежать", можно понимать двояко: 1) если пауза находится после *Цотонгой*, то „лошадь Цотона, которая убежала" (вроде *Миниі жэгшэһэн морин* 'Моя лошадь, которая испугалась'); 2) если же пауза находится после *дутааһан* или отсутствует, то „лошадь, от которой или на которой убежал Цотон" (вроде *Минин унаһан морин* 'Лошадь, на которой ездил я'). При другом расположении, а именно, *дутааһан Цотонгой морин*, двоякого понимания тоже не избежать: 1) если паузу расположить после *Цотонгой*, то — „лошадь Цотона, который убежал", 2) если же паузу поставить после *дутааһан*, то — „лошадь Цотона, которая убежала". При чтении контекста, конечно, смысл можно понять и тогда, когда неизвестно месторасположение паузы.

Представим себе такой пример: *Радныи зуһаланда ябаһан нүхэр.* Если после *Радныи* поставить паузу, то пример будет означать: „Товарищ Радна, который отправился в летник". Если же паузу поставить после *зуһаланда* или вообще не ставить ее, произнося *Радныи зуһаланда* слитно, то получим: „Товарищ, который отправился в летник Радны". Попробуем теперь слово *Радныи* поставить между *ябаһан* и *нүхэр*: *Зуһаланда ябаһан Радныи нүхэр.* Тогда также получим двоякое понимание: 1) если пауза расположена после *Радныи*, то: „Товарищ Радны, отправившегося в летник", 2) если же паузу поставить перед *Радныи* или вообще не ставить, то: „товарищ Радны, отправившийся в летник".[1]

[1] Мы здесь умышленно не имеем в виду притяжательных частиц, при помощи которых иногда можно выйти из затруднительного положения, например: *Радныи зуһаландань ябаһан нүхэр* 'Товарищ, отправившийся в летник Радны'.

Поскольку пауза в письме не обозначается, смысл улавливается по контексту.

Учитывать значение паузы необходимо еще и потому, что причастное определение очень часто может иметь перед собой свое деепричастное (обстоятельственное) дополнение, например (из речи Цыремпила во второй части известного произведения Х. Намсараева): *Үлгыһөө гарша, өөдөө болоһон сагһаа үелжэ наадажа ябаһан та хоёр нүхэдтэ найдана гээшэб* 'Надеюсь на вас, двух моих друзей, с которыми вместе играл с самого младенческого возраста'.

В этом примере *үлгыһөө гарша* относится к причастию *болоһон*, а *үелжэ наадажа* — к причастию *ябаһан*, и ни одно из этих деепричастий не относится, минуя причастия *болоһон* и *ябаһан*, к сказуемому *найдана*, что возможно в других случаях, например: *Тиигээд модоной хажууда ошоод, морёо хадуугаад, үхэһэн үу үзэхөө ошоо һэмди* (Ф. сб.) 'Потом, подъехав к лесу и привязав своих коней, мы пошли осматривать умершего (мертвого) человека'.

В этом же примере деепричастия *ошоод* и *хадуугаад* относятся не к причастному определению *үхэһэн* 'умерший', а к сказуемому *ошоо һэмди* 'пошли мы' (а поэтому эта фраза не значит: „Мы пошли смотреть человека, который умер — *как?* — подъехав к лесу и привязав своих лошадей").

В первом примере после каждого деепричастия отсутствует пауза, во втором же примере она наличествует после каждого деепричастия, иначе эти деепричастия были бы поняты так, как изложено в скобках предыдущего абзаца.

Деепричастия перед причастными определениями иногда также оказываются определениями, в этих случаях пауза не обязательна, например: *Миниі һая наймагай боложо, һургуулида ород, ном уншажа, гэртэһээ холо ябажа эхилһэн саг бэлэй* 'То было время, когда мне исполнилось восемь лет, я научился в школе читать и начал уезжать далеко из дома'.

Если при каком-либо определяемом стекается большое количество определений, то тогда некоторые из последних выводятся за пределы данного предложения, например: *Урдын сагта нэгэ үбгэн бии юм һэн байгаа, үгытэй ядуу, аргагүй ангууша* (Ф. сб.) 'В прежнее время жил один захудалый старик, бедный и неимущий охотник'.

В этом примере *үгытэй ядуу аргагүй ангууша* 'бедный и неимущий охотник' по форме представляет собой приложение (определительное) и может быть поставлено внутри предложения: *урдын сагта нэгэ муу үгытэй ядуу аргагүй ангууша үбгэн бии юм һэн байгаа.*

Приложения во всех монгольских языках, находясь перед определяемым, представляют собой с глаголом *болохо* развернутое определение, например: *Манай аймагай хамагын һайн стахановтан болохо колхозникуудта баяр хүргэе!* Привет колхозникам — лучшим стахановцам нашего района!

В бурят-монгольском языке *болохо* чаще опускается.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ *ГЭХЭ*

В монгольских языках, как известно, нет формально выраженной косвенной речи. Чужая речь как бы приводится прямой речью. Если прямая речь входит в состав предложения, то используется в той или иной форме глагол *гэхэ* 'говорить'. Однако, как уже писал об этом А. Бобровников, русский глагол „говорить" не передает всего того, что выражается глаголом *гэхэ*, значения которого многообразны. Если этот глагол формально передает прямую речь, то на самом деле его синтаксическая функция чрезвычайно обширна. Выше мы уже указывали, что *гэжэ* и *гэшэ* в определенных случаях являются показателями подлежащего.

Вообще говоря, глагол *гэхэ* сам по себе в той или иной спрягаемой или склоняемой (причастной) форме может выступать в качестве любого члена предложения.

Прежде всего надо заметить, что *гэхэ* в сочетании с так называемым „мгновенным деепричастием" образует сложный „мгновенный" глагол, тем более, что названное „деепричастие" вне этого сочетания не употребляется. Мгновенный глагол употребляется во всех спрягаемых формах, не только в соединительном деепричастии, как это думалось Н. Н. Поппе.[1]

Примеры:

Даб гэнэ (Ш.) 'Вспрыгнул'

Тээ тэндэ тэс гэбэ, тэмээнэй һүүл годос гэбэ (Ф. сб.) 'Там застучало, верблюжий хвост взметнулся'

Следовательно, сочетание глагола *гэхэ* с „мгновенным" деепричастием мы относим к категории словообразования. В предложении же этот глагол передает: а) прямую речь, б) намерение и ряд других значений.

Примеры:

1) *Анха ябадаг нютагаа үзэхэ гэжэ гараба* (Н.) 'Вышел, чтобы посмотреть на свое прежнее кочевье'

2) *Яаранаб гээд ябан һуужа бү эдеэлэ, жарганаб гэжэ хүнжэлдөө бү эдеэле* (Ф. сб.) 'Не ешь на ходу, думая, что торопишься; не ешь в постели, думая, что этим покажешь свое счастье'

3) *Эдихэнь гэжэ горшок, ябахань гэжэ вершок* (Ф. сб.) 'Как кушать, так горшок; как итти, так вершок' ('кушает на горшок, ходит на вершок')

4) *Харин шамайе ерэхэ ёһотой һэн гээд лэ хүлеэжэ ядааб гайхахадаа, дураа гүташаба гү гэжэ байгаалби* (Н.) 'Я ждала тебя, думая, что ты придешь. Не дождавшись, удивилась и подумала, уже не разлюбил ли ты меня!'

В 3-м примере *гэжэ* является как бы показателем подлежащего; в 4-м примере *гэжэ* как бы заключает собой прямую речь. В первом примере *гэжэ* выражает намерение, с которым выполняется действие, выраженное в сказуемом.

Иногда *гэхэ* опускается, например: *Аша хүбүүн асууба: Хүгшэн аба, хөөрэгты* (Н.) 'Внук просил: — Дед, расскажите!..'

Вообще же синтаксическая функция глагола *гэжэ* такова же, как и функция любого глагола. Любой оборот, сопровождаемый этим глаголом, мы называем вводной речью (за исключением тех случаев, когда *гэжэ* является показателем подлежащего или сопровождает собственное имя). Следовательно, вводная речь в целом может выступать в качестве любого (чаще всего — развернутого) члена предложения, поскольку глагол *гэжэ* может спрягаться по всем формам, а в форме причастия — склоняться по всем падежам. Следовательно, при рассмотрении вводной речи необходимо обращать внимание на место, занимаемое глаголом *гэжэ* в предложении, и на его спрягаемую или склоняемую форму.[2] Прямую же речь при глаголе *гэхэ* необходимо рассматривать как его развернутое или простое дополнение, хотя несколько самостоятельно оформленное. Вводная речь, стало быть, состоит из прямой речи и глагола *гэхэ*, в свою очередь управляемого последующим глаголом. Вводная речь, входя в состав

[1] Н. Н. Поппе, Аларский говор, часть I, стр. 126.

[2] А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 326—332; стр. 117; Н. Н. Поппе, Практический учебник, стр. 84.

предложения, иногда вкрапливается в середину этого предложения, например: *Нэгэ хун газаамни ерээд намайе гаража ерэ! гэжэ дуугараа* 'Один человек подошел к нашей ограде и крикнул мне: „Выходи"!'

Особенностью объекта действия прямой речи является то, что он в форме винительного падежа может быть выведен из данной прямой речи, как это мы видели в только что приведенном примере (*намайе*).

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Предложение, стало быть, состоит из подлежащего, сказуемого и дополнения; определение, как мы видели, не является в предложении равноправным членом, поскольку оно не „отвечает" на вопрос, исходящий от глагольного или именного сказуемого. Если в предложении отсутствуют подлежащее и сказуемое или один из этих членов, то оно называется неполным предложением, например: *Газаа буубад* 'Остановились во дворе'. В этом неполном предложении нет подлежащего.

Хэнһээ? (Ш.) 'От кого?' Здесь нет ни подлежащего и ни сказуемого.

Неполное предложение, если оно осуществляет полное высказывание, возможно, конечно, в определенном контексте. Так, например, из контекста обстановки становится известным, что субъектом первого нашего примера (т. е. грамматическим и подразумеваемым подлежащим) являются какие-то люди, о коих где-то шла речь. Во втором же примере в качестве подлежащего и сказуемого из всего контекста пьесы А. Шадаева подразумевается *бэшэг* 'письмо' и *бии* 'есть, имеется'. Вне определенного контекста любое неполное предложение становится непонятным и не могущим осуществить полное высказывание.

Неполное предложение возможно и вне того или иного контекста, но при определенной обстановке речи. Если кто-либо показывает рукой на дом и говорит: *һайхан байна даа!* 'Красив же!' — то, конечно, в качестве подлежащего подразумевается *гэр* 'дом'. Поэтому неполные предложения особенно употребительны в диалогах.

Слитным предложением называется такое предложение, в котором имеется несколько однородных членов: несколько подлежащих дополнений и сказуемых.

Примеры:

Эхэ басаган хоёр сайгаа шанаха гэжэ гэртэ газаа ороно гарана (Н.) 'Мать и дочь, чтобы приготовить чай, входят в юрту и выходят вон (т. е. 'бегают взад и вперед')'.

В этом предложении два подлежащих (*эхэ басаган хоёр*) и два сказуемых (*ороно, гарана*).

В языке эпических произведений особенно употребительны однородные дополнения:

1) *Уряанай уринда ла,*	'Раньше раннего,
Урин сагай түргүндэ лэ,	в начале раннего времени,
Сагай юунай сарюунда	когда времена были хорошие,
Түрэһэн гэһэн юумэ лэ!	он родился, говорят'.
2) *Ангар ехе далайн*	'Когда великая Ангара
горихолон байхада	ручейком еще была,
абарга ехэ загаһанай	Когда рыба-абарга (исполин)
жараахайлан байхада	пескарем еще была,
түрөө гэһэн юумэ лэ!	он родился, говорят!'

В первом из этих отрывков из эпоса „Аламжа Мэргэн" мы имеем четыре временных дополнения, а во втором — два развернутых дополнения.

Поскольку мы уже говорили выше об однородных дополнениях, в дальнейшем под слитным предложением будем понимать лишь многосказуемостное предложение, тем более, что многоподлежащные и многосубъектные предложения сами по себе не требуют особого рассмотрения.

Выше, говоря о сказуемых, мы указывали, какими формами они выражаются. Поэтому мы переходим непосредственно к примерам:

1) *Табан сараар таряа тариба, тангад хэлээр хэлэ хэбэ, бугын эбэрээр шошниг хэбэ, булагай уһаар унда хэбэ* — 'На пяти волах хлеб сеяли, на тангутском языке говорили, из рога изюбря сделали сошник, водой ключевою напились' (загадка: письмо)

2) *Худал хэлэжэ сэсэн болохо үгы* (Ф. сб.) — 'Неправду говоря, умным не станешь'

3) *Тэмээңһээ эхэ, тэхэһээ бага, саһанһаа сагаан, хөөһөө хара* (Ф. сб.) — 'Больше верблюда, меньше козла, белее снега и чернее угля' (загадка: сорока)

4) *Өөрын тархи дээрэ байһан буга харахагүй аад, хүнэй тархи дээрэ бөөһэ хараха.* — 'На своей голове не замечает изюбря, а на чужой голове видит вошь' (пословица)

5) *Эрхын зэргэ бэетэй аад, эрэ хонгор дуутай* (Ф. сб.) — 'Ростом с палец, а голосист как муж' (загадка: пуля)

6) *'Тиихэдэнь тэрэ үбгэниинь нэгэ сагаан мори, нэгэ шара нохой дахуулаад, шэнэ дэгэлээ үмдөөд, олзо бэдэрхэ гэжэ мордобо* (Ф. сб.) — 'Тогда тот старик взял с собой одну белую лошадь и одну желтую собаку, одел свой новый халат и отправился, чтобы найти какую-нибудь добычу'

В четвертом и пятом примерах мы имеем такие слитные предложения, в которых сказуемые, относящиеся к одному подлежащему, как бы противопоставлены друг другу, для чего используется форма разделительного деепричастия от „недостаточного" глагола *а* 'быть'. Во всех остальных примерах, кроме шестого, слитные сказуемые выражены либо изъявительными формами (в первом), либо именными: качественными именами — в третьем и причастиями — в остальных. В шестом же примере первые слитные сказуемые выражены деепричастиями, причем о них нельзя сказать, что они обозначают обстоятельственные действия.

Поскольку деепричастия первой группы чаще всего употребляются в качестве слитных сказуемых, считаем необходимым сказать о них несколько слов. Разделительное деепричастие, как указывал еще А. Бобровников, употребляется, когда а) одному и тому же подлежащему приписываются противоречащие друг другу действия, б) за одним деепричастием следует другое в порядке простой последовательности во времени и в) одно действие оказывается причиной другого.[1]

Примеры:

1) *Үнөөдэр ерэхэб гээд, юундэ ерээ үгыбши?* — 'Обещал притти сегодня, так почему же ты не пришел?'

2) *Мори хүлөөд, хоёр хүн түлеэндэ ошоо һэмди* (Ф. сб.) — 'Мы вдвоем запрягли лошадей и отправились за дровами' (см. также выше шестой пример)

3) *Дэгэлгүй ябаад, хүйтэ абааб* — 'Ходил без шубы и потому простудился'

[1] А. Бобровников. Грамматика, стр. 305—316.

Соединительное деепричастие отличается от разделительного деепричастия только тем, что оно обозначает действия, протекающие одновременно:

Хүдөө гаража
Хүгшэдтэй золгожо,
Залуушуудтай зугалжа,
Ажалшадта айлшалжа,
Болоһон һониниие дэлгэжэ (Номт.)

'На месяц выезжаю я в степи и там встречаюсь со стариками, (веселюсь) (с молодежью), бываю в гостях у людей труда, рассказываю им новости'

Слитное деепричастие чаще всего выражает действие, являющееся обстоятельством другого, например:

Аша хүбүүн гайхажа
Хүшэн абын амые
Харан-харан һууба (Н.)

'Внук заинтересовался и сидел, устремив взоры на деда'

Однако в речи различие между этими деепричастиями теряется (особенно между разделительными и соединительными), и они начинают употребляться произвольно. Так, например, соединительное деепричастие употребляется и тогда, когда временная или причинная последовательность действий представляется самоочевидной по логике вещей или контексту, например:

Намай хайралжа абаагүй (Ф. сб.) 'Пожалел меня и (потому) не взял (вторую жену)'

Хүхэ сэсэг задаржа,
Хүндэлэн гол гоёобо (Ф. сб.)

'Синий цветок распустился и широкую долину украсил'

Как известно, деепричастия могут выражать обстоятельственные действия. Установить же с точностью формальное правило, когда эти деепричастия выражают относительно независимые действия, а когда обстоятельственные, — невозможно: в каждом отдельном случае приходится опираться на логику вещей и соответствующий контекст. В пунктуации это различие необходимо установить следующии образом: если то или иное деепричастие выражает обстоятельственное действие, т. е. отвечает на вопрос „как", запятую после него не ставить.

Сочиненное предложение от слитного отличается только тем, что каждое сказуемое или каждая группа сказуемых имеет свое подлежащее, и, наоборот, каждое подлежащее имеет свое сказуемое; во всем остальном различия между слитным и сочиненным предложением установить нельзя.

Примеры:

1) *Наран гаража, шүүдэр хатаба* 'Солнце взошло, и роса высохла'
2) *Түмэниинь ошоод, түглэгэрынь үлэбэ* (Ф. сб.) 'Все ушли, крепкие остались' (загадка: листопад)
3) *Хоёрынь дохатай, хоёрынь дахагүй* (Ф. сб.) 'Двое — с дохами, двое — без дох' (загадка: уши и рога)
4) *Хаанай мал хамагаараа хариба, харагшан ала шан хоёр үлэбэ* (Ф. сб.) 'Ханский скот весь ушел, остались черная корова да пеструха' (загадка: ворон и сорока после отлета птиц)
5) *Зоболон гасалан хоёр жоргоо хоноод эртэ ерэхэ, зол жаргал хоёр зуу хоноод орой ерэхэ* (Ф. сб.) 'Муки и бедствия раньше шести суток приходят, счастье и радость и через сто суток не придут' (поговорка о старом быте)

Бурят-монгольский язык отличается тем, что логическое подчинение одного предложения другому достигается, во-первых, путем превращения одного предложения в развернутый член другого и, во-вторых, паратаксическим способом (два предложения следуют друг за другом без формального подчинения одного другому): *хабар боложо, саһан хайлаба* 'весна настала, снег растаял' (т. е. 'когда настала весна, растаял снег').[1]

Следовательно, в бурят-монгольском языке нет сложно-подчиненного предложения: то, что соответствует в переводе русскому придаточному предложению, есть развернутый член предложения.

Примеры:

Үүлэн хөөрэбэл бороо болохо (Ф. сб.) 'Если поднимется облако, будет дождь (то оно будет дождем)'

Наранай зүүн урда байхада түлеэндэ ошоо һэмди (Ф. сб.) 'Когда солнце находилось на востоке, мы отправились за дровами'

О развернутом члене предложения и деепричастиях второй группы, будет сказано ниже. Там мы увидим, что причастия в косвенных падежах и деепричастия второй группы со своими дополнениями и подлежащими являются в предложении развернутыми членами.

Для суммарной иллюстрации всего сказанного приводим следующую таблицу:

1. Развернутое дополнение:	Подлежащее	*Нүхэрөө (нүхэрэйнгөө)*
	Дополнение	*һургуулида*
	Сказуемое в семи вариантах	*оробол* — 1 *оротор* — 2 *орохолоор* — 3 *оромсоор* — 4 *ороходо* — 5 *орохые* — 6 *орохын тула* — 7
2. Подлежащее:	*би*	
3. Первое дополнение:	*шамда*	
4. Второе дополнение (прямое):	*бэшэг*	
5. Сказуемое:	*бэшэхэб*	

В этой таблице из семи слов составлено семь вариантов одного и того же предложения, что достигнуто путем передачи глагола *орохо* 'вступать' в семи разных формах (четыре деепричастия второй группы и три причастия). Без изменения оставлены члены предложения *Би шамда бэшэг бэшэхэб* 'Я напишу тебе письмо': *нүхэрэйнгөө* — подлежащее в раз-

[1] На материалах немецкого и французского языков показывается, как из сочиненного предложения (паратаксиса) в результате длительного развития получается сложное (гипотаксис). Об этом см. Т. Сокольская. Сложно-подчиненное предложение в немецком языке (в сборнике "Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении", Л., 1935, стр. 148—169).

вернутом дополнении, *һургуулида* — дополнение в том же развернутом дополнении. А глагол *орохо* в своих разных формах есть причастное и деепричастное дополнение по отношению к сказуемому *бэшэхэб* и одновременно сказуемое в составе своей надстройки. Теперь представим перевод (следить по нумерации вариантов).

1) Если товарищ поступит в школу, то я напишу тебе письмо.

2) До того как товарищ поступит в школу (или: до поступления товарища в школу), напишу тебе письмо.

3) Как только товарищ поступит в школу, я напишу тебе письмо.

4) Значение то же, что и в варианте 3.

5) Когда товарищ поступит в школу, я напишу тебе письмо.

6) О том, что товарищ поступит в школу, я напишу тебе письмо (или: О поступлении товарища в школу я напишу тебе письмо).

7) Для того чтобы товарищ поступил в школу, я напишу тебе письмо.

Как уже говорилось, развернутое дополнение соответствует придаточно-подчиненному предложению русского языка или отглагольному имени существительному с управляемыми словами (см. в скобках к переводу второго и шестого примеров).[1]

Развернутое дополнение не всегда стоит впереди всех прочих членов предложения, — оно может находиться и после них, но, конечно, не после сказуемого (за редкими исключениями, наблюдаемыми в стихах и диалогах), например: *Би шамда нүхэрэйнгөө һургуулида орохолоор бэшэхэб* 'Я тебе, как только товарищ вступит в школу, напишу письмо'.

В бурят-монгольском языке, как и в письменно-монгольском, сочинение при помощи деепричастий первой группы, а также будущего причастия в дательном падеже, широко используется для составления длинных периодов, тянущихся, по выражению одного монгольского автора, как хвост змеи или бараньи тонкие кишки. Будущее причастие в дательном падеже в таких периодах теряет свое обычное значение (дополнения времени) и приобретает функцию сочинения одного предложения с последующим.[2] В бурят-монгольской литературе такие длинные периоды встречаются под несомненным влиянием старомонгольской литературной традиции, что, впрочем не всегда должно рассматриваться как отрицательное явление. Самый длинный период из всей новейшей бурят-монгольской литературы мы нашли у Х. Намсараева, а именно в начале его рассказа *Уншэдэй үхэл*. В этом периоде, формально являющемся одним сложно-сочиненным предложением, есть пять слитных (многоказуемостных) предложений, соединенных в „одно" посредством сочинения. Вот он, этот пример:

А. 1) *Үгытэй Найдан эсэгэтэй,*
2) *Үлэн Долгор эхэтэй,*
3) *Сэлмэг харахан нюдэтэй,*
4) *Сэбэрхэн сагаахан шарайтай,*
5) *тобтой эөөлэхэнөөр хэлэдэг,*
6) *һамбаатай аалиханаар хүдэлдэг*
7) *долоо наһатай*

семь различных определений к подлежащему (*хүбүүн*); относительные определения имеют свой качественные определения

8) *Дондог гэжэ хүбүүн* — подлежащее
9) *үглөө* — дополнение
10) *эртэ* — дополнение

[1] Г. Д. Санжеев. Синтаксис, стр. 116—117.

[2] В этом отношении особенно характерна книга Чойбалсана. Краткая история развития монгольской национальной революции, в двух томах, Улан-Батор, 1934.

11) *бодожо* — 1-е сказуемое
12) *галынгаа хажууда* — дополнение
13) *һэмээхэн* — дополнение
14) *ерэжэ* } 2-е сказуемое с обстоятельственным определением действия
15) *һуугаад* }
16) *сэлмэг харахан нюдөөрөө* — дополнение с определениями
17) *эжы аба хоёрынгоо шарайе* — дополнение с притяжательным определением
18) *зүлмүүхэнөөр* — дополнение
19) *хараад* — 3-е сказуемое
20) *үрүүгаа* — дополнение
21) *хандан* — определение сказуемого
22) *һуухадань* — 4-е сказуемое

Б. 1) *эжы аба хоёронь* — подлежащее
2) *эрхэ гансахан хүбүүгээ урихан һайхан нюдөөр харахада* } развернутое дополнение
3) *энүүнэй урида үрэ хүүхэдые тогтоожо ядаһанаа* } второе развернутое дополнение
4) *һанажа* — 1-е сказуемое
5) *сэдьхэлэнь уяран энхэржэ* — вводное предложение
6) *тэсэхэгүй* — дополнение
7) *боһон ошоод* — 2-е сказуемое
8) *утаһан мэтэ зөөлэн үһэтэй* } определения к дополнению *толгой*
9) *монсогорхон* }
10) *хонгор* }
11) *толгойе* — дополнение
12) *эльбэн байжа* — 3-е сказуемое
13) *хоюуландаа* — дополнение
14) *үнэһэн мээхэйрэн* — 4-е сказуемое
15) *байхада* — связка

В. 1) *түрэлхиин номгохон һайхан абаритай* — относительное определение со своими определениями
2) *хүбүүниинь* — подлежащее
3) *эжы аба хоёройнгоо* — притяжательное определение
4) *гарнуудые* — дополнение
5) *зөөлэхэнөөр* — дополнение
6) *барижа* — 1-е сказуемое
7) *үнэзгы харахан* — дополнение с определениями
8) *хайралһан мэтэ* — дополнение
9) *харахалаарань* — 2-е сказуемое (формально дополнение)

Г. 1) *эхэнь* — подлежащее
2) *абдараа* — дополнение
3) *уудалжа* — 1-е сказуемое
4) *үнинһөө хойшо хадалгажа яваһан* — развернутое определение
5) *хатанхай* — определение
6) *бишихан* — определение
7) *хуруул* — дополнение
8) *гаргажа* — 2-е сказуемое
9) *эди даа гэжэ* — прямая речь
10) *үгэхэдэ;* — 3-е сказуемое

Д. 1)	*бишиихан*	— определение	
2)	*Дондог*	— подлежащее	
3)	*түүниие абажа эдихэ*	— развернутое дополнение	
4)	*шэлдэн хатуу байһан тула*	— развернутое дополнение	
5) а)	*дун мэтэ жэжэхэн*	— определение	развернутое дополнение
б)	*сагаахан*	— определение	
в)	*шүдөөрөө*	— дополнение	
г)	*аядуулан*	— определение (как?)	
д)	*мэрэһээр*	— дополнение (как?)	
6)	*шэмээгүйхэн*	— дополнение	
7)	*һуужа,*	— 1-е сказуемое	
8)	*дуунан*	— определение (как?)	
9)	*эдгээд,*	— 2-е сказуемое	
10)	*газаа*	— дополнение	
11)	*гараба*	— 3-е сказуемое	

Читать пример следует в левой колонке. Текст этот из рассказа Х. Намсараева нами приведен без малейшего изменения (кроме орфографического); мы снабдили его только цифрами согласно синтаксическому анализу в правой колонке.

Слово „определение" означает, что оно относится к ближайшему за ним дополнению или подлежащему, а также — сказуемому.

В этом примере четырехсказуемостное (слитное) предложение А, состоящее из 22 членов, содержит в себе 44 слова; четырехсказуемостное же предложение Б, состоящее из 15 членов, содержит в себе 37 слов; двухсказуемостное предложение В, состоящее из 9 членов, содержит в себе 17 слов; трехсказуемостное предложение Г, состоящее из 10 членов, содержит в себе 14 слов; последнее, трехсказуемостное предложение Д,—из 11 членов, содержит в себе 24 слова. Следовательно, во всем этом сложно-сочиненном предложении имеются 136 слов или 67 членов, из коих — 5 развернутых дополнений и несколько развернутых же определений (см. правую колонку).

В предложении А подлежащим является *Дондог гэжэ хүбүүн*, в Б — *эжы аба хоёронь*, в В — *хүбүүниинь*, *в* Г — *эхэнь*, в Д — *Дондог*.

Подобные длинные предложения не представляют редкого исключения. Приведенное предложение составлено весьма искусственно; особенно это чувствуется между предложениями В и Г: следовало бы: *хараба. Тиихэлээрэнь...* и т. д. Здесь следовало бы закончить черезчур растянувшееся „предложение". Само собой разумеется, что такие громоздкие „предложения" возможны только в письменной речи. Если в живой речи и встречаются длинные предложения, то это либо перечисления и ряд развернутых дополнений, либо ряд слитных предложений при одном подлежащем.

Как видно из этого примера, заключительные сказуемые первых трех предложений даны в форме будущего причастия в дательном падеже. Выше говорилось, что дательный падеж будущего причастия в таких случаях теряет свое обычное значение, значение временного дополнения (процессного); его функция — служить формой сочинения в длинных оборотах.[1]

Следовательно, в бурят-монгольском языке мы установили простое и сочиненное (или сложно-сочиненное) предложения, Как первое, так и второе предложение могут быть слитными или не слитными. В грамма-

[1] О периоде-предложении в монгольском языке конца XIII века см. в статье С. А. Козина, Язык первого периода истории монгольской литературы (Изв. Ак. Наук СССР, Л. 1935, стр. 477—500).

тиках говорят еще о повествовательном, восклицательном, отрицательном и утвердительном предложениях. Мы полагаем, что эти понятия не требуют особых пояснений, поскольку они рассматриваются в любой грамматике.

О „появлении" особых придаточных предложений определительного типа с вопросительными местоимениями уже говорилось выше (стр. 128).

ПРИЧАСТНЫЕ И ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ КАК РАЗВЕРНУТЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Выше, при рассмотрении состава предложения, мы указывали, что с точки зрения синтаксического анализа совершенно безразлично, как и в каком количестве слов выражается тот или иной член данного предложения. Как известно, функция или назначение того или иного члена предложения определяется теми вопросами, на которые он отвечает (напомним, что эти вопросы исходят всегда от сказуемого и определяемого), например:

Тот член предложения, который отвечает на вопрос *хэм* или *юум* (кто? что?) есть подлежащее. Слова, отвечающие на вопрос *хэнэй, юунэй, хэдэн, ямар, яаһан* (чей? кого? сколько? какой?) — определения. Слова, отвечающие на все прочие вопросы, являются дополнениями (в виду очевидности изложенного мы, понятно, примеров не приводим и отсылаем читателя к соответствующим разделам этой книги).

Синтаксической особенностью причастий и обстоятельственных деепричастий в бурят-монгольском языке является то, что они в предложении чаще всего выступают со своими собственными дополнениями и подлежащими.

Причастие, обрастая своими собственными дополнениями и подлежащими, образует причастный оборот, например: *Мини маргааша һургуулида ошоходо ши юу хэхэбши?* 'Что ты будешь делать, когда я завтра пойду в школу?'

В этом предложении причастие *ошохо* в дательно-местном падеже имеет: 1) свое подлежащее — *мини*, 2) свои дополнения — *маргааша* и *һургуулида*.

Вместе с тем это причастие само является дополнением по отношению к сказуемому *хэхэбши*, ибо оно отвечает на вопрос (*хэзээ* 'когда?'), исходящий от этого сказуемого.

Причастный оборот в предложении является, следовательно, развернутым членом. Развернутым может быть любой член предложения, иначе говоря, причастный оборот может выступать в качестве любого члена предложения: подлежащего, определения, дополнения и сказуемого.

Причастный оборот является развернутым подлежащим, если причастие „дано" в именительном падеже (чаще всего с личными притяжаниями) и отвечает на вопрос *яахань* (по-русски не переводимо), исходящий от сказуемого, например: *Багашуулай үдэр бүри һургуулидаа ошохонь мэдээтэй* 'Известно, что дети каждый день ходят в школу'.

В этом предложении причастие *ошохонь* со своим собственным оборотом отвечают на вопрос *яахань мэдээтэй* 'что известно?' В этом причастном обороте, являющемся в данном предложении развернутым подлежащим, имеется: 1) подлежащее — *багашуулай*, 2) дополнения — *үдэр бүри и һургуулидаа*.

Причастный оборот является развернутым определением, если причастие „дано" в именительном падеже и, стоя перед именем, отвечает на вопрос *яаһан* или *яаха* (какой? точнее: что сделавший?), исходящий уже не от глагола, а от имени, например: *Багашуулай үдэр бүри футболоор наадаһан газарые мүнөө заһажа байна* 'Площадку, на которой дети каждый день играли в футбол, теперь приводят в порядок'.

В нашем предложении причастие со своим собственным оборотом отвечает на вопрос *яаһан газарые* 'какую площадку'. В этом причастном обороте, являющемся развернутым определением, имеются: 1) подлежащее — *багашуулай*, 2) дополнение — *үдэр бүри* и *футболоор*.

Причастный оборот является развернутым дополнением, если причастие дано в одном из косвенных падежей или сопровождается одним из послелогов.

Примеры:

Багашуулай үдэр бүри һургуулидаа ерэхэдэнь халуун завтрак үгэнэ 'Ежедневно, когда дети приходят в школу, им дают горячий завтрак'

Миниі маргааша Москва ошохынь тухай хэнһээ дуулаабши? 'Ты от кого узнал, что я завтра еду в Москву?'

В этих предложениях причастия (*ерэхэ* в дательном падеже и *ошохо* в родительном падеже с послелогом *тухай*) со своими оборотами являются развернутыми дополнениями.

Причастие вместе со своим оборотом может быть и развернутым сказуемым — главным образом при местоименном подлежащем, например: *Энэмнай Базарай жороо морёороо ябаһан ха* 'Это, должно быть, Базар приехал на своем иноходце'.

Любое обстоятельственное деепричастие, обрастая своими собственными дополнениями и подлежащими, образует деепричастный оборот, например: *Миниі маргааша колхозой фермэһээ ерэтэр ши намайе эндэ хүлеэжэ байхаш* 'Ты жди меня здесь, пока я завтра не вернусь с колхозной фермы'.

В этом деепричастном обороте, как и в причастном обороте, имеются: 1) подлежащее — *миниі*, 2) дополнение — *маргааша, колхозой фермэһээ*.

Деепричастный оборот лишь тем отличается от причастного оборота, что он в предложении может быть только дополнением или, по школьной терминологии, развернутым обстоятельством, тогда как причастный оборот может быть подлежащим и сказуемым, дополнением и определением, о чем выше уже сказано.

Обрастать своими собственными дополнениями и подлежащими может любое обстоятельственное деепричастие, здесь же, ради экономии места, мы не даем примеров (кроме только что приведенного на совместное деепричастие), так как читатель имеет возможность найти их в разделе о деепричастиях.

Таким образом, как причастия, так и обстоятельственные деепричастия чаще всего обрастают своими собственными дополнениями и подлежащими и тем самым образуют причастные и деепричастные обороты.

Когда мы причастие или деепричастие с их собственными подлежащими и дополнениями называем оборотом, то тем самым имеем в виду внутреннюю структуру последнего и отвлекаемся от его синтаксической функции.

Когда же мы причастие или деепричастие с их собственными подлежащими и дополнениями называем развернутым членом, мы имеем в виду синтаксическую функцию данного причастного или деепричастного оборота.

Деепричастный оборот может быть только развернутым дополнением, а причастный — развернутым подлежащим, определением, дополнением и сказуемым (примеры см. выше). Любой оборот (причастный и деепричастный) по своему строению, по своей внутренней структуре представляет собой почти такую же организацию слов, как и предложение вообще. Следовательно, развернутый член есть как бы предложение в предложении. Иными словами, развернутый член лишь тем отличается от неразвернутого члена, что последний выражается отдельными словами,

тогда как он (развернутый член) выражается как бы целым предложением, в котором сказуемым является либо причастие, либо обстоятельственное деепричастие.

Причастие и обстоятельственное деепричастие, не „снабженные" своими собственными подлежащими и дополнениями, в предложении представляют собой уже не развернутые члены, а простые, например: *Энэ морин хатархадаа хурдан* 'Эта лошадь бежит быстро (буквально: 'Эта лошадь при своей „рыси" быстра').

Рассмотрим теперь внутреннюю структуру причастного и деепричастного оборотов — развернутого члена.

Развернутый член представляет собой такую же организацию слов, как и предложение вообще, но лишенную самостоятельного бытия. Это значит, что причастный или деепричастный оборот сам по себе может быть разложим на отдельные составные части, на члены, т. е. в нем мы можем найти и подлежащее и дополнение и т. д., например: *Минии маргааша Москва орохые (ши хэнһээ дуулаабши)?* ('Ты от кого слышал, что) я завтра еду в Москву?'

В этом причастном обороте (т. е. в развернутом члене) мы имеем: 1) подлежащее — *минии*, 2) первое дополнение — *маргааша*, 3) второе дополнение — *Москва*, 4) сказуемое — *орохые* ...

Вместе с тем группа этих слов, представляющая собой причастный оборот, в целом является развернутым дополнением по отношению к глаголу *дуулаабши* 'слышал?', ибо отвечает на вопрос *юу (дуулаабши)?* — что (слышал)?

То же самое мы найдем и в любом деепричастном обороте, например: *Шинии городһоо эндэ ерэбэлшни (бидэ шамда һонин юумэ харуулхабди)* 'Если ты приедешь сюда из города, (то мы тебе покажем нечто интересное)'.

Здесь мы имеем: 1) подлежащее — *шинии*, 2) первое дополнение — *городһоо*, 3) второе дополнение — *эндэ*, 4) сказуемое — *ерэбэлшни*.

Вместе с тем, эта же группа слов, представляющая собою деепричастный оборот (а именно: условно-деепричастный), в целом является развернутым дополнением по отношению к глаголу *харуулхабди* 'покажем', ибо отвечает на вопрос *яабалшни* (в каком случае)?

Приведенные примеры позволяют нам остановиться на двух особенностях причастного и деепричастного оборотов:

1) Подлежащее причастного и деепричастного оборотов оформляется именем в родительном падеже, например:

Минии маргааша Москва орохые 'Что я еду в Москву' ...
Шинии городһоо ерэбэлшни ... 'Если ты приедешь сюда из города' ...

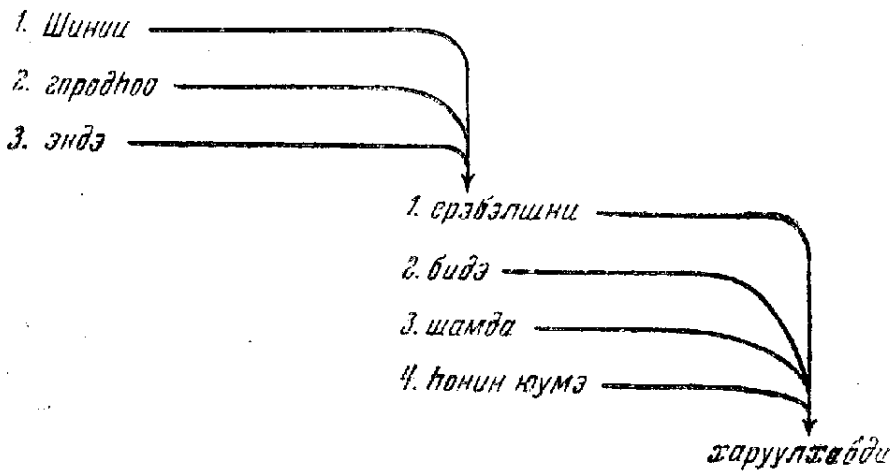
2) Само причастие (или деепричастие) оказывается выступающим одновременно в двоякой функции: с одной стороны, оно по отношению к своим собственным подлежащим и дополнениям оказывается сказуемым, а, с другой, по отношению к следующему глаголу оно же оказывается дополнением.

Сказанное для ясности может быть представлено в следующем виде (направление стрелки показывает подчинение) (см. вверху стр. 177).

Перевод: 'Если ты придешь из города сюда, мы покажем тебе нечто интересное'.

Этот же пример в следующей схеме (см. посредине стр. 177).

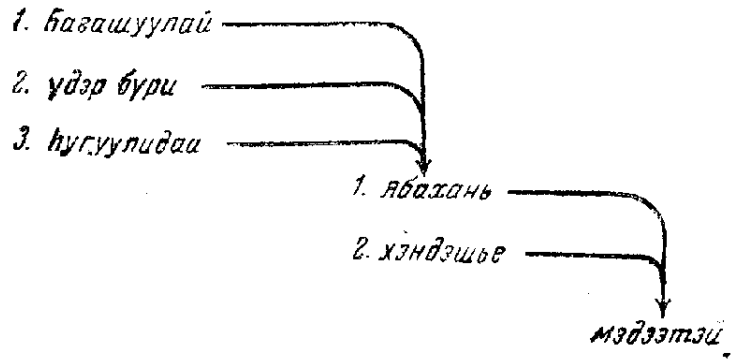
Как видно из схемы, условное деепричастие *ерэбэлшни* (если приедешь) по отношению к словам *шинии* (ты), *городһоо* (из города) и *эндэ* (сюда) является сказуемым, и в то же самое время по отношению к глаголу *харуулхабди* (покажем) оно оказывается дополнением, а вместе со своим оборотом — развернутым деепричастным дополнением.

Шинии	подлежащее	развернутое дополнение
городһоо	1-е дополнение	
эндэ	2-е дополнение	
ерэбэлшни	сказуемое	
бидэ	подлежащее	
шамда	I дополнение	
һонин	определение ко II	
юумэ	II дополнение	
харуулхабди	сказуемое	

Иными словами, деепричастие *ерэбэлшни*, во-первых, подчиняет себе три слова (*шинии, городһоо, эндэ*) и, во-вторых, само подчиняется глаголу *харуулхабди*. Такова двойственная функция или позиция любого деепричастия или причастия.

То же самое мы увидим и при причастном обороте, например:

Перевод: Каждому известно, что дети ежедневно ходят в школу.

Этот же пример в следующей схеме:

<table>
<tr><td>Багашуулай</td><td>подлежащее</td><td rowspan="3">развернутое подлежащее</td></tr>
<tr><td>үдэр бүри</td><td>1-е дополнение</td></tr>
<tr><td>һургуулидаа</td><td>2-е дополнение</td></tr>
<tr><td>ябахань</td><td>сказуемое</td><td></td></tr>
<tr><td>хэндэшье</td><td colspan="2">дополнение</td></tr>
<tr><td>мэдээтэй</td><td colspan="2">сказуемое</td></tr>
</table>

В нашем предложении причастие (с притяжанием третьего лица) *ябахань* одновременно является и сказуемым (в составе своего оборота) и подлежащим (по отношению к сказуемому *мэдээтэй* 'известно').

В заключение остается лишь указать, что причастные и деепричастные обороты, являющиеся в предложении развернутыми членами, по своему значению и форме делятся на 1) временные, 2) целевые, 3) причинные, 4) объектные, 5) условные, 6) уступительные, 7) сравнительные, 8) дополнительные и т. д., рассматривать которые мы здесь не будем, так как это уже изложено в учебном синтаксисе бурят-монгольского языка, составленном Ц. Сультимовым (Улан-удэ, 1940).

Приложение

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЗАПЯТОЙ

Наиболее сложным вопросом в синтаксисе бурят-монгольского языка является проблема пунктуации. Вся ее сложность в основном сводится к вопросу о том, где и как употреблять запятую. До сих пор, как известно, никаких правил пунктуации не существует. Несмотря на это, что особенно знаменательно, на практике не возникало какого-либо недоразумения на почве неправильного употребления знаков препинания. Отсутствие нормированных правил пунктуации привело к тому, что все пишущие на бурят-монгольском языке употребляют запятую, кому как вздумается. Все же существуют две „стихийно установившиеся теории" о том, где и как употреблять тот или иной знак пунктуации. Согласно одной „теории", нигде впрочем отчетливо не сформулированной, запятую надо ставить во всех тех случаях, когда встречаются глагольные формы (деепричастные, в особенности). Другая „теория" — диаметрально противоположная первой: по ней запятые вообще излишни. Разумеется, обе эти „теории" одинаково грешат крайностью и по существу ничем не отличаются друг от друга, ибо полная и неограниченная пунктуация равна отсутствию таковой.

Очевидно, для установления правил пунктуации необходимо исходить из каких-то целевых и общетеоретических предпосылок. Целевая установка пунктуации сводится к тому, чтобы, во-первых, правильным употреблением соответствующих знаков устранить разнобой в понимании того или иного текста, и, во-вторых, облегчить тем самым процесс чтения. Задача пунктуации — указать в возможных пределах соотношение слов в предложении.

Теоретические предпосылки пунктуации сводятся к тому, что в любом языке слова в предложении как бы тяготеют к глаголам, которые являются организующими и подчиняющими центрами предложения. Отсюда не трудно установить, что задача пунктуации — указать, какому из глаголов подчиняется то или иное слово или группа слов. Напомним известный пунктуационный анекдот:

„Помиловать нельзя сослать".

В этом примере отсутствие запятой перед или после слова „нельзя" не позволяет установить, к какому из глаголов относить это слово (или „помиловать нельзя, сослать", или „помиловать, нельзя сослать").

При определении правил пунктуации в бурят-монгольском языке необходимо учесть одну его синтаксическую особенность, которая отсутствует в русском языке, а именно: глагол в определенном сочетании слов всегда занимает последнее место, иными словами, глагол ставит впереди себя все те слова, которые он себе подчиняет, тогда как русский глагол расставляет управляемые им слова как перед собой, так и после себя, например: *Би үсхэлдэр һургуулиһаа дүүтэеэ ерээб* 'Вчера я вернулся из школы со своим братом'.

А поскольку в бурят-монгольском языке глаголы всегда занимают последнее место, со смысловой точки зрения иногда совершенно безразлично, буду я или не буду ставить запятую после слитных или сочиненных сказуемых, ибо в бурят-монгольском языке деепричастные формы как бы сами по себе являются показателями конца соответствующего отрезка речи.

Примеры:

Хабар боложо саһан хайлаба или *Хабар боложо, саһан хайлаба* — 'Весна настала, и снега растаяли'

Би үсхэлдэр гэртэһээн ерээд үнөөдэр бусахаар байнаб или *Би үсхэлдэр гэртэһээн ерээд, үнөөдэр бусахаар байнаб* — 'Я вчера приехал из дома, а сегодня собираюсь ехать обратно'

В обоих этих предложениях как отсутствие, так и наличие запятых в одинаковой степени не помешало (и не могло помешать) мне правильно понять текст: в обоих случаях я добился правильного понимания написанного. Тем не менее в обоих случаях необходимо ставить запятые по соображениям технического порядка (облегчения процесса чтения и моторного восприятия текста) и вследствие необходимости установить какие-то общие принципы пунктуации. А эти принципы сводятся к необходимости, например, указать, какую из четырех синтаксических функций выполняет в данном предложении сопутствующее деепричастие. Конечно, в пунктуации трудно избежать некоторой доли условности.

Так как вопрос запятой в бурят-монгольском литературном языке является самым сложным и центральным вопросом пунктуации, от правильного разрешения которого зависит и разрешение всей проблемы пунктуации в целом, мы сочли необходимым закончить нашу книгу попыткой наметить правила употребления запятой. Эти „правила" мы попытаемся изложить возможно кратко и тезисообразно, более подробно останавливаясь лишь на отдельных случаях.

Запятая ставится после вводных слов и обращений, если последние находятся в начале предложения.

Нүхэр, мүнөө үдэшэ клубтэ хоюулан ошоё — 'Товарищ, сегодня вечером мы пойдем в клуб'

һүүлшын мэдээгээр, нүхэрнай одоо ерэхэ болобо — 'По последним известиям, наш товарищ должен скоро приехать'

Запятая ставится перед обращениями, если последние стоят в конце предложения.

Мүнөө үдэшэ клубтэ хоюулан ошоё, нүхэр 'Сегодня вечером пойдем в клуб, товарищ'

Обращения и вводные слова выделяются запятыми с обеих сторон, если они находятся в середине предложения.

Энэ зээрдэ морин, би шамда үнэн хэлэнэб, тэрэ борые хэээдээшье гараха байна 'Этот рыжий конь, я тебе правду говорю, обязательно обгонит серого'

Запятая ставится после разделительного деепричастия, если между ним и сказуемым имеется хотя-бы одно слово, и, наоборот, она не ставится, если между ним (разделительным деепричастием) и сказуемым нет ни одного слова.

Моримнай газаагаа ерээд, хорёогос неэгээд оробо 'Наша лошадь пришла домой и, открыв изгородь, вошла (в ограду)'

Абамнай буугаа үгэлөөд, хайшаа ябаба? 'Куда это ушел наш отец, взяв свое ружье?'

Багашуул сайгаа уугаад гараба 'Дети напились чаю и вышли' (или: 'вышли, напившись чаю')

После соединительного деепричастия запятая ставится только в том случае, если оно оказывается слитным или сочиненным сказуемым:

Абамнай морёо уһалжа, тэргэ юумээ ишшэ тишэнь болгобо 'Наш отец напоил своего коня и убрал куда следовало телегу'

Хура бороон орожо, нойтон болобо 'Пошли дожди, и стало сыро'

Наоборот, после соединительного деепричастия запятая не ставится, если оно оказывается деепричастным дополнением или определением.

Хуушан сагта бэшэг үсэг мэдэхэ үгы ябаһан абамни ном уншажа ураба 'Мой отец, который в старое время не знал грамоты, теперь научился читать'

Би үдэр бүри ном уншажа юумэ ойлгодог болооб 'Я стал кое-что понимать, читал каждый день книги'

Но если между деепричастным определением и данным сказуемым имеется какой-нибудь глагол, к которому не относится деепричастное определение, то после него запятая ставится:

Манай малшан биноклёо гаргажа, эшэр хашаргүйгоор манай малда халдан ороһон аратые хараашалба 'Наш пастух, вынув свой бинокль, стал рассматривать хищника, нагло приближавшегося к стаду'.

Запятая после соединительного деепричастия *гаргажа* (вынув) показывает, что оно как определение относится не к причастию *халдан ороһон* (приближавшегося), а к сказуемому *хараашалба* ('стал рассматривать'). Если же после этого деепричастного определения запятую не поставить, то оно окажется отнесенным к причастию *халдан ороһон*, и тогда вся фраза приобретет иной смысл.

Еще пример: *Бидэ хадын хажуда морёо уяжа, унашаһан хү үзэхөө ошообди* 'Мы привязали у горы своего коня и пошли смотреть на упавшего человека'.

Если после деепричастия *уяжа* ('привязав') не поставить запятой, то оно окажется отнесенным к причастию *унашаһан* ('упавший'), и вся

фраза тогда примет следующий смысл: „Мы пошли смотреть, на человека, который упал, привязав своего коня у горы".

Иначе говоря, запятая после деепричастного определения показывает, что последнее не относится к непосредственно за ним следующему глаголу, а „принадлежит" более удаленному глаголу.

Необходимо условиться, что глагол, к которому относится впереди стоящий глагол, называется управляющим или определяемым глаголом.

В последнем примере глагол *ошообди* управляет деепричастием *уяжа* (ибо есть запятая), а в предыдущем — управляющим оказывается причастие *унашаһан* (ибо между ним и деепричастием нет запятой).

После любого обстоятельственного деепричастия запятая не ставится, если между ним и его управляющим глаголом нет другого глагола.

Примеры:

Шинии городһоо ерэтэр би энэ номоо уншажа байхаб — 'Пока ты не приедешь из города, я буду читать эту книгу'

Маргааша харгы хуурай болбол эдэмнай тээрмэдэ ошохо — 'Если завтра дорога будет сухая, то они поедут на мельницу'

Но если между обстоятельственным деепричастием и его управляющим глаголом имеется еще третий глагол, то запятая ставится, например:

Маргааша хура бороон оробол, үбэһөө сашбаха хүниинь тээрмэдэ ошохо — 'Если завтра будет дождь, то человек, который должен косить сено, поедет на мельницу'

Запятая после *оробол* показывает, что это деепричастие не управляется непосредственно за ним следующим глаголом (*сабшаха* 'косить'), а относится к более удаленному от него глаголу *ошохо* (т. е. 'поедет, если будет дождь').

Если после того же *оробол* запятую не поставить, то это деепричастие будет управляться непосредственно за ним следующим глаголом *сабшаха* ('косить'), но не будет относиться к более удаленному от него глаголу *ошохо:*

Маргааша хура бороон оробол үбэһөө сабшаха хүниинь тээрмэдэ ошохо — 'На мельницу поедет тот человек, который завтра должен косить сено в случае дождя'

Точно так же запятая не ставится после любого причастного дополнения или оборота, если между последним и его управляющим глаголом нет другого („постороннего") глагола, например:

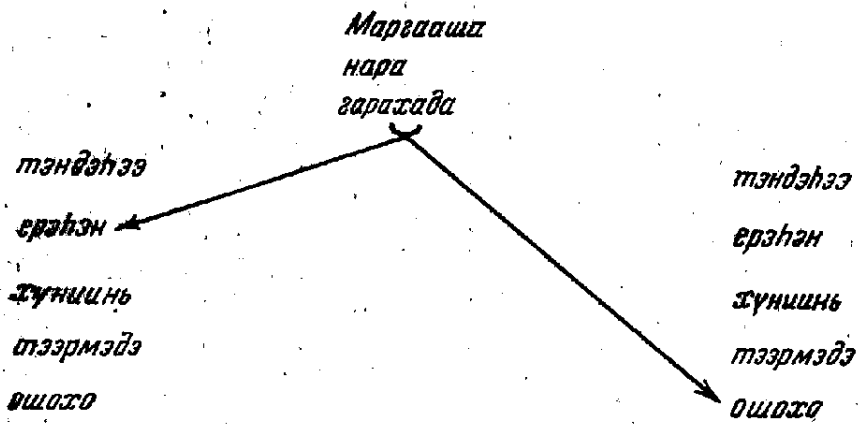
Маргааша нара гарахада тэрэ хүниинь тээрмэдэ ошохо — 'Когда завтра взойдет солнце, тот человек поедет на мельницу'

Минии маргааша Москва орохые ши хэнһээ дуулаабши? — 'Ты от кого слышал, что я завтра еду в Москву?'

Но если между причастным оборотом и его управляющим глаголом имеется еще третий глагол, то после причастия необходимо поставить запятую, например:

Маргааша нара гарахада, тэндэһээ ерэһэн хүниинь тээрмэдэ ошохо — 'На мельницу поедет тот человек, который прибудет оттуда при восходе солнца'

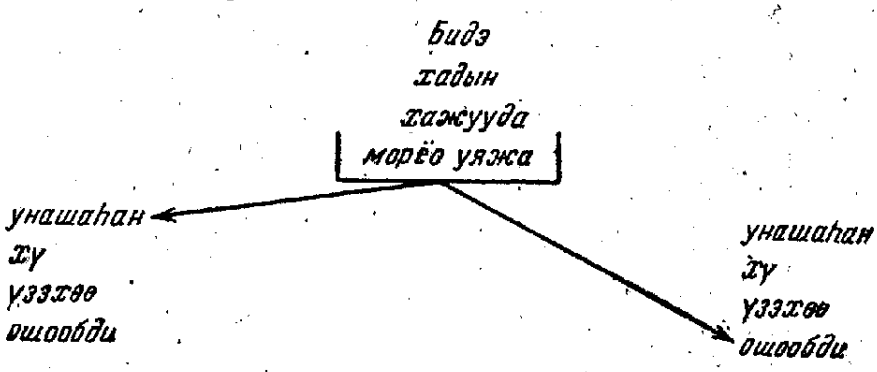
Изложим сказанное схематически:

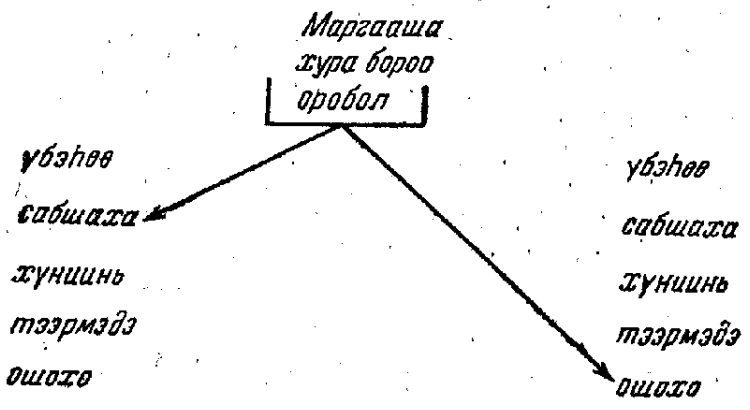

В первом случае (влево) после *гарахада* запятая не нужна, так как между данным причастием и его управляющим причастием *ерэһэн* нет другого глагола. Вместе с тем отсутствие запятой показывает, что причастное дополнение *гарахада* управляется непосредственно за ним следующим глаголом (*ерэһэн хүнийнь* 'человек, который прибудет, когда завтра взойдет солнце').

Во втором случае (вправо после *гарахада* запятая нужна, так как между данным причастием и его управляющим глаголом *ошохо* имеется другой глагол *ерэһэн*. Наличие запятой показывает, что причастное дополнение *гарахада* управляется не тем глаголом, который непосредственно за ним следует, а тем, который следует дальше (т. е. *ошохо*).

Приведенная схема одинаково пригодна и для различения деепричастного определения, деепричастного сказуемого и обстоятельственного деепричастия, например:

Слева после *уяжа* запятая не нужна, и фраза поэтому означает: „Мы пошли смотреть на человека, который упал, привязав свою лошадь у горы".

Справа после *уяжа* запятая нужна, и фраза поэтому означает: „Мы, привязав свою лошадь у горы, пошли смотреть на упавшего человека".

Иначе говоря, наличие или отсутствие запятой поясняет, кто же привязал свою лошадь у горы: „Мы ли (справа), или упавший человек (слева)".

Слева после *оробол* (см. схему внизу на стр. 182) запятая не нужна, и фраза поэтому означает: „На мельницу поедет тот человек, который должен был косить завтра сено в случае, если пойдет дождь".

Справа после *оробол* запятая нужна, и фраза поэтому означает: „Если, завтра будет дождь, то на мельницу поедет человек, который косит сено".

Обобщая эти схемы и изложенное, мы устанавливаем:

а) После соединительного (определительного) деепричастия, любого обстоятельственного деепричастия и причастного дополнения запятая ставится, если между ними и управляющим глаголом имеются другие глаголы (см. в схемах справа).

б) После указанных глагольных форм запятая не ставится, если между ними и управляющим глаголом нет другого глагола (см. в схемах слева).

в) После соединительного деепричастия запятая ставится всегда, если оно оказывается слитным или сочиненным сказуемым.

Если при одном управляющем глаголе скапливается более одного деепричастного определения, более одного обстоятельственного деепричастия или причастного дополнения, то запятая ставится после каждой из указанных форм, кроме последней по порядку (т. е. кроме непосредственно примыкающей к управляющему глаголу), например:

1) *Сайн юунэй сабхан сагаан байхада, сааран юунэй немгэн зөөлэн байхада, захын загзагар модоной задаржа байхада, турын олон хүнэй үгытэй ядуу байхада, тураг ехэ шубуунай булжамархан байхада түрэбэ гараба гэжэ* (А. М.)

'Он родился-появился, когда снега были пребелыми, когда тонка и мягка была бумага, когда деревья на опушке только начали распускаться, когда все люди в городах были убогими бедняками, когда птица-исполин еще жаворонком порхала'

В этом предложении запятая отсутствует только после последнего по счету причастного дополнения (*тураг ехэ шубуунай булжамархан байхада*).

2) *Би болбол маргааша гэртэнээ гарабал, нургуулидаа ошожо найн тэмдэг абабал, гэртээ ерэжэ урогоо бэлдэбэл шамтай наадахаа ошохоб*

'Я пойду с тобой играть в том случае, если я завтра (вообще) буду выходить из дома, если, пойдя в школу, получу хорошую отметку и, придя домой, приготовлю свой урок'

В этом предложении запятая отсутствует только после последнего по счету условно-деепричастного дополнения (*гэртээ ерэжэ урогоо бэлдэбэл*).

3) *Манай хүбүүмнай одоо ном ушажа, бэшэг бэшэжэ, найханаар зураг хуража нураба*

'Наш мальчик теперь научился читать книги, писать письма и хорошо рисовать'

В этом предложении запятая отсутствует только после последнего по счету деепричастного дополнения (*найханаар зураг зуража*).

4) *Урдын хуушан сагта минии эжымни баяшуулай үнээ-ямаа һаажа, тэдэнэй газаахи эсоохи хог юусынь арилган, гэр доторхиндонь хараалгажа сохюулжа наһаа баража ябаа һэн бэлэй даа*

'В старое время моя мать тем и жила, что доила коров у богачей, подметала у них сор и подвергалась ругани и побоям с их стороны'

В этом предложении только после последнего по счету деепричастного определения отсутствует запятая (*сохюулжа*). В этом же предложении три деепричастных оборота потому являются определениями, что все они отвечают на вопрос *яажа наһаа баража ябаа һэн бэлэй* 'как она жила'.

Изложенное позволяет нам установить, что однородные по своей синтаксической функции деепричастные и причастные члены предложения отделяются друг от друга запятыми, но от управляющего глагола последний из них (причастий и деепричастий) запятой не отделяется. Это же самое мы увидим и ниже.

После причастных определения и подлежащего запятая не ставится.

Примеры:

Эндэ зээрдэ морёороо ерэһэн хүн хайшаа ябааб?

'Куда ушел человек, который приехал сюда на своей рыжей лошади?'

Манай үдэр бүри урогоо һайсар хэдэгнай хэндэшье мэдээтэй

'Всем известно, что мы каждый день хорошо готовим свои уроки'

Энэ мориной айхабтар түргөөр хатархань гайхаштай

'Поразительно, как этот конь бежит быстро'

Но если при одном определяемом скапливается несколько причастных определений, то они отделяются друг от друга запятыми, но после последнего из них запятая не ставится, например: *Урогоо багшынгаа заанаарань хэдэг, пионэрэй отрядайнгаа даалгабариие хододоо гүйсэдхэдэг, гэртээ гигиенэ ёһоороньһахидаг Доржо һургуулидаа эгээ һайн һурагшада тоологдоно* 'В школе самым лучшим учеником считается Доржи, который выполняет по заданию учителя все уроки, исполняет поручения своего пионерского отряда и всегда опрятен'.

Равным образом отделяются друг от друга запятыми несколько причастных подлежащих, скапливающихся при одном сказуемом, но после последнего из них запятая не ставится, например:

Манай колхозой малаа үрэжүүлхэнь, членгүүдэй дунда бэшэг үзэг мэдэхэ үгы ябадалыг арилгаһаниинь, хабарай таряанай хүдэлмэридэ һайн бэлэдхэлтэйгээр ороһониинь „Бурят-Монголой үнэн" гэжэ газедтэ гарадаг лэ байна

'В газете "Бурят-Монголой Үнэн" сообщается, что наш колхоз увеличил поголовье своего скота, ликвидировал неграмотность среди своих членов и хорошо подготовился к весенним полевым работам'

В этом предложении лишь после последнего по счету причастного (развернутого) подлежащего (*ороһониинь*) отсутствует запятая.

Запятыми друг от друга отделяются также и сказуемые, относящиеся к одному и тому же подлежащему, причем совершенно безразлично, какими словами и формами (именами, причастиями, деепричастиями или прочими глагольными формами) выражаются эти сказуемые. После последнего сказуемого, разумеется, ставится точка или иной знак (вопросительный, восклицательный, многоточие), но не запятая.

Примеры:

Газаа багашуул үйлдэнэ, харайлдана, футболоор наадана, янза бүрийн дуу дуулана	'На улице дети бегают, скачут, играют в мячик и поют различные песни'
Гэртэ ороошоднай Гарма, Сэрэн, Дулма, Лера, Валя юүнүүд гээшэд	'Вошедшими в дом оказались Гарма, Цэрэн, Дулма, Лера, Валя и другие'
Газаа орхиһон сааръаднай нара бороондо шара, хүхэ, хара болошоһон байгаа	'Бумаги, забытые на улице, от солнца и дождя стали желтыми, синими или черными'

Из вышеизложенного следует, что все однородные члены простого предложения отделяются друг от друга запятыми; это в равной мере относится к частям сочиненного предложения. Из этого правила есть два исключения:

а) Если при однородных членах имеются обобщающие числительные *хоёр* 'два' и *гурбан* 'три', то запятая нигде не ставится.

Примеры:

Эхэ эсэгэ хоёрһоонь бэшэг абабаб	'От отца и матери я получил письмо'
Нэгэтэ үхэр ямаа тахяа гурбан ябаа бэлэй	'Однажды шли вместе бык, коза и курица'

б) Не ставится запятая также между парными словами (*хошоо үгэ*), каковыми могут быть в одинаковой степени и имена и глаголы.

Примеры:

Аха дүүгээ эрьежэ ябанаб	'Я навещаю своих братьев' (буквально: 'своего старшего и младшего')
Эхэ эсэгэдээ бэшэг бэшээб	'Своим родителям я написал письмо' (буквально: 'своему отцу и матери')
тэндэ юумэ хэбтэнэ	'Там и сям лежат вещи' (буквально: 'здесь и там')
Ехэ бага үгы ябаба	'Ушли и млад и стар' (буквально: 'большой и малый')
Хони ямаагаар хэр байнат?	'Как у вас насчет мелкого скота' (буквально: 'овцами и козами')?
Эндэ үйжэ харайжа болохогүй	'Тут скакать нельзя' (буквально: 'бегать и прыгать')
Орохо гарахашни залхуута	'Твое постоянное хождение надоедает' (буквально: 'входить и выходить')
Тэндэ хоёр гурбан хүн һууна	'Там сидят два-три человека'

Как известно, парные слова произносятся слитно, почти как одно слово, и часто образуют одно собирательное понятие *эхэ эсэгэ* 'родители', *аха дүү* 'братья', *эндэ тэндэ* 'кое-где, везде', *хони ямаан* 'мелкий скот'. Вот почему между парными словами запятая не ставится.

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Ф. сб. — Н. Н. Поппе. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. Ленинград—Москва, 1936.
А. П. — Г. Д. Санжеев. Песнопения Аларских бурят. Ленинград. 1929.
Н. — Хуца Намсараев (различные произведения).
Номт. — Ц. Номтоев (стихи).
Ш. — А. Шадаев (пьесы).
У. — Бурят-Монголой Үнэн (цифры означают соответствующий номер этой газеты за 1938 и 1940 годы).
А. М. — Аламжа Мэргэн (эпическая поэма бурят-монголов).
Д. — Д. Дашиев. Книга для чтения. Улан-Удэ 1938.

Остальные источники примеров даются в тексте полностью (фамилии писателей и т. д.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

КРАТКИЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Гласные:

Долгота и краткость гласных. Ударение 5
Задние гласные 8
Передние гласные 9
Дифтонги 12
Сингармонизм гласных 13

Согласные:

Звонкие 16
Глухие 18
Носовые 19
Палатализация согласных 20

МОРФОЛОГИЯ

Предварительные замечания 22
Предметные и качественные имена 26
Наречия, послелоги, частицы и междометия 41
Местоимения 48
Числительные 53
Глаголы:

Предварительные замечания (виды и залоги) 54
Повелительные и изъявительные формы 66
Причастия 67
Деепричастия 76

1) Деепричастие как дополнение 78
2) Деепричастие как определение 79
3) Деепричастные сказуемые 80

Словоизменение

Общие замечания 83
Образование множественного числа 85
Склонение имен вообще 89
Склонение местоимений 93
Двойное склонение 95
Притяжание 96
Спряжение глагола 99

СИНТАКСИС

Формы связи слов 102

Подчинение:

Порядок слов 104
Примыкание 108
Интонация 111
Согласование 112
Управление 115

Сочинение (Сложение слов — 118; удвоение — 122) 118
О составе предложения 123

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

КРАТКИЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Гласные:

Долгота и краткость гласных. Ударение 5
Задние гласные 8
Передние гласные 9
Дифтонги 12
Сингармонизм гласных 13

Согласные:

Звонкие 16
Глухие 18
Носовые 19
Палатализация согласных 20

МОРФОЛОГИЯ

Предварительные замечания 22
Предметные и качественные имена 26
Наречия, послелоги, частицы и междометия 41
Местоимения 48
Числительные 53

Глаголы:

Предварительные замечания (виды и залоги) 54
Повелительные и изъявительные формы 66
Причастия 67
Деепричастия 76

1) Деепричастие как дополнение 78
2) Деепричастие как определение 79
3) Деепричастные сказуемые 80

Словоизменение

Общие замечания 83
Образование множественного числа 85
Склонение имен вообще 89
Склонение местоимений 93
Двойное склонение 95
Притяжание 96
Спряжение глагола 99

СИНТАКСИС

Формы связи слов 102

Подчинение:

Порядок слов 104
Примыкание 108
Интонация 111
Согласование 112
Управление 115

Сочинение (Сложение слов — 118; удвоение — 122) 118
О составе предложения 123

Стр.

Сказуемое 132
Связки 136
Глагольные сказуемые 139
Именные сказуемые 142
Подлежащее 147
Дополнение 155
Определение 165
Об употреблении *гэхэ* 167
Типы предложений 174
Причастные и деепричастные обороты как развернутые члены предложения . . 178
Употребление запятой 178

Редактор издательства П. А. Сычев. Подписано к печати 24/V 1941 г. РИСО № 1747—745. Кол. тип. зн в 1 печ. л. 62304 А 39112. Объем 11¾ печ. л., 15,68 уч.-изд. л. Тираж 800 экз. Цена книги 12 руб. 50 коп.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Заказ № 258.

Акад. Наук СССР
Отд. Гос. Фонд

Стр.

Сказуемое 132
Связки 136
Глагольные сказуемые 139
Именные сказуемые 142
Подлежащее 147
Дополнение 155
Определение 165
Об употреблении *тэхэ* 167
Типы предложений 174
Причастные и деепричастные обороты как развернутые члены предложения . . 178
Употребление запятой 178

Редактор издательства П. А. Сычев. Подписано к печати 24/V 1941 г. РИСО № 1747—745. Кол. тип. зн в 1 печ. л. 62304 А 39112. Объем 11¾ печ. л., 15,68 уч.-изд. л. Тираж 800 экз. Цена книги 12 руб. 50 коп.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Заказ № 258.

Акад. Наук СССР
Отд. Особ. Фонд

АК. С.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР

Г. Д. САНЖЕЕВ

ГРАММАТИКА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
13	9 сверху	у, ӯї	ӯ, уї
52	9 „	шхэ	шхи
59	17 снизу	не значит не	значит не
114	30 „	болопон	болоhон
164	20 „	Минин	Минии
177	5 „	hугуулидаа	hургуулидаа